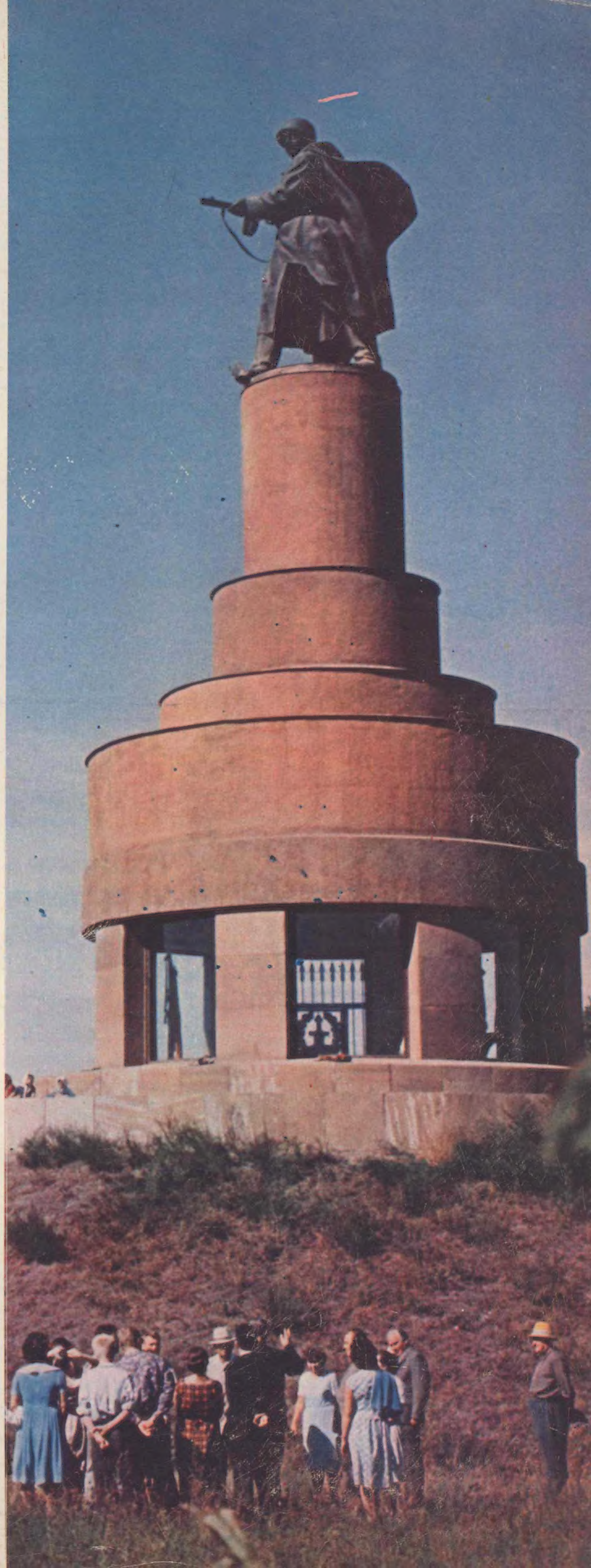

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 44 ОКТЯБРЬ 1983

ФРГ.

Волна демонстраций захлестнула страны Западной Европы. Главное требование их участников — не допустить размещения на континенте нового американского ракетно-ядерного оружия средней дальности.

ДАНИЯ.

ЕВРОПА ПРОТЕСТУЕТ,

ИТАЛИЯ.

**НАРОДЫ МИРА! ДАВАЙТЕ РЕШИТЕЛЬНЫЙ
ОТПОР АГРЕССИВНЫМ ПРОИСКАМ ИМПЕРИА-
ЛИЗМА, МИЛИТАРИЗМА И РЕВАНШИЗМА!**

**ОБУЗДАЕМ ГОНКУ ВООРУЖЕНИЙ, УСТРА-
НИМ УГРОЗУ ВОЙНЫ, ОТСТОИМ И УГЛУБИМ
РАЗРЯДКУ!**

Из Призывов ЦК КПСС к 66-й годовщине Великой Октябрьской
социалистической революции.

КОГДА НАРОД ГОВОРIT «НЕТ»...

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

«Если вы желаете наблюдать за атомной войной с близкого расстояния, то купите мой дом, всего лишь 5 километров от Хаттенбаха. Предложения направляйте под кодом ЕР 4638». Такое на первый взгляд странное объявление однажды появилось в западногерманской газете «Франкфуртер рундшау». Но странным оно было лишь на первый взгляд. Появилось же объявление сразу после того, как по телевидению ФРГ были переданы отрывки из телефильма американской компании Си-би-эс об очередных маневрах американских войск. Фильм назывался «Оборона Америки».

Как же и где хотели американцы оборонять свою страну? Оказывается, вовсе не в Калифорнии или Техасе, а в ФРГ, на территории земли Гессен. Здесь — а

именно близ деревушки Хаттенбах — американские войска «репетировали» взрыв атомного заряда. Дикторский текст гласил: «В ходе военной игры наши войска уничтожили деревню под названием Хаттенбах».

Хаттенбах не плод воображения американских топографов. Это реально существующая деревушка в живописной долине реки Фульды, недалеко от города Бад-Херсфельд. Но и сценарий Си-би-эс не был плодом воображения. Западногерманские газеты напечатали выдержки из боевых наставлений 7-й американской армии, согласно которым ее командование рассматривает применение ядерного оружия необходимым именно в Гессене, именно в долине Фульды.

Окончание на стр. 5.

ЕВРОПА ТРЕБУЕТ...

АНГЛИЯ.

Фото ТАСС, журнала «Шлигель»,
телефото «Огонька»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 44 (2937)

29 ОКТЯБРЯ 1983

© Издательство «Правда», «Огонек», 1983

В НОМЕРЕ:

О разгроме крупной группировки фашистских армий на Днепре, об освобождении Киева советскими войсками рассказывает генерал армии С. П. Иванов — стр. 14—18.

Председатель Пярнуского совета РАПО Аго Соасепп: «...отстающие хозяйства резко увеличили производство продукции полей и ферм, заметно подняли доходы».

Интервью Нины Храбровой с Аго Соасеппом — «Обретение силы» — стр. 7—8.

«И мы, пионеры и комсомольцы, на все откликались с пылом молодых сердец, жили интересно, увлеченно». 65-летию ВЛКСМ посвящает свои воспоминания «Тогда, в Донбассе...» ветеран комсомола Владимир Рудим — стр. 9.

Читатель предлагает, критикует: что нравится и не нравится в журнале? — стр. 30.

XXXVII ЗАСЕДАНИЕ СЕССИИ СЭВ

18—20 октября 1983 года в столице Германской Демократической Республики — Берлине состоялось очередное, XXXVII заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

В работе сессии участвовали делегации стран—членов СЭВ, возглавляемые Председателем Совета Министров Народной Республики Болгарии Г. Филиповым, Председателем Совета Министров Венгерской Народной Республики Д. Лазаром, заместителем Председателя Совета Министров Социалистической Республики Вьетнам То Хыу, Председателем Совета Министров Германской Демократической Республики В. Штофом, заместителем Председателя Государственного совета и заместителем Председателя Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригесом, Председателем Совета Министров Монгольской Народной Республики Ж. Батмунхом, Председателем Совета Министров Польской Народной Республики В. Ярузельским, Премьер-Министром правительства Социалистической Республики Румынии К. Дэскэлеску, Председателем Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик Н. А. Тихоновым, Председателем правительства Чехословацкой Социалистической Республики Л. Штроугалом.

В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством СФРЮ

в заседании сессии приняла участие делегация СФРЮ во главе с заместителем Председателя Союзного исполнительного веча Б. Сребричем.

В качестве наблюдателей в работе сессии по приглашению участвовали представители Народной Республики Ангола, Демократической Республики Афганистан, Народной Демократической Республики Йемен, Лаосской Народно-Демократической Республики, Народной Республики Мозамбик, Социалистической Эфиопии. В связи с утверждением соглашения о сотрудничестве между Советом Экономической Взаимопомощи и Республикой Никарагуа в заседании сессии приняла участие делегация Республики Никарагуа.

Заседание сессии проходило в обстановке единодушия, братской дружбы и полного взаимопонимания.

Было принято Заявление глав правительств государств—членов Совета Экономической Взаимопомощи.

На снимке: делегация Советского Союза в зале заседания сессии СЭВ.

Фото В. Будана (ТАСС)

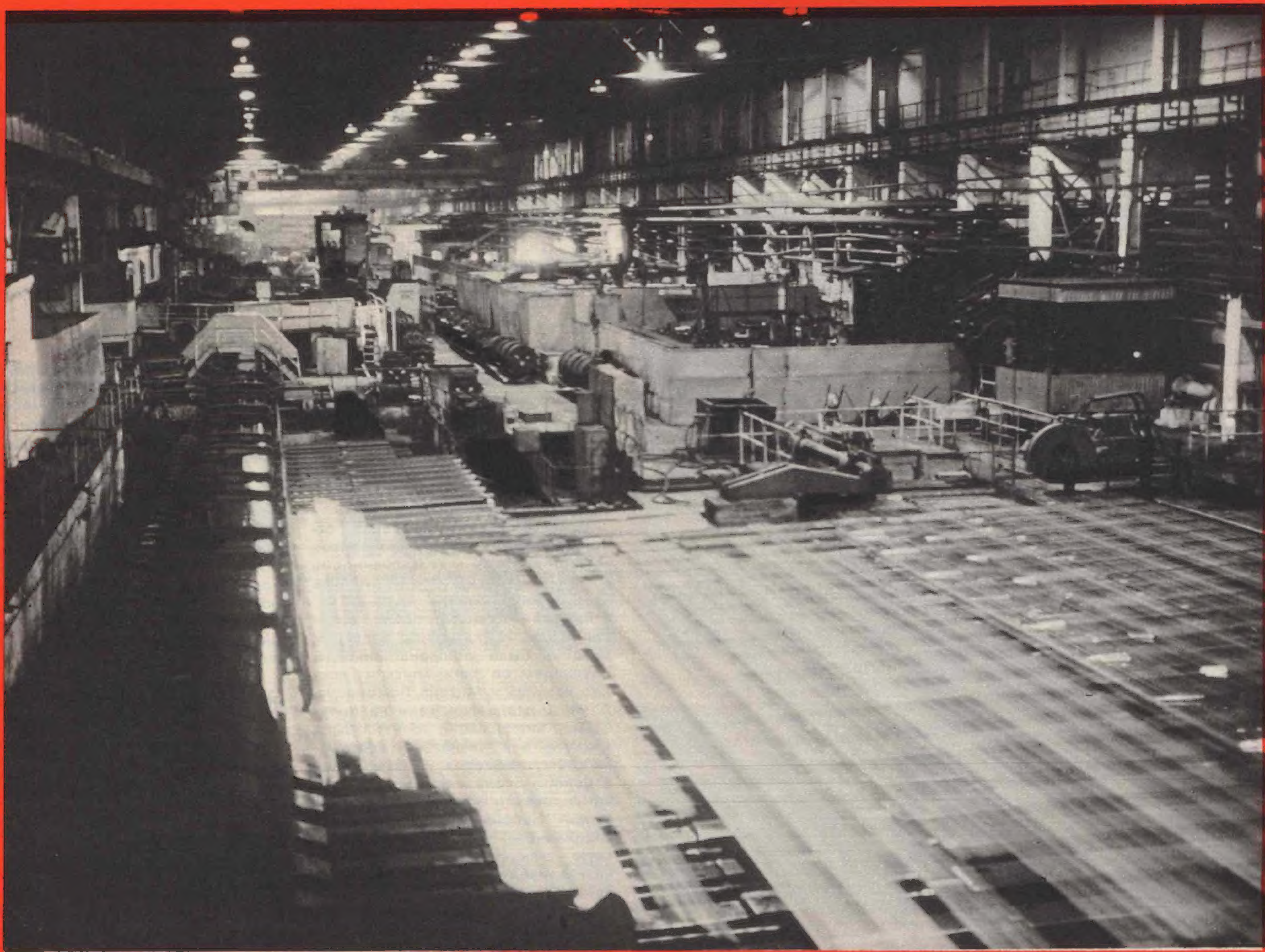
ГОРОД-СОЛДАТ, ГОРОД-ТРУЖЕНИК

Славный город Харьков за мужество и стойкость его жителей, проявленные в годы Великой Отечественной войны, и за успехи в хозяйственном и культурном строительстве награжден орденом Октябрьской Революции. 21 октября в Харькове состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов, посвященное вручению городу высокой награды. На заседании выступил член Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК Компартии Украины товарищ В. В. Щербицкий. Он от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР поздравил присутствующих, всех харьковчан, участников боев за Харьков с наградой Родины и 40-летием освобождения города от фашистских захватчиков.

Товарищ В. В. Щербицкий под бурные аплодисменты присутствующих прикрепил орден к знамени города.

Участники торжественного заседания с подъемом приняли приветственное письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Ю. В. Андропову.

Фото ТАСС

Ударным трудом встречает 66-ю годовщину Великого Октября коллектив Первоуральского новотрубного завода. Гордость первоуральцев — прокатный стан «30-120». На снимке: идет очередная партия продукции.

Фото Л. Шерстенникова

УСКОРЯЯ ШАГИ ПЯТИЛЕТКИ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана промышленности СССР за девять месяцев 1983 года.

НА 101

процент выполнили работники промышленности план девяти месяцев по реализации продукции. План по объему продукции выполнен всеми промышленными министерствами и союзными республиками. Превышены задания по выпуску многих важнейших видов изделий.

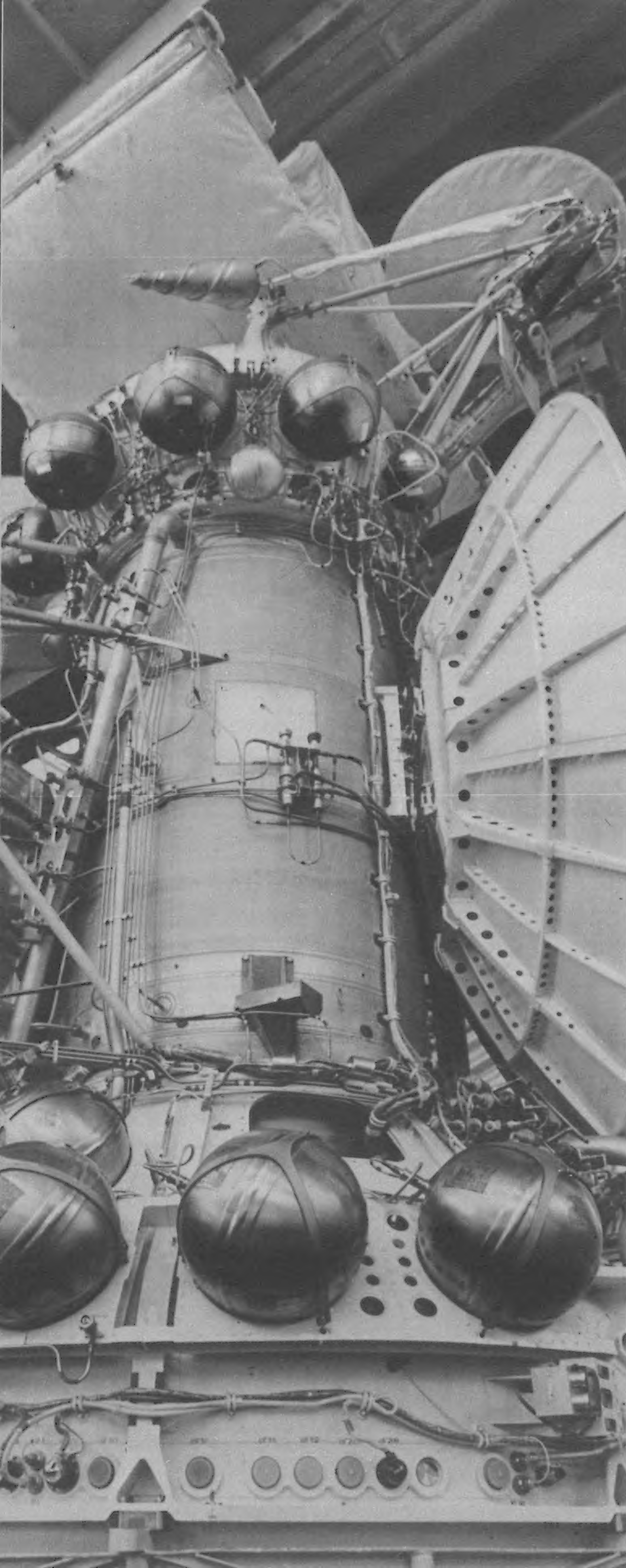
4,1

процента — таков прирост общего объема производства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

НА 3,5

процента возросла производительность труда; за счет этого получено 88 процентов прироста продукции.

Трудовые коллективы ведут работу по дальнейшему повышению эффективности производства, укреплению трудовой дисциплины и обеспечению выполнения установленных планов и принятых социальных обязательств.

ВЕНЕРА РАПОРТУЕТ ЗЕМЛЕ

Советскими автоматическими станциями передано изображение ранее неизвестных районов Венеры.

На станции слежения «Медвежий озеро» над крошкой леса — огромная чаша параболической антенны. Время от времени она поворачивается под углом к горизонту и смотрит вдаль в небо. Сейчас она смотрит в сторону одной из самых прекрасных звезд Вселенной — Венеры.

Начиная с 16 октября Венера отвечает Земле, впервые показывая те свои кратеры и возвышенности, которые до сих пор считались «terra incognita».

Венера — планета, самая близкая к нам. И вниманием ученых к себе не была обижена никогда. Изучением ее занимались и Галилео Галилей и Михаил Ломоносов. А уж в двадцатом веке на получение информации о ней была дабнута вся планетная астрономия. Но, несмотря на это, знали о Венере очень мало. Каких только гипотез и предположений не было! Например, еще недавно специалисты, готовя автоматическую станцию, рассчитывали ее на... приводнение, по аналогии с Землей предполагая, что Венера состоит в основном из воды. А воды-то там, оказывается, и нет, совсем нет. Бушуют грозы, вспыхивают молнии, но без дождей.

Четырнадцать советских станций дали информации больше, чем все предыдущие исследования. Теперь ученые знают: прекрасной Венеру можно назвать только с Земли, когда она в удивительно ярком блеске появляется то вечером на западе, то утром на востоке. А в сущности, условия там напоминают, как говорится, ад: огонь и сера. Температура в полтысячи градусов, давление в 100 атмосфер. Советские автоматические посланцы «Венера-13» и «Венера-14» в марте прошлого года передали на Землю цветные панорамы и анализ грунта, но тех областей, которые видны с Земли. Дело в том, что Венера повернута к нам всегда только одной своей стороной, а другую сторону можно будет увидеть лишь через 700 лет. А Северный полюс планеты вообще недоступен для наблюдения. Выход для изучающих планету один — радиолокация, но не с Земли, а с искусственного спутника Венеры. И вот две советские станции, сначала «Венера-15», а затем «Венера-16», благополучно дошли до планеты и стали ее спутниками. Их орбиты как раз и проходят почти прямо над полюсами Венеры.

Конструкции станции существенно отличаются, скажем, от предыдущих «Венеры-13 и -14». Спускаемого аппарата нет, но в

более полном объеме представлена научная аппаратура. Увеличены запасы компонентов топлива и площадь солнечных батарей. Самое сложное устройство — радиолокатор. С тысячекилометровой высоты сквозь пелену облаков прощупывает он своим лучом контуры планеты и за двадцатиминутный сеанс снимает полосу венерианской поверхности шириной в 150 и длиной в 9 тысяч километров. Разрешающая способность локатора бокового обзора поразительна, она позволяет различать детали поверхности протяженностью 1—2 километра.

В Центре приема информации, прямо под чашей антенны, нам показали первые изображения. Медленно снизу вверх плыли по экрану монитора три серые полосы, то очень светлые, без тени, то темные, то пятнистые.

Сообщение комментирует директор Института геохимии и аналитической химии АН СССР член-корреспондент Валерий Леонидович Барсуков.

— Сейчас спутник проходит над волнистой поверхностью Венеры. Видите, светлая, а рядом темная полоса — это хребет и каньоны. А вот совсем темная полоса — это резкий каньон. Он имеет ширину в два километра и протяженность около ста километров. Примерно как наш Байкальский рифт. Дальше идут горы, здесь кольцевые структуры; по-видимому, мы наблюдаем проявление ударных процессов, которые проходили на ранних стадиях развития планеты. В сущности, набор тех же геологических структур, которые мы видим на Земле. Но в отличие от Земли на Венере сухо, нет взаимодействия с породами, нет разрушения. На Венере мы наблюдаем как бы законсервированные морфологические типы поверхностей.

Изображения, полученные с автоматических станций, великолепные, хотя пока это только «проба пера». Аккуратно, каждый день идет фотографирование планеты. И каждый сеанс приносит новые сведения о каньонах, горах, впадинах. У них пока нет названий. Карта Венеры только рождается.

Знаком Венеры, с древности служило изображение ручного зеркала — эмблема женственности и красоты. Традиция такова, что у вновь открытых гор и кратеров имена будут женские, как в основном на Венере. Целый парад русских женских имен украсит карту планеты.

Римма КОРНАУШЕНКО

Действующий аналог автоматических станций «Венера-15» и «Венера-16» в испытательном корпусе.

Фото В. Кузьмина (ТАСС)

— Вы можете понять, — говорили мне представители организации «гражданская инициатива за мир» в Бад-Херсфельде, — что в нашем районе, в том числе и в Хаттенбахе, вопрос об атомной угрозе затрагивает каждого. У нас возникли многочисленные гражданские комитеты, которые поставили своей целью борьбу против опасных американских планов. Нет, мы не «антиамериканисты», как нас часто называют. Мы не враги Америки. Но и не хотим быть ее заложниками...

Об этом разговоре я часто вспоминаю, когда газеты, радио и телевидение приносят все новые и новые сообщения о росте анти-

ФРГ ищет подрядчика на производство крупных строительных работ. Казалось, дело привычное, обычное? Но на проверку оказалось, что будут строиться новые объекты для американских войск, точнее, стартовые площадки и прочее оборудование для новых ракет. Результат? Быстрый взлет антивоенного движения, митинги и демонстрации, поход в Бонн, к зданию военного министерства, созыв пресс-конференций. Сейчас в Битбурге регулярно проводятся пикетирование американских баз, блокирование подъездов к ним. Городской совет принял решение об объявлении города «безъядерной зоной».

— Наконец, 22 октября состоялся день массового протеста, главные мероприятия которого прошли в Бонне и Гамбурге. На улицы на этот раз вышли один миллион двести пятьдесят тысяч человек!

Итак, народ говорит «нет» ракетам. Но как на это реагирует правительство ФРГ? Отвечая на этот вопрос, мы неизбежно сталкиваемся с темой, которую тщательно обходят апологеты западного образа жизни. Проблема эта именуется судьбой народовластия в условиях капитализма и давно является объектом бессовестной спекуляции, беззастенчивой демагогии. В том числе и в ФРГ.

В 80-е годы то, что Аденауэр сделал в 50-х. Буржуазные политики умышленно игнорируют уроки периода разрядки, когда ФРГ пришлось отказаться от доктрин эпохи Аденауэра. Как иронически писала одна западногерманская газета, ХДС хочет сейчас «дать полный ход вперед, чтобы двинуться назад». Далеко не случайно сейчас возрождаются недобрые традиции «холодной войны». Снова зашевелились реваншистские землячества. Их представитель, министр в правительстве Коля—Геншера Генрих Виндлен и его коллега из Баварии Циммерман уже заговорили о «границах 1937 года». Снова нагнетается антисоветский психоз.

А мнение народа? Недавно генеральный секретарь ХДС, министр Христиан Гайслер высказался совершенно откровенно:

— Мы разместим ракеты, даже если большинство населения будет возражать. Мы будем верны решению НАТО...

Правда, стремясь к размещению ракет, в Бонне ссылаются на «мандат», который правительство якобы получило на минувших выборах. Однако какова подлинная цена сему «мандату», можно видеть по многочисленным опросам общественного мнения. Они дают цифру: от двух третей до трех четвертей опрошенных — против размещения. С тем большей интенсивностью власть имущие ведут свою линию на игнорирование воли народной. Усиливаются полицейские меры, готовятся судебные расправы с участниками антивоенного движения.

Таков несложный метод действий. Несложный, но целенаправленный. Сейчас в подмогу НАТО разработаны обширные пропагандистские программы, согласно которым все ведомства ФРГ ведут усиленную агитацию за ракеты — читай, против разрядки, против Советского Союза и его миролюбивой политики. А под шумок идет подготовка к размещению ракет. Как сообщил недавно журнал «Шпигель» и подтвердил депутат бундестага от СДПГ К. Фойгт, часть ракет уже тайно завозят в ФРГ. Готовятся стартовые площадки, казармы для обслуживающего персонала и многое другое. Иными словами: в «открытом обществе» проводится открытый обман лучших чаяний миллионов граждан ФРГ, не желающих стать инструментом в руках Пентагона. Народ говорит «нет», а правительство...

Сейчас на карту поставлено многое. В ФРГ очень серьезно восприняли слова правды о судьбах Европы, которые направил Ю. В. Андропов группе социал-демократических депутатов бундестага. В политических кругах активно обсуждается также Заявление Ю. В. Андропова, и во время недавних манифестаций их участники вручили посольству СССР в Бонне призыв сделать все возможное, чтобы предотвратить размещение американских ракет. Сейчас в ходе всемирной недели за разоружение, начавшейся 24 октября, намечены новые активные действия противников ракетного безумия. Как заявил оратор на одном из недавних митингов:

— Пусть приверженцы решения НАТО не ссылаются на то, что, мол, не знали, что творили. Мы их предупреждали громко. Так громко, что слышал весь мир...

КОГДА НАРОД ГОВОРИТ «НЕТ»...

военного движения в ФРГ. Посудите сами: движение разворачивается в стране НАТО. В стране, население которой в течение десятилетий подвержено психологической обработке в атлантическом духе. В стране, где культивируются традиции прусского «верноподданничества». В стране, где антикоммунизм является не только идеологической, но и административной нормой. В стране, где для поступления на государственную службу можно быть бывшим эсэсовцем, но нельзя быть членом ГКП.

Но факты налицо. Начиная с момента принятия в декабре 1979 года решения НАТО о размещении ракет, антивоенное движение неуклонно набирает свою силу. По поводу его истоков я не раз беседовал с участниками митингов и демонстраций и мог установить: речь идет о глубинном процессе, в основе которого лежит элементарное, свойственное каждому человеку чувство самозащиты.

— Вы, конечно, знаете, — говорил мне ветеран антивоенного движения, один из инициаторов знаменитого «Крефельдского воззвания», полковник в отставке Иозеф Вебер, — как глубоко вколотен в умы западногерманского обывателя «страх перед русскими». Не буду утверждать, что каждый участник антивоенного движения избавился от этого лжестраха. Но зато у него есть вполне определенный, абсолютно конкретный страх перед американцами!

В правоте Вебера я мог не раз убедиться. Например, в беседе с участниками антиракетной «гражданской инициативы» из города Битбурга. Город этот известен на всю ФРГ своим пивом, но сейчас о нем чаще говорят как о районе предстоящего размещения новых ракет. Жители города узнали об этом случайно. В официальном бюллетене появилось сообщение о том, что министерство обороны

Хаттенбах, Битбург — это только два «плацдарма» широчайшей общественной кампании, идущей в ФРГ изо дня в день. Осень 1983 года принесла ее новый взлет. Так, лишь на октябрь участники антиракетного движения разработали такой «график»:

— От 13 до 15 октября: действия «автономных групп» в различных городах ФРГ, у американских военных баз.

— 15 октября — массовая демонстрация протеста в порту Бремерхафен, через который в Европу должны поступать «Першинги» и крылатые ракеты.

— 16 октября: официальное начало «недели действий», объявленной антивоенным движением. Всего в ней должны принять участие до 2,5 миллиона человек.

— 16 октября (воскресенье): «день сопротивления христиан». Молитвы в церквях, публичные дискуссии, «минуты молчания».

— 17 октября: «день сопротивления женщин».

— 18 октября: «день международной солидарности антимилитаристов».

— 19 октября: «день действий рабочих, крестьян и служащих» под лозунгом «Объявим наши предприятия безатомной зоной».

— 20 октября: протест в школах. Учителя — участники антиракетного движения призвали своих учеников писать петиции канцлеру Колю с требованием отказаться от размещения ракет.

— 21 октября: «день парламентских действий», имеющий своей целью парламенты (бундестаг, ландтаги, крейстаги), министерства, правительственные ведомства. Перед ведомством федерального канцлера был развернут гигантский плакат: «Народ говорит «нет», господин Коля!» Вдоль всего правительственного квартала в Бонне, взявшись за руки, выстроились тысячи людей. В 18 часов 55 минут сирены возвестили минуту молчания в память жертв Хиросимы и Нагасаки.

Сколько раз на публичных и закрытых дискуссиях мне и моим советским коллегам приходилось слушать высокопарные утверждения западных политиков и политологов, согласно которым нам, советским людям, надо «поучиться» у Запада примерам «открытого общества», в котором, мол, «каждый может сказать все», «каждый может критиковать все», в том числе и внешнюю политику. Поучений много, а смысл тощий: в действительности свобода «говорить все» является алиби для того, чтобы власть имущие делали то, что они хотят.

Пример с размещением ракет в ФРГ — самый разительный. Сопротивление народа — дело не новое. Оно началось еще в годы правления коалиции социал-демократов и свободных демократов. Тогда правительство Шмидта—Геншера предумышленно закрывало глаза на протест. Помнится, в 1981 году после первых впечатляющих антиракетных демонстраций в Гамбурге я имел случай спросить канцлера Гельмута Шмидта:

— Какие выводы вы делаете из событий в Гамбурге? Собираетесь ли вы корректировать свой курс?

Шмидт отвечал:

— Выводы? Коррективы? Никаких. Население ФРГ поддерживает «двойное решение»!

В 1982 году социал-демократы уже поняли, что коррективы необходимы, но не сделали их. Поражение на выборах 1982 года было горькой платой за это. Лишь сейчас, готовясь к предстоящему в ноябре партийному съезду, они собираются сказать «нет» ракетам.

Зато в христианско-демократическом лагере об этом и не думают. Там уже давно решили сделать ставку на абсолютное подчинение американской воле. В размещении ракет нынешняя коалиция видит средство стать «первым учеником» в атлантическом классе, снова — как в 50-е годы! — стать основным бастионом США в Европе. Одним словом, сде-

МОСКВА И МОСКВИЧИ

ХОЗЯЙКА ШЛЮЗА

Гидроузел номер шесть, Иншинский, — первый, если считать от Москвы. Лидия Анатольевна Федоровская — дежурный начальник вахты. Внешне легко, даже изящно распоряжается молодая женщина огромными баржами и сухогрузами, многотонными танкерами, пассажирскими лайнерами. Слушаются ее бывалые капитаны.

...Уровень воды поднимается. Динамики разносят голос Лидии Анатольевны:

— Следите за швартовыми. Внимание, в районе работает земснаряд... Счастливого пути, спокойной вахты.

С Лидией Анатольевной капитаны по-рыцарски галантны. Мно-

гие ее знают, обращаются к ней по имени-отчеству. И знают еще, что начальник вахты их интересы соблюдает и ни минутки лишней в шлюзе не задержит.

Теперь звонок по телефону: «Гриша, ты спасательный жилет не забыл? — Это рабочему, которому поручена покраска водолазного трапа. — Хорошо, приступай...»

Автомобиль может выйти из строя — его поставят в бокс, на ремонт. Тепловоз тоже отремонтируют или заменят новым. Гидроузел выйти из строя не имеет права. Круглосуточно в течение всей навигации до поздней осени шлюз должен работать четко и надежно.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

АЛЛО, «РЕФЕРАТ»...

Видел где-то сообщение о любопытной технической новинке. Но где? Перерыл кипу журналов, просмотрел книги. Не помогло. Тогда-то знающий человек и посоветовал: спроси у... «Реферата»...

Нажимаю одну клавишу, вторую — как на пишущей машинке. Выписываю на экране дисплея название нужного мне сообщения. И через несколько секунд «Реферат» отвечает — четко, без эмоций, но с вариантами. Оказывается, помимо сообщения, которое я разыскивал, есть еще несколько публикаций по этой же теме.

«Реферат-3» — информационно-поисковая система. На одной из выставок москвичам представил ее Центральный научно-исследовательский институт информации технико-экономических исследований приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Этот прибор — автоматизированное рабочее место, позволяющее ма-

шинно (значит, без ручного труда и затрат времени) искать и находить необходимые данные по разным вопросам. «Реферат» хранит фонд документов, переведенных на микрофиши (на одной прозрачной пластинке величиной с почтовую открытку — несколько десятков страниц текста или чертежей!). Поиск этого информационного богатства осуществляется четко и быстро. Если есть необходимость, «Реферат» выдаст и бумажную копию нужного материала, хранящегося в его обширной памяти.

Надо ли говорить, как необходим сейчас, когда понятие «информационный взрыв» не сходит со страниц газет и журналов, такой оперативный поиск различных данных?

К. КОСТИН

На снимке: у пульта «Реферата».

Фото автора

КУБИК МАСТЕРУ ПОСЛУШЕН

Кубик Рубика — игрушка № 1. Это ясно и без социологических опросов и анкет. В вагоне метро, в парке, в студенческой аудитории — всюду мелькают его яркие грани. И вдруг — неловкое движение... Вот досада! Оказывается, и кубик ломается. А где починить? В мастерской № 97 на Садово-Самотечной улице.

— Игрушка не такая уж сложная, — объяснил нам мастер В. И. Тимченко. — Каждый день нам приносят несколько штук. Больше всего кубиков поступало летом — каникулы у ребят, много времени для игры. Ломается кубик и в руках взрослых, чаще всего это происходит от неправильного вращения...

Владимир Иосифович любит ремонтировать необычные игрушки. Пришлось повозиться ему и с технологией ремонта кубика Рубика. Поддался кубик не сразу, но теперь самый сложный ремонт возможен. А как мастер относится к самой игре, сколько времени надо ему, чтобы привести в соответствие все грани?

— Меньше, чем на ремонт, минут пятнадцать. Но я предпочитаю шахматы, разные головоломки.

Наша беседа была короткой — мастера ждали куклы, обезьянки и, понятно, кубики.

А. ВЬЮГИНА

Фото А. Козьмина

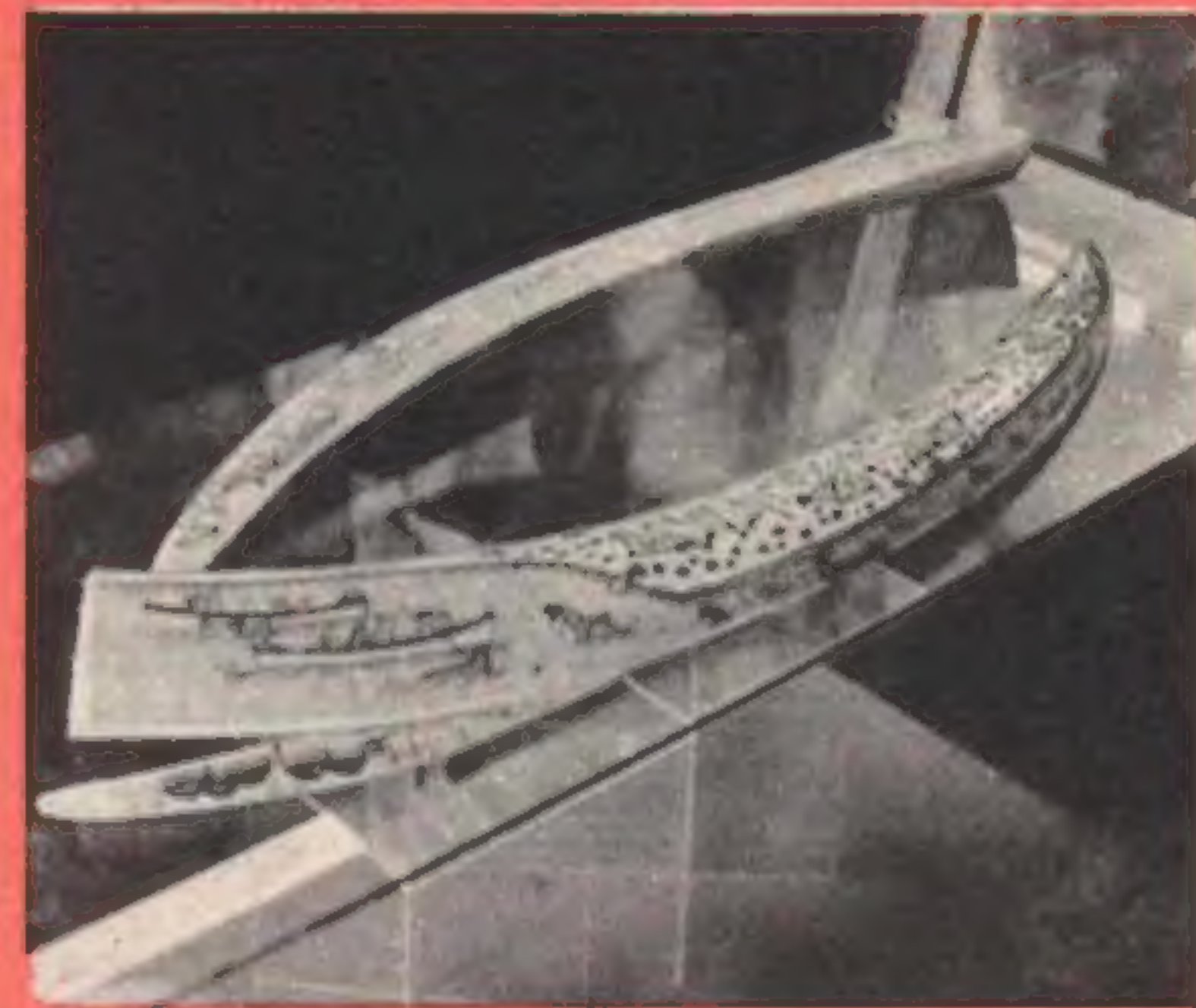
БУБЕН И ОГНИВО

Две увесистые доски с множеством обугленных углублений. Тынелькут взял в руки маленький лук с закрепленной на середине тетивы палочкой и вставил ее в одно из отверстий. Стремительно завертелась палочка, из углубления показался дым... Старый чукча представил нам процесс добычи огня, а потом передал столбчатому музею это семейное огниво, а с ним — бубен, связку идолов, охранителей домашнего очага, копье — все, что веками сопровождало в жизни оленевода, ночевавшего по тундре. Тут предметы быта и религиозного ритуала, орудия труда и охоты, сани для оленьей и собачьей упряжки, меховая одежда. Все сделано умелыми руками прадеда, деда, отца Тынелькута, который живет не в одиноко стоящей в глубине тундры яранге, а в хорошем доме поселка Мейныпильгубо оленеводческого совхоза «Дружба» Беринговского района...

Экспедиция Центрального музея Революции СССР побывала в разных уголках Чукотки, на побережье и в тундре, в городах и рабочих поселках. Оттуда и привезено более 800 экспонатов. Многие

из них имеют большое научное значение. Разнообразные экспонаты, документы, фотографии, цветные слайды рассказывают о сегодняшних делах и заботах трудящихся нынешней Чукотки. Высоко развитая горнодобывающая промышленность, Билибинская атомная электростанция, первоклассные морские порты, высокопродуктивное оленеводство, жилые дома оленеводов и охотников...

И. БЕЛЕНКИН

СЛЕСАРЯ НЕ ВЫЗЫВАЛИ

«Слесаря вызывали?..» Маленькие или большие неприятности заставляют нас дома поднять телефонную трубку или нажать кнопку диспетчерской службы, чтобы поведать о случившемся. Но бывает и так: слесаря не вызвали, а он пришел, чтобы предупредить возможные неполадки. Таким профилактическим ремонтом чаще всего и занимается Александр Невражин, слесарь-сантехник дирекции по эксплуатации зданий, а сокращенно — ДЭЗ-12. Это в Тушинском районе.

— За смену, бывает, больше двадцати квартир обойдешь. И почти в каждой что-то надо починить. Кран течет — вроде бы пустяк, а сколько воды уже утекло?

Воды утекло за двенадцать лет, что Александр работает слесарем, много. И утекло бы еще больше, если бы не его помощь.

Его рабочий день начинается в

восемь утра. Даже если все в порядке, заглянет в подвал. Потом в диспетчерскую: нет ли заявок? Зимой занимается обходом квартир, летом — проверкой отопления. До сих пор с досадой вспоминает случай, когда в жестокий мороз лопнула труба в подвале большого дома, остались квартиры без тепла. Рассказывая о случившемся, Александр говорит: «Работать надо так, чтобы таких ЧП не было». Этому помогают и опыт слесаря, сноровка, и даже интуиция. И обидно, когда что-то не получается, хотя не твоя тут вина — детали нужной нет. «Все должно быть прочно, надежно...» Об этом и заботится Александр Андреевич Невражин, депутат Московского городского Совета народных депутатов, член постоянной комиссии по жилищному хозяйству.

К. ФЕДОРОВА

Работники агропромышленного комплекса! Ускоряйте интенсификацию сельскохозяйственного производства! Добивайтесь надежного обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем!

Из Призывов ЦК КПСС к 66-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Вильяндиский район в Эстонии...
Добрые вести о его успехах быстро разнеслись по стране. Совместными усилиями районных и республиканских организаций, при участии ученых и поддержке руководящих союзных органов лет шесть назад в порядке эксперимента была осуществлена перестройка всех хозяйств и обслуживающих их организаций передового района в агропромышленное объединение. Несколько лет спустя с учетом положительных результатов Вильяндиского РАПО было создано такое же объединение в более слабом экономически Пярнуском районе. Каковы итоги его деятельности?

Наш корреспондент **Нина ХРАБРОВА** беседует с председателем Пярнуского совета РАПО **Аго Соасеппом**.

— Хотелось бы нашу беседу начать, как говорится, с азов: что представляет собой ваше РАПО?

собственность на средства производства. У нас она имеет, как известно, двоякую форму: собственность государственная и колхозно-кооперативная. Перспективу мы видим в слиянии этих двух форм в единую, общенародную. Разумеется, не путем механического преобразования колхозов в совхозы. Практика показывает, что есть иные пути, — например, агропромышленная интеграция, развитие межколхозных и колхозно-совхозных объединений».

За последние два десятка лет основные фонды и энергооборуженность наших хозяйств увеличивались быстрыми темпами, а система управления неоправданно долго оставалась старой, тормозящей движение вперед. РАПО — это когда научно-техническим достижениям соответствует гибкая система управления. Она должна проявляться во всем. В том числе и при учете разницы почвенных и климатических поясов, что немаловажно на территории такой огромной страны, как наша. Даже

Аго Соасепп, председатель Пярнуского совета РАПО.

ОБРЕТЕНИЕ СИЛЫ

ОБЪЕДИНИЛИСЬ НЕФОРМАЛЬНО ● КОГДА ПЕРЕДОВЫЕ ПОМОГАЮТ ОТСТАЮЩИМ ● ПОДДЕРЖИВАЯ ИНИЦИАТИВУ ● ВЫПОЛНЯЕТСЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАЙОНА ● КРЕСТЬЯНЕ СТРОЯТ СВОИ ДОМА.

— Разрешите ответить вопросом на вопрос: что представляет собой обычный сельский район, если не агропромышленный комплекс? На территории Пярнуского района находятся колхозы и совхозы, рыболовецкие, лесопромышленные, торфодобывающие, строительные организации, цеха, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию, потребкооперация... Раньше каждым из них распоряжались республиканские министерства, управления, откуда шло множество распоряжений, подчас противоречащих одно другому. У нас в районе девять процентов жителей заняты сельским хозяйством. Не логично ли, чтобы подавляющее большинство сельских тружеников стали единым хозяйственным объединением, во главе которого был бы единый руководящий орган, в данном случае — совет РАПО? На июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов, говоря о совершенствовании производственных отношений, отметил: «Их основа — общественная

в маленькой Эстонии несхожие почвенно-климатические условия двух районов: если в Пайдеском лучшие в республике почвы, то в Пярнуском большая часть территории — болота, топи, кустарники! Средний размер обрабатываемых участков у нас не превышает четырех гектаров. И осадков выпадает куда больше, чем в среднем по республике. Это не значит, что из-за почвенно-климатических условий район обречен всегда находиться на одном из последних мест в экономике республики. Напротив, хочу подчеркнуть, что в Пярнуском районе еще много неиспользованных резервов. Ведь у нас пока что обрабатывается только 19 процентов территории, и постоянная забота РАПО — улучшение земли, расширение посевных площадей.

— А дожди? Их ведь не отменишь решением совета РАПО.

— Но зато их можно побороть. Вот вам пример. Наше РАПО было организовано 16 марта 1979 года. Предыдущий, 1978 год ока-

В одном из детских садов района.

Фото В. Сальмре

зался крайне неблагоприятным по погодным условиям: из-за дождей в районе удалось убрать только 50 процентов площадей зерновых и 60 процентов картофеля. Затопленные поля осенью невозможно было вспахать. Вместо 9 тысяч плановых гектаров озимыми засеяли только 250. Можете представить, каким испытанием для аграрно-промышленного объединения стали полевые работы весны 1979 года. Но вот тут-то и сказались возможности РАПО, подчинение всех его подразделений единому, так сказать, командованию: на помощь хозяйствам вышли все члены РАПО: и Сельхозтехника, и лесхозы, и мелкие предприятия, потребкооперация, даже школьники-старшеклассники. Передовые хозяйства, справившись с работой, стали помогать отстающим. Посевная была проведена в нормальные агротехнические сроки, производство кормов увеличилось почти в два раза, урожай получили на уровне среднего по республике.

В 1980 году весной нас неожиданно постигла засуха, зато с июля до конца осени выпало только шесть сухих дней! И все же, снова объединив усилия, мы выполнили норму заготовок травяных кормов, получили 25,6 центнера зерна с гектара, удой от каждой коровы увеличился на 241 килограмм и достиг уровня, среднего для республики. В 1980 году прибыль хозяйств увеличилась на 2 миллиона рублей, валовая продукция зерна и молока выросла на 20 процентов, мяса — на 53 процента. Поднялись доходы всех хозяйств, в том числе и отстающих, а в Пярнуском районе их было девять. На второй год деятельности РАПО, осенью 1980 года, один из слабых колхозов — «Халинга» — сумел получить 36 центнеров зерна с гектара! Так общепринятое мнение о том, что в сельскохозяйственной экономике средства оборачиваются слишком медленно, было опрокинуто практикой новой системы управления.

За минувшие четыре года отчетливо определился неуклонный подъем экономики РАПО.

— Этот подъем можно бы считать случайностью, если бы не проверка непогодой всех четырех минувших лет.

— И если бы не было в основе работы РАПО надежных фондов. Одно из самых главных преимуществ новой системы управления заключается в том, что совет РАПО имеет право по своему усмотрению распорядиться централизованными фондами, которые складываются из отчислений хозяйств.

— Легко ли согласились руководители сильных хозяйств, члены правления РАПО, поместить свои высокие отчисления в экономику отстающих хозяйств?

— Нет, конечно. Но когда они убедились, что их экономическое развитие ничем не затормаживается, перестали спорить. Вначале же возражения были достаточно бурными. Десятилетия жизни, большое напряжение организаторского таланта ушли на преобразование земли, непрерывное строительство, на стабилизацию кадров в нелегком нашем сельском труде, на суровую экономию доходов — и все ради дальнейшего развития. И вот теперь, сетовали некоторые из числа сильных, все это надо отдать нерадивым

руководителям и разгильдяям-колхозникам. Приходилось, ссылаясь на опыт Вильяндиского РАПО, терпеливо разъяснять, убеждать: «Поймите, в слабых хозяйствах та же наша земля, и, если люди в поисках лучших условий жизни будут привычно и просто покидать ее, она придет в запустение. Устроит это вас?»

Конечно, слова малоубедительны — самым лучшим агитатором оказался тот трудный, но победный для нас 1980 год: при осеннем подсчете оказалось, что выиграло все РАПО, так как отстающие хозяйства резко увеличили производство продукции полей и ферм, заметно подняли доходы, и девять некогда отстававших хозяйств уже не назовешь слабыми — в районе нынче нет ферм, где бы получали менее 3000 килограммов молока от коровы. Большое молоко дает большой доход — это один из главных показателей.

— Какую же конкретно помощь оказал совет РАПО слабым хозяйствам?

— Мы сразу выделили слабым хозяйствам большую сумму: 70 процентов централизованного фонда. Это и деньги на хозяйственное и жилое строительство, стройматериалы, машины, удобрения, комбикорма. О том, как колхоз «Халинга» буквально воспрянул от такой помощи, я уже говорил. Или колхоз «Эдаси». В 1978 году он получил 700 тысяч рублей дохода и считал это великим достижением, а в 1982 году его доход превысил 1 миллион 700 тысяч рублей. Прежде убыточный совхоз «Пярныйе» стал давать прибыль. То же можно сказать и об остальных. Теперь эти хозяйства уже стали отчислять средства в централизованный фонд.

— Что предприняли сильные хозяйства, лишившиеся в первый же год семидесяти процентов централизованного фонда?

— Их инициативу никто не сковывал. Они давно стабилизировались, у них, как правило, исправный машинный парк, органические удобрения заготавливают сами, у них есть возможности строить хозяйственным способом, что они и сделали. Разностороннее накопление позволили им развиваться не хуже, чем раньше.

Теперь, когда в республике создан Агропром, куда вошли Министерство сельского хозяйства, Госкомитет мелиорации и Госкомитет сельхозтехники, решение многих проблем упростилось. РАПО получает все большую самостоятельность. Республиканский Агропром выделяет нам капиталовложения, и совет РАПО распределяет их по своему усмотрению. А так как в совете представлены все руководители хозяйств, райком партии и райисполком, мы имеем возможность составлять реальные для района планы. Недавно, разумеется, в рамках пятилетки, мы выработали детальный трехлетний план РАПО.

— Расскажите, пожалуйста, о рождении этого плана.

— Сначала планы предлагали сами хозяйства, затем финансово-экономическая служба РАПО внесла свои коррективы, и потом уж совет утвердил их. Много было заменено, приближено к реальным возможностям. Например, раньше в районе годами засеивали зерновыми тысячами гектаров

торфяных почв, с которых осенью невозможно собрать урожай. На первых порах мы сократили такие ненужные посевные площади на три тысячи гектаров. Понимаете, это был решительный отказ от «принципа», страшного своим равнодушием и приверженностью к привычке, — сеять там, где невозможно убирать. Такую землю сначала надо «вылечить» и только потом обрабатывать, тогда она и воздаст сторицей. В дальнейшем мы, конечно, расширим посевные площади, но приведем в надлежащее состояние почву.

Известны сложности во взаимоотношениях хозяйств и Сельхозтехники. Она диктовала хозяйствам свои законы, даже «спускала» планы строительства. Теперь бывшее районное отделение Сельхозтехники стало членом РАПО, перестало быть «королевством в королевстве» и исправно занимается своими делами.

— Как теперь в РАПО организован ремонт сельскохозяйственных машин?

— Капитальный ремонт, как и раньше, делает ремонтный завод Сельхозтехники. Агрегатный же так: в тех случаях, когда у трактора или комбайна выходит из строя какой-нибудь агрегат, механизаторы на месте сами снимают его, отвозят на тот же ремонтный завод, но не дожидаются там в длинной очереди, а сразу же получают нужную замену. Во всех хозяйствах района есть хорошо оборудованные ремонтные мастерские. Если бы их не было, только на одни перевозки на ремонтный завод и обратно пришлось бы потратить уйму времени и средств. Сельхозтехника, как член РАПО, занимается сборкой новой техники, мелиорацией и заготовкой подстилочного и сельскохозяйственного, то есть предназначенного для улучшения земли торфа. Надо отдать ей должное, она заготовила для наших хозяйств 90 тысяч тонн подстилочного торфа и 50 тысяч сельскохозяйственного. Я не понимаю тех, кто, имея торфяные болота, не использует их для улучшения земли. Если бы не торф, разве эстонские почвы могли бы давать сравнительно высокие для нашей зоны урожаи?

— Намного ли увеличился управленческий аппарат РАПО по сравнению с бывшим сельхозуправлением?

— С организацией РАПО к нашим тридцати совхозам и колхозам прибавились лесхозы, потребкооперация, сельскохозяйственная часть рыболовецкого колхоза «Пярну калур». Управленческий же аппарат не увеличился.

— Наш разговор развивается в оптимистическом направлении. А недостатки?

— Результаты первых лет работы дают основания для оптимистического настроения. Но недостатки, конечно, есть. Я уже говорил о том, что в районе много запущенных неплодородных земель, их надо вводить в действие. А некоторые ведомства слишком медленно переходят на новую систему управления. Это тормозит рабочий процесс: пока капиталовложения растут у нас быстрее, чем отдача сельскохозяйственного производства. Значит, на ветер иногда деньги выбрасываем. Улучшать руководство отраслями хо-

зяйства, чтобы эффективно использовать средства, которыми мы располагаем, — одна из первоочередных наших задач.

— Теперь поговорим о людях, об их воспитании. Ведь конечным результатом деятельности нашей партии был и остается человек: широко мыслящий, неравнодушный, гармонически развитой, с высоким нравственным потенциалом.

— Да, воспитание совестливости, гражданственности, честности человека — огромная, трудная, полная превратностей и подчас неожиданностей работа. Я считаю так: чем равномернее, осмысленнее и рациональнее будет развиваться экономика, тем меньше в ней останется щелей для спекулянтов и лодырей. Тем больше поможем мы идеологической работе. РАПО должны активнее заниматься формированием человеческой личности, заботиться о людях...

Было время, когда в деревне социально-бытовым, культурным запросам тружеников уделялось меньше внимания, чем следовало бы. Результат известен — люди стали уходить в города. В нашем районе за ненадобностью закрывались школы, родители или уезжали вместе с детьми, или старались хоть как-нибудь да пристроить их в городе.

В 1980 году, получив 13 миллионов рублей прибыли, мы стали форсировать реализацию программы социального развития. И вот результаты: за время существования РАПО у нас совсем не было оттока населения из района, а к 1982 году в хозяйства РАПО прибыло из других мест 200 человек. Часть из них поселилась в старых домах, отремонтировав их. Других надо было обеспечить жильем. В 1982 году мы построили 200 новых квартир, сдали в эксплуатацию несколько новых магазинов и столовых, детские сады, современное административное здание и клуб в совхозе «Пяривере». В хозяйства РАПО поступило 500 заявлений от желающих возвести свои дома. Им были выделены и участки и долгосрочные ссуды. В селе теперь идет интенсивное индивидуальное строительство.

И сразу в районе стало много детей. Мы снова открыли закрытые были школы, превратив их из начальных в восьмилетки, а в поселке Аудру построили новый учебный корпус — восьмилетка стала теперь полной средней школой. Быстрыми темпами строим и детские сады.

— Каковы дальнейшие перспективы Пярнуского РАПО?

— Строить! Строить гектары, дома, фермы, детсады, школы — новые, современные, хорошо оборудованные. Строить клубы, проявлять большую заботу о приближении всех достижений культуры к сельскому жителю.

Добиваться, чтобы люди любили землю, на которой они родились, где прошли их детство и юность, жизни многих поколений их предков; чтобы они возделывали эту землю со свойственной крестьянину полной отдачей; чтобы те, кто разучился любить запах поля и зерна, снова разбудили в себе это извечное чувство; чтобы покинувшие родные пашни вернулись к ним и, забываясь о них, становились богаче и материально и духовно.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ УСТИНОВ
К 75-летию со дня рождения

Фото И. Филатова.

Д. Налбандян. Род. 1906. СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ.

ТОГДА, В ДОНБАССЕ...

У ПАШИ АНГЕЛИНОЙ И АЛЕКСЕЯ СТАХАНОВА

Край донецкий, конец двадцатых годов, начало тридцатых... Харцызск — теперь это крупный промышленный город, а в то время — небольшая станция. Заколотые двери депо, ржавые рельсы. Блестели только две колеи: по ним шли — нерегулярно — поезда из Москвы на юг и обратно, эти две колеи связывали со всей страной нынешний Донецк, Макеевку и другие города и поселки.

Ветер — энтузиаст первой пятилетки подул и над нашей маленькой станцией. Перемен становилось все больше. И мы, пионеры и комсомольцы, на все откликнулись с пылом молодых сердец, жили интересно, увлеченно.

В нашем поселке была всего одна школа — железнодорожная семилетка. Однажды приехал к нам из Макеевского райкома комсомола инструктор, объяснил, что такое пионеры, и сказал:

— Кто хочет быть пионером — записывайтесь у меня.

Так появился в Харцызске первый пионерский отряд. И комсомольцами мы тоже стали первыми: нас принимали не на собраниях (ячейки еще не было), а в райкоме ЛКСМУ. Дел было много. Всех теперь и не упомнишь, но вот те, что остались в душе навсегда.

Прочли в «Комсомольской правде» о Прасковье Ангелиной. «Наша же землячка, до Старобешева — рукой подать!»

— А с чем к ней поехать? «Здрасьте, мы — харцызяки?» — сказал острый на язык член комитета комсомола Коля Жмакин.

Действительно, что же подарить знаменитой тракторной бригаде? И тут девчата из кружка кройки и шитья предлагают:

— Рушники с вышивкой! Каждой трактористке — по рушнику!

Полотенца-то что надо! Кроме того, сделали модель трактора и сочинили песню, посвященную бригаде. С припевом:

И несется над полями:
«Вся страна гордится вами!»

В марте, по теплу, четверо старшеклассников-комсомольцев отправились в Старобешеве. Попали в бригаду и удачно и неудачно. Удачно потому, что все были в сборе, обедали (с рассвета сеяли), а неудачно потому, что сломался трактор. Но юным гостям из Харцызска обрадовались.

Нас усадили за стол — две широкие, грубо обструганные дос-

ки — под навесом, пододвинули каждому миску с пшенной кашей. В волнении мы забыли про свои подарки. Коля Жмакин первым вспомнил о них. Вручили девчатам рушники, специальный выпуск стенгазеты. Паша взяла в руки наш маленький трактор.

— Вот хорошо! Разберем его, и будут у нас запчасти! Починим нашего сломанного «коня», — весело сказала она.

Потом Паша рассказала о делах бригады, о девчатах, даже о том, у кого когда свадьба, мы поделились своими новостями. Во время беседы подошел кто-то из МТС, и Ангелина строго спросила:

— Где же прицепщик? Опять сеять без прицепщика? Заболел? Достаньте другого, хоть из-под земли!

— Паша, а мы можем быть прицепщиками! — сказал я. Ангелина недоверчиво посмотрела на нас.

— В самом деле! Мы уже работали прицепщиками в колхозе.

Снова выразительный, оценивающий взгляд. Паша дотрагивается до чистеньких, белых рубашек, до отутюженных складок.

— В такой-то одежде! Мамки дадут вам по мягкому месту!

— Не дадут!

Паша махнула рукой:

— Ладно. По коням!

Сеяли до позднего вечера. Ночевали на полевом стане, а с рассвета снова стояли на досках-полочках за сеялками, отбрасывали палками бурьян, следили за тем, чтобы зерно все время правильно ложилось в почву...

Мы побывали в бригаде у Паши еще дважды. Один раз привезли книгу, очень нужную. Дело в том, что еще в первый приезд заметили: когда Паша и ее подруги «колдовали» над сломавшимся трактором, они заглядывали время от времени в книжку о тракторах. Она была без обложки, страницы совсем истрепались. Об этом вспомнили в Харцызске и послали заказы куда только могли, даже в Москву. Но ничего не получили. А когда в нашу школу приехал один из секретарей ЦК ЛКСМУ, рассказали ему про свой поиск. И вскоре книжка о тракторах (повезло: она только-только вышла в Харькове) была у нас. И мы тут же помчались в Старобешеве к Ангелиной. К нашей Паше, к чудесной Паше, в которую все мы влюбились по-мальчишески, но на всю жизнь.

Запомнились комсомольцам харцызской школы сентябрьские дни тридцать пятого года. По радиоприемнику, который собрали наши ребята, первого сентября

услышали сообщение из Москвы: «31 августа забойщик шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Стаханов выдал на-гора за смену 102 тонны угля, перекрыв норму в четырнадцать раз!»

— «Центральная-Ирмино» — это же совсем близко! Поедем поздравим?

Позвонили в Макеевку и узнали: райком комсомола посылает к герою делегацию. От нашей школы избрали Олю Милько, Колю Жмакина и меня.

Шахта. Просторный зал нарядной. Алексей Стаханов крепко пожал всем руки и с интересом начал рассматривать наш подарок — альбом (лагерные снимки), стенгазету. Протянул нам шахтерскую лампу.

— А это мой подарок вам.

И добавил:

— Что ж, смена кончилась, пойдемте ко мне в гости.

Белый каменный дом, палисадник с сиренью и цветами. Нас усадили в просторной столовой на диван, хозяйка щедро накрыла стол, но нам было не до угощений: мы слушали рассказ человека, который добыл сразу три вагона угля.

— Как мне это удалось? У меня были отличные помощники.

Разговор зашел о крепи — бревнах-подпорках в лаве, которые, как выяснилось, поступают на шахту нерегулярно.

— Вот что, ребята, займитесь-ка этим делом. Узнайте, не простаивают ли вагоны с крепью на станциях? Это будет ваш вклад в пятилетку.

С жаром принялись выполнять задание Стаханова. Справлялись у диспетчера по накладным о грузах, обходили каждый товарный состав и, если в нем оказывалась крепь, торопили железнодорожников. Потом связались с комсомольцами соседней узловой станции Иловaysкое и уже вместе посылали письма (адреса были в накладных) на Север, в Сибирь — туда, откуда шла в Донбасс крепь. Кроме того, ставили посты возле полувагонов и платформ с крепью лесом: крепью воровал добротные чурки. Воры нас боялись. Даже хрупкую Олю Милько... Больно: славную, отважную Олю расстреляли гитлеровцы...

ВСТРЕЧИ В МАКЕЕВКЕ

Нам, пионерам и комсомольцам Харцызска, поручили приветствовать партийную конференцию района: это право было завоевано в горячем соревновании! С ка-

ким подъемом и волнением готовили рапорт! Написали (и выучили наизусть) об успехах в учебе, о сборе металлолома, о культпоходах в колхозы и о многом другом. Весь рапорт был в стихах, стихи перемежались песнями.

На партконференцию приехал Павел Петрович Постышев. Участники конференции горячо восприняли ребячий рапорт. Всех нас во время перерыва Постышев позвал к себе. Из-за кулис принесли по бутерброду с колбасой, Постышев тоже получил такой же бутерброд.

— Подкрепимся? — предложил Павел Петрович. Мы не заставили себя ждать.

Павел Петрович спросил, как живем, как учимся, что делаем в отряде, в комсомоле. Он попросил сообщать ему время от времени о пионерских и комсомольских делах. Мы послали в ЦК КП Украины письмо на имя Постышева. Пришел ответ — он был написан самим Постышевым, синими чернилами, на плотной бумаге. Павел Петрович с похвалой отозвался о наших делах и выразил уверенность, что юное поколение вырастет настоящими коммунистами.

Однажды в школу принесли посылку — книги. Это был подарок Постышева! Затем в Харцызск приехал секретарь ЦК комсомола Украины, его послал к нам Павел Петрович. Секретарь ЦК комсомола рассказал об опыте других, записал в свой блокнот наши инициативы, которым была вскоре посвящена целая полоса в республиканской газете «На змину».

Довелось нам увидеть и Серго Орджоникидзе, когда побывали на Макеевском металлургическом заводе (ныне он носит имя С. М. Кирова). Возле доменной печи стояла группа людей. Среди них — товарищ Серго. Орджоникидзе заметил ребятню и позвал к себе, обнял за плечи.

Одного из нас товарищ Серго спросил, кем работает его отец. Оказалось, машинистом.

— Очень хорошо. А ты кем будешь? Не знаешь? Почему?

— Я еще маленький.

— Комсомольцы не бывают маленькими. Комсомолец — это большой человек. Очень большой!

Серго Орджоникидзе каждому задавал вопрос: «Кем хочешь стать?» И тут получился конфуз. Мы перечисляли разные профессии, а нарком мрачнел: ни одной металлургической специальности!

— Кто же будет варить чугуны?! — со свойственным ему темпераментом воскликнул нарком. — Кто будет плавить сталь? Кто будет давать прокат? Из чего мы будем делать перья для школьников и винтовки для Красной Армии?

Он вдруг улыбнулся, провел рукой по усам, глаза его стали теплыми, добрыми.

— Все профессии нам сейчас нужны. Все, все, все! И те, которые вы называли. Ну, а если кто-то из вас все же станет металлургом, — это меня особенно обрадует. Подумайте?

— Подумаем! — дружно ответили мы.

И действительно, немало наших ребят пошло в металлургию.

Вл. РУДИМ,
комсомолец с 1930 года,
член КПСС с 1944 года,
ветеран Великой Отечественной войны

Юрий ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Ляля Пуля

«Почему в детстве меня не отвели в балетную школу. Может быть, я смог бы.

Когда хромой входит в воду — хромота пропадает. Когда немой танцует — разве кому-нибудь важно, что он нем. Балет — это не только искусство. Это язык без слов. Печаль и радость, любовь и ненависть: нет на свете такого чувства, которое нельзя было бы выразить танцем.

А может быть, еще не поздно?

Поздно.

Уже пять лет как она уходит и возвращается со своим балетным чемоданчиком в руке. Пять лет — не догонишь!

Сегодня я был там. Я видел ее в зале с зеркальными стенами. Я видел ее глаза и ее движения. Это нечто особое, прекрасное и таинственное. Я раньше и не подозревал, что движения могут так выражать душу человека.

Ее тело пело. Это была песня без звуков и потому так хорошо понятная мне. Пели руки, ноги, шея, плечи, голова. Она как бы не танцевала, а парила в невесомости или двигалась под водой, где тело обретает легкость.

Я люблю ее сильнее. А для нее я остался диковатым, немым парнем».

Никто в нашем дворе не знал о приходе Ляли Пули в хореографическое училище.

Только два человека знали: Сима и сам Ляля Пуля. И когда однажды вечером они оказались лицом к лицу, Сима сказала:

— Кто тебя звал? Зачем ты пришел в училище? Ты позоришь меня! Слышишь! Я не хочу тебя видеть. Нигде! Никогда! Ты мне... ты мне противен, Ляля Пуля!

Он выслушал ее терпеливо и покорно. Казалось, он не обращал внимания на смысл ее обидных слов, а слушал только звук ее голоса, слушал ее голос, как слушают пение или музыку.

И только потом, когда он лежал на своей жесткой койке ночью, смысл Симиных слов дошел до его сознания. «Она же ничего не понимает! Ничего не чувствует! Она считает меня обыкновенным приставалой, одним из тех незрелых подростков, которые прикрывают свою пустоту дерзостью и злым озорством».

Он хотел обвинить ее, но винил себя. Корил себя за никчемность. Он ничего не достиг, ничего собой не представляет. Она не хочет его видеть. «Может быть, она по-своему пражда. Надо что-то делать! Надо что-то делать! Надо что-то совершить!»

«В Калуге живет одержимый старик, который изобретает ракеты и собирается полететь на них в небо. Туда не летают самолеты, даже аэростат не может подняться на такую высоту. Там человек теряет вес и может плавать, как в воде, прямо и вверх ногами. Но, главное, там безмолвие. И там немой становится обычным человеком. Не с кем разговаривать, и даже, если заговоришь, никто не услышит.

Раньше я мечтал стать артистом и сниматься в кино. В кино тоже нет звуков, только кто-то в темноте бренчит на рояле. Но теперь кино стало звуковым. А там, где надо говорить, для меня закрываются двери.

Если человек молчит, он должен найти другое средство, чтобы выразить, что в нем происходит, что он чувствует... А так немой кажется просто чурбаном... Ненавижу немых!.. Ненавижу себя.

Многие называют калужского старика безумцем, и почти никто из взрослых не верит ему... Но я верю... И когда стану взрослым, тоже буду верить».

Бросить все и поехать в Калугу! Старик взял бы меня подручным. А потом, может быть... может быть, послал меня на ракете. Потому, что он старый, ему трудно лететь самому?

А как же она?»

Я навсегда запомнил эту ночь. Маленькую серебристую луну, полосы облаков, похожие на волны прибоя. И шум листвы, как шум моря. И голос трубы, среди ночи поднявший на ноги весь дом.

Когда человек лишен дара речи, он совершает поступки. Поступки говорят за него, они и есть его язык. Не будь Ляля Пуля немой, может быть, не было бы этой ночи, о которой одни вспоминают с руганью, другие — с восторгом. Но Лялю Пулю не интересовали ни те, ни другие. Он думал о Симе.

Ночью он вошел в конюшню, и в лицо пахнуло теплым духом, сухой соломой, сыромятными ремнями — тем домашним конюшненным ароматом, который устанавливается в жилье лошади.

Орлик спал стоя. Неподвижно. Только иногда перебирал во сне ногами. Фыркал и снова затихал. Когда Ляля Пуля переступил порог бывшего каретного сарая, уши коня дрогнули и насторожились. Ляля Пуля подошел к конской морде и протянул краюху хлеба, как инеем, присыпанную солью. Конь тяжело вздохнул и мотнул головой. Ему не хотелось расставаться со сном, но запах хлеба приятно защекотал ноздри, и он потянулся к угощению, тычась в темноте мягкими губами в руку Ляли Пули.

А когда конь съел хлеб, Ляля Пуля вывел его из конюшни, ловко забрался на спину лошади и легонько ударил пятками по круглым бокам коня, как бы скомандовал:

«Но, Орлик! Но-о-о, пошел!»

В тишине мерно застучали железные удары лошадиного шага. Когда Орлик вышел на середину двора, Ляля Пуля остановил его. И тут в его руке блеснула труба. Он поднял ее, словно нацелился в небо, и затрубил.

Он трубил, как архангел, собирающий на суд всех грешников мира. Люди просыпались, не понимая, что происходит, бросались к окнам. И замирали в недоумении.

Посреди двора, залитый лунным светом, стоял серебряный конь. Он был большим, с густой челкой, наползающей на глаза, и с заплетенной косичками гривой. Большие, тяжелые ноги книзу заросли шерстью и от этого казались еще тяжелее.

На огромном коне-тяжеловесе сидел хрупкий, большеголовый Ляля Пуля. На спине лошади он выглядел совсем маленьким.

И тем, кого его труба подняла с постели и кто застыл у окон, это казалось видением, продолжением какого-то фантастического сна.

Ночной сигнал разбудил Симу, и она босиком, в длинной белой рубашке подошла к окну, чтобы увидеть возмутителя ночного спокойствия. И увидела Лялю Пулю. Сперва она недовольно сдвинула брови и хотела уже вернуться в теплую постель, но вдруг со всей ясностью поняла, что это ради нее он вывел ночью коня и заиграл на трубе. Играл он плохо, голос трубы хрипел, срывался, но это не имело значения. Симино сердце вдруг застучало от гордости. И тогда она выглянула из окна и помахала рукой Ляле Пуле. Прекрасная дама приветствовала своего рыцаря. И рыцарь почувствовал себя счастливым.

Это мгновение, как и всякое прекрасное мгновение, длилось недолго.

Оно длилось до тех пор, пока разбуженные люди не пришли в себя и не осознали, что это не сон, а дерзкая, из ряда вон выходящая реальность. И вместо серебряного коня и рыца-

ря увидели огромного ломового битюга и дикого немомго мальчишку, который из хулиганства вывел коня из конюшни и среди ночи затрубил на весь двор.

И тогда весь дом зарычал, поднял крик:

— Безобразия! Хулиганство! Распущенность!

А на лестнице прыгал Завбань, счастливый тем, что оказался бдительным и не проспал это ночное безобразие.

Весь следующий день Ляля Пуля ждал появления Симы, но она не выходила во двор. Напрасно немой не спускал глаз с подворотни. В полукругии ворот появлялись и исчезали другие люди, а Симы не было. Может быть, она заболела или с ней что-нибудь случилось?

И новая дерзкая мысль родилась в сознании немомго: Сима жила на третьем этаже, и он решил взглянуть в ее окно. Он полез на дерево. Ловкий и гибкий, как обезьяна, он хватался за ветки, прижимался к стволу, и подтягивался, и поднимался все выше, пока не достиг третьего этажа. Тут он замер. Листва скрыла его. Он слился с ветками, со стволом и как бы стал частью дерева.

Затаив дыхание, Ляля Пуля посмотрел в Симино окно.

Она стояла перед большим зеркалом и делала свои удивительные балетные движения. На ней были легкие голубые трусики и... больше ничего. Она стояла спиной к невидимому наблюдателю. Ее тело было в движении: нога отведена назад, спина выгнулась, головка откинулась. Потом новое движение, новый жест, новая поза — и Сима замирала на носочках, а руки кольцом соединяла над головой... Неожиданно Сима повернулась.

Он вздрогнул и хотел уже покинуть свое убежище и не спуститься, а прыгнуть на землю, но в это мгновение Сима внимательно посмотрела в окно и увидела тайного наблюдателя. Сперва Ляле Пуле показалось, что Сима не узнала его. Она вдруг сжалась в комочек и стала маленькой и беспомощной, как будто делала что-то нехорошее и ее застigli врасплох. Но потом пришла в себя, выпрямилась, скрестила руки на груди и подошла к окну.

— Что тебе надо?!

Ляля Пуля молчал. Но если бы даже он был говорящим, то все равно промолчал бы. Не мог же он сказать, что должен был увидеть ее, услышать ее голос, ощутить ее присутствие.

— Зачем ты лазаешь по деревьям, как обезьяна?

Ночного рыцаря на белом коне она обозвала обезьяной!

— Уходи отсюда! Ты же видишь, что я не одета?

Он отвернулся, и вдруг она заметила красный след отцовского кнута на его шее. За ночное происшествие. След пылал, словно к телу приложили раскаленную проволоку.

— Это тебя отец? — спросила Сима.

Ляля Пуля, не оборачиваясь, кивнул головой. Ему показалось, что девочка пожалела его. Она тут же сухо скомандовала:

— А теперь слезай! Быстро!

«Я сошел с ума. Я делаю то, что может делать только мой заклятый враг. Как это произошло, что мой злейший враг — это я сам?

Она, как всегда, появилась во второй половине дня в воротах. И я, опустив голову, побрел ей навстречу. Я, шел, как лунатик, заранее не зная, что произойдет дальше.

Увидев меня, она на какое-то мгновение остановилась. Она стояла в арке, словно была нарисована.

Окончание. См. «Огонек» № 43.

Но она недолго стояла в подворотне. Тряхнула головой и пошла, поплыла над землей. И тогда, повинаясь какой-то темной скрытой силе, я бросился за ней. Обхватил ее руками, прижался к ней всем телом и почувствовал рукой... что-то бесконечно теплое и нежное... И тут же одернул руки.

Она резко повернулась ко мне. Глаза ее горели ненавистью. А сама стала белой, как бумага. И она ударила меня. И что-то крикнула.

Я стоял, ошеломленный, посреди двора. Я не слышал ее слов, не чувствовал, как горит щека от удара. Я окаменел. Умер. Но сквозь свою смерть я продолжал чувствовать биение ее сердца, ее тепло, ни с чем не сравнимую нежность.

Не знаю, как я выглядел со стороны. Наверное, мерзко.

А она не уходила, она, казалось, с большим интересом смотрела на мое унижение. И в ее глазах, кроме презрения, я прочел нечто иное... Прощение? Жалость? Снисхождение?

И вдруг она подошла ко мне и тихо сказала: «Прости».

И пошла прочь».

Ляля Пуля был дома. Кажется, он обедал, когда в окне бывшего каретного сарая возникла розовая физиономия Завбаня.

Некоторое время он просто стоял и бесцеремонно пялил глаза на Лялю Пулю. Но когда немой отвернулся, чтобы не видеть противной рожи, Завбань сказал:

— Подожди... Подожди, Ляля Пуля. Там у тополя ребята твою тетрадочку читают. Забавно ты пишешь.

Завбань улыбнулся, словно состроил гримасу, и тонким голосом пропел:

— А ты, оказывается, бабник, Ляля Пуля!

Немой не сразу понял, в чем дело, со звоном захлопнул окно перед носом Завбаня. И только тогда известие молнией вонзилось в

его сознание. Ляля Пуля побелел и тихо застонал. Потом беспомощно заметался по дому. И вдруг, схватив со стола большой кухонный нож, бросился к двери.

А в это время у старого тополя под смешки и колкие словечки синяя тетрадь разбалтывала ребятам тайну любви Ляли Пули.

— «Я ждал ее целый день... Она не появлялась...— читал рыжий парень, скаля в улыбке зубы.— Я смотрел на подворотню, но оттуда выходили другие люди, а ее не было...» Ха-ха!.. «Я молчал, но если бы даже и был говорящим, я бы все равно молчал...» Ха-ха!.. «Ей и в голову не приходит, что днем и ночью я думаю только о ней. А сказать ей этого не могу...» Ха-ха...»

Вдруг смех оборвался. Рыжий запнулся. Ребята подняли глаза и увидели Лялю Пулю. Он стоял перед тополем белый, с большим ножом в руке. Его грудь тяжело поднималась и опускалась, а холодные, бесцветные глаза скользили по лицам оцепеневших ребят, словно выбирая жертву.

Рыжий бросил тетрадь, и взмахнув синим крылом, она опустилась к ногам своего хозяина. И в то же мгновение, тесня друг друга, ребята пустились бежать, спасаясь от возмездия, трусливо озираясь.

Ляля Пуля не побежал за ними — остался стоять над своей исповедью. Синяя тетрадь предала его, разболтала тайну его любви. И как изображенный на обложке вещей Олег должен был умереть от коня своего, так Ляля Пуля погибал от своей исповеди.

И тут он сломался, упал на колени и с силой вонзил нож в синюю тетрадь. Он наносил удар за ударом, словно обыкновенная школьная тетрадка в косую линейку была единственной виновницей его несчастья. Он вонзал нож в слова, которые не мог произнести и доверил бумаге. Слова предали немого. Слова! Будь они прокляты!

Ляля Пуля медленно встал и побрел прочь,

не поднимая с земли израненной тетради. Словно отрекся от нее и она уже не имела к нему никакого отношения.

И тогда я отбросил в сторону нож и поднял никому не нужную тетрадь. Я взял ее в руки осторожно, словно боясь причинить боль израненным страницам.

Рядом тут же появился Завбань, который с радостным интересом из укрытия наблюдал за этой дворовой драмой. Он довольно поглаживал живот.

— Интересуешься? — спросил он меня. На его лице было написано кислое самодовольство.

Я ничего не ответил. Пошел прочь.

Я вдруг почувствовал, что у меня в руках не тонкая школьная тетрадка, а жизнь человека. Израненная, несчастная жизнь.

Сперва я без особого интереса перелистывал изрезанные безжалостным ножом страницы. Читать было трудно: почерк у Ляли Пули был не бог весть какой, а часть букв погибла. Но чем больше я вчитывался в рваные полоски, тем больше поражался тому, какое удивительное существо скрывалось под личиной диковатого парня с постыпью крадущегося зверя. Немой Ляля Пуля знал истинную цену словам. Его слова оживали, создавая удивительный мир любви.

И вдруг я понял, что не он немой, а я, все ребята нашего двора бессловесные существа, умеющие только кричать, свистеть, гикать, а те немногие слова, которые мы выкрикивали, были вовсе не словами, а звуками, междометиями, лишенными глубокого смысла, пустыми и броскими, как фантики.

Мы были немые, а говорил он. И каждое его слово окружал ореол смысла и чувств, каждое было на вес золота, и из этих бесценных Ляли-пулиных слов вдруг стал вырисовываться истинный Ляля Пуля.

Раненные страницы уводили меня в сложный, непонятный мир нашего немого товари-

ща. Некоторые страницы сохранились почти целиком, от других остались только отдельные полоски.

«Слова нужны только, когда есть двое. А одному зачем слова, зачем голос? Разговаривать самому с собой можно и без слов...»

«Почему люди смеются над чужим горем? Может быть, они смеются от радости, что беда обошла их?»

«То, что испытываю я, не чувствует ни один человек в мире, и поэтому у моего чувства нет названия, нет слова, а старые слова не годятся. Они слишком избиты, стерты, их звучание не находит отклика в сердце...»

«Как хорошо, что я немой, что я не должен доверять словам свое чувство. Ведь тайна разглашается словами... И предательство совершается словами... А для любви слова не нужны...»

Я осторожно расправлял уцелевшие полоски, словно передо мной был какой-то бесценный документ истории. А может быть, все, что здесь написано, касается и меня? Для того, чтобы разговаривать самому с собой, слова не нужны. Тогда это было для меня откровением. Но теперь, спустя много-много лет, я понял, что значит в моей жизни слово. Слово существует во мне, как самостоятельное живое существо, приводит меня в уныние и вызывает радость. Слово спасает меня от одиночества.

А когда человек не может произнести слово — это несчастье. Ляля Пуля всю жизнь преодолевал его. Сумел ли он в конце концов найти свое счастье?

Сперва я хотел вернуть находку Ляле Пуле: ведь тетрадка принадлежала ему. Но потом решил, что должен поступить так, как никогда бы не решился наш немой. Может быть, этим я помогу ему?

Вечером я позвонил в дверь Симы. Она открыла сама.

— Что тебе?

— Ты ничего не знаешь про Лялю Пулю? — спросил я.

Сима покачала головой.

— Что-нибудь случилось?

— Завбань отомстил ему. Он нашел его дневник и отдал ребятам. Ляля Пуля чуть не убил их. Но потом он изрезал тетрадь... Вот. Возьми ее.

И я протянул Симе изрезанную тетрадку.

— Зачем мне? — неуверенно спросила она, но я почувствовал, что она догадывается, в чем дело.

Я не стал объяснять, только сказал:

— Прочтешь — узнаешь!

Она приняла из моих рук тетрадку и вдруг, повинувшись предчувствию, прижала ее к себе, словно я собирался тут же отобрать у нее свою находку.

После того, как синяя тетрадь с вещим Олегом попала в руки Симы, с ней тоже произошли перемены. Теперь она не задерживалась на дворе, а когда шла в училище, торопилась поскорее скрыться в полутемной подворотне — наверное, все жильцы дома знали о драме немого и, прижавшись лбами к стеклам, провожали Симу недобрый всевидящим взглядом.

Она стала задумчивой, молчаливой, словно в честь своего немого влюбленного приняла обет молчания. Какие чувства переполняли ее? Что разрушилось в ней и что родилось заново? При чтении рваных страниц исповеди Ляли Пули ей, наверное, показалось, что немой заговорил с ней, и она даже услышала звучание его голоса, но этот высокий, прекрасный разговор подслушали, высмеяли. Грязные резиновые подошвы парусиновых туфель Завбана безжалостно прошлись по чистым страницам заветной тетради.

Каждый вечер, оставшись одна, Сима перечитывала тетрадь Ляли Пули. И хотя уже знала наизусть каждую страницу, читала, читала...

И однажды она не выдержала, вышла вечером во двор, подстерегла Лялю Пулю и встала на его пути.

— Зачем ты написал это? — спросила она и достала из своего балетного чемоданчика синюю тетрадку.

Ляля Пуля опустил голову и молчал.

— Ты хотел посмеяться надо мной?.. Ты хотел опозорить...

Глаза немого потемнели, он прижал к лицу кулаки, и из его груди вырвался стон. «Нет, нет, я люблю тебя. Люблю твоё лицо, глаза, твоё платье, каждое твоё движение... Люблю твой балетный чемоданчик...» Он говорил, говорил, но Сима не слышала его слов. А их было так много, и они были так горячи и прекрасны! Он не выдержал, задохнулся от непроизносимых слов и бросился бежать. В темень осеннего вечера, в дождь, не разбирая дороги.

Я снова увидел загадочные глаза Ляли Пули, когда выплывал из мутной, удушливой мглы. Надо мной покачивалось маленькое грязно-зеленое небо. Я стремился к нему, чтобы сделать глоток чистого воздуха, но не мог помочь себе, подгрести руками, потому что был неподвижен. Так тяжело я выходил из наркоза. А когда вышел, вырвался на поверхность, то увидел брезент палатки, сквозь который едва проникал свет рождавшегося дня. И увидел глаза Ляли Пули. На этот раз они показались мне не просто бесцветными, но прозрачными. И сквозь них, как сквозь линзы, я увидел близко-близко дом моего детства. Старый, весь в чешуйках отслаивающейся краски, покрытый пылью веков. Когда-то у каждого подъезда была своя крыша, которая держалась на вынесенных к мостовой чугунных столбах. Столбы и крыши сняли на моих глазах и отправили на переплавку: время было тяжелое, стране не хватало металла.

Еще я увидел наш двор, засыпанный серебристыми, словно вырезанными из жести листьями тополей. Двор пахнул яблоками и прелой листвой. Стояла невнятная пора, когда осень еще держалась из последних сил и первый снег таял, едва коснувшись булыжников, словно они были горячими. Было мокро, как после дождя.

В такое утро по двору разнеслась весть: Симиного отца вызвали в прокуратуру. За что, никто не знал, но поговаривали, что по анонимке и что это дело рук Завбана. Он ведь не простил Симе «Старый веник».

В те дни Завбань вместо толстовки, подпоясанной тонким кавказским ремешком, стал носить гимнастерку, стянутую широким командирским ремнем, хотя отставной заведующий банями никогда военным не был. Он запретил называть его Завбанем, требовал, чтобы к нему обращались официально — товарищ Глобов.

В один из таких дней Завбань, он же товарищ Глобов, лицом к лицу столкнулся с Лялей Пулей.

— Эй, Ляля Пуля! — сказал Старый веник, облизывая губу-бублик. — А Малышев-то того... взятчик оказался... Кумекаешь?

Маленькие глазки Завбана при этом блеснули, словно говорили, нет, кричали: «Это я! Это я наказал Малышева! Кумекаешь, Ляля Пуля?»

Ляля Пуля стоял неподвижно и загадочно смотрел на своего недруга. И Завбань подумал было, что любовь немого прошла, что ему безразлично, горе у Малышевых или все в порядке.

— Правильно, — сказал Завбань, — от них надо того... подальше.

И тут Ляля Пуля «раскумекал» что к чему. Упругая волна подбросила его, он прыгнул и вцепился руками в дряблое, розовое горло Завбана. Тот оцепенел, схватил Лялю Пулю за руки и все пытался отодрать их от своего горла. Но это оказалось не так просто. Накопленная обида немого обернулась силой.

— Пусти!.. Пусти, проклятый! — хрипел Завбань.

Его лицо налилось кровью, а губы побелели. Наконец ему удалось оторвать от себя нападавшего. Он отбежал в сторону и, потирая горло, закричал на весь двор:

— За жулика вступаешься! Ладно! Я тебе покажу!

Он что-то еще долго кричал в пустом дворе. Но Ляля Пуля не слышал его. Он ушел прочь.

Сима осталась совсем одна. Ее мать умерла за год до этих событий. Казалось, весь двор притих, потрясенный случившимся в доме Малышевых. Завбана стали побаиваться не только ребята, но и взрослые.

И тогда Ляля Пуля поднялся на третий этаж и решительно позвонил в двери Симиной квартиры. Она открыла дверь и была удивлена, увидев на площадке Лялю Пулю.

— Ляля Пуля? Здравствуй! Ты пришел? Меня теперь все ненавидят.

«Пойдем со мной!» — глазами сказал Ляля Пуля и протянул ей руку.

И Сима впервые в жизни почувствовала власть Ляли Пули и обрадовалась этой власти.

Она ничего не стала спрашивать. Надела пальто, беретку, обула резиновые ботики. Ей было все равно, куда идти, лишь бы не оставаться одной в пустой квартире, наполненной горем, лишь бы быть с людьми.

Ляля Пуля привел Симу в бывший каретный сарай.

— Будешь жить с нами, — мрачно сказал гостье отец Ляли Пули. — Мы — люди.

А Ляля Пуля стоял рядом и не сводил с Симы глаз, словно все это отец произнес от его имени.

«Это слово должно прозвучать. Оно должно подняться над миром, как дикая, прекрасная птица. Но пусть услышит его только один человек... Я учусь произносить это слово. Оно для меня самое важное, без него я ничто. Это слово — единственный признак моей жизни. Если бы я смог заговорить на мгновение, только для того, чтобы произнести это слово... Это слово... Слово...»

Когда я окончательно пришел в себя и низкое небо навсегда превратилось в полог палатки, я стал ждать появления Ляли Пули, но так и не дождался. Мне рассказали, что в медсанбате действительно есть немой санитар. Он вольнонаемный, потому что немых в армию не берут. Но сейчас он отсутствует: сопровождает раненых и неизвестно, когда вернется.

Каждый раз, когда я приезжаю в родной город, иду на свою улицу, подхожу к дому, где прошло мое детство, заглядываю во двор. Там многое изменилось. Из трех булыжных тополей остался только один. Поверх булыжников положили асфальт. А старые каретные сараи превращены в какие-то мастерские. Во дворе теперь не пахнет яблоками: видимо, «Плодоовощ» со своими ранетами, антоновками, розмаринами, как и конь Орлик, навсегда покинул наш двор.

Знакомых во дворе нет. Можно просто походить, повздыхать и медленно идти прочь.

И только Завбань сидит на скамейке, уронив голову на грудь, и дремлет. Говорят, ему пришлось держать ответ за содеянное. Но он отделался испугом. И вот замер, как старый поганый гриб, который все обходят, не хотят даже прикоснуться к нему. Он выжил... Догнивает свой век.

Но это рассказ не о Завбане, а о Ляле Пуле.

В балете «Жизель» заглавную роль танцевала Серафима Малышева. Я сидел в затихшем зале и ждал встречи с подругой детства, с девочкой из нашего двора, с бывшей девочкой. Я ждал этой встречи затаив дыхание. Но когда погас свет и дирижер поднял руку с палочкой, похожей на пруттик, я почувствовал на себе пристальный взгляд. Почти физически ощутил его и повернул голову. Недалеко от меня сидел Ляля Пуля. Он сильно изменился — отстригил бороду, седые волосы были подстрижены под бобрик. Но глаза, загадочные глаза Ляли Пули с радужками, похожими на ледяные кристаллики, были прежними. Они смотрели на меня в упор.

Мне не у кого было расспросить, что связывает его с Симой. Может быть, она вышла за него замуж. А может быть, у нее своя жизнь. Но я понял, что Ляля Пуля навечно стал ее бессловесным спутником. И что он всегда рядом. И стоит ему почувствовать, что Симе что-то угрожает, и он кинется в бой против любого завбана.

Заиграл оркестр, и под звуки скрипок в полутьме притихшего зала я прочел в его взгляде затаенную радостную гордость: «Смотри внимательно, друг, как прекрасна моя Сима! Моя Сима... Моя Сима...»

ЧТО ДОРОГО СЕРДЦУ

Спутником студенческих лет моего — да только ли моего — поколения была задорная песня «У нас в общежитии свадьба...». Как беспечно и восторженно затягивали мы ее на небогатых, в складчину, вечеринках!

Прошли годы, и в компании ровесников с седыми висками поем теперь иронично-грустное «Ну что ж сказать, мой старый друг» или «Почему ж ты мне не встретилась?..».

А в селах нашей неоглядной России, как совершенно свои, народные, родившиеся неведомо когда и где, но здесь, рядом, запевают то озорно, то печально, под настроение «Огней так много золотых» и «От людей на деревне не спрятаться...».

И, право, не все знают, что автор всех этих любимейших, воистину ставших народными песен Николай Доризо.

Поэт родился на Кубани, в станице Павловской. Городом его школьных лет стал Краснодар. А юность выпала на войну: 22 октября 1941 года ему исполнилось восемнадцать...

Но война, ее тяжкие испытания не изменили боевого, озорного характера поэта, склонного к меткому народному словцу, к юмору и иронии... В 1948 году вышла первая его книжка, и на российском поэтическом горизонте ясно обозначилось новое имя, пришел поэт со своим видением мира, своим слогом, своими темами.

Участник войны, он о войне пишет мало, скупое, жестокое, горькое наследие ее лишь подспудно прорывается:

Мы все давно
с войны вернулись,
стихи остались
на войне.

И это не бравада, не поза, это жизненная установка — говорить о войне только то, чего нельзя не сказать. Прошло тридцать лет после Победы, и поэт создал горькую, как реквием, и торжественную, как баллада, поэму «О тех, кто брал рейхстаг». Поэму о фронтовом братстве, всех павших, всех заслонивших собой мир от фашистской чумы...

Необычайно строгий к поэтической продукции своих сотоварищей, бывший, как сейчас Николай Доризо, секретарем правления Союза писателей РСФСР поэт Сергей Васильев многие годы хранил у себя в записной книжке поэтическую миниатюру Н. Доризо, восхищаясь ее лаконизмом и точностью:

Как много фамилий,
Как мало имен!
Поэтов у нас
изобилие.

И как нелегко
перейти Рубикон,
Чтоб именем
стала фамилия!

В пору становления поэтического голоса в «Стихах о голом короле» (1957) Николай Доризо заявил, что хотел бы всегда видеть все происходящее с ним в жизни, как в детстве, в новинку, что до конца дней своих он будет жадно праздновать каждую снежинку, каждый дружеский взгляд, и нет для него в мире другой мудрости...

С той поры спор с обывателем, развенчание мещанина, не живущего, а устраивающегося в жизни, не творящего, а лишь подглядывающего за чужой жизнью в щелку, не имеющего своих побед, но радующегося чужим поражениям, — этот спор стал постоянной темой его творчества. Герой До-

ризо — борец, он жадно любит жизнь и все сущее в ней.

Случая сразиться с обывателем, мещанином поэт не упускает никогда. Об этом стихи разных лет: «Мы вроде к ним пришли некстати...» (1957), «Ты не завистлив, не завистлив» (1961), «В миланском книжном магазине» (1963), «Швейцар» (1965)... Об этом значительное число сатирических миниатюр.

В стихах об искусстве, о предназначении поэта на земле Доризо никогда не витийствует, не приподнимается на цыпочки, чтобы сравняться с великими, запанибрата похлопать кого-то по плечу.

Особо занимает поэта тема Пушкина.

Двадцать лет назад он написал стихи о первой, несостоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом. Пушкин работал над «Полтавой». Он отослал секунданта противника с терпением и раздражением:

Потом! Потом!
Но только
не сегодня.

Я не могу
сегодня
драться с ним.

Идут годы, приносят за собой новые и новые подступы к волнующей художников всех времен теме. Доризо пишет новые стихи о великом поэте — нашей национальной гордости, о тех, кто был ему духовно близок, и о тех, кто готовил ему гибель. Наиболее заметными из них были «Молчание Пушкина», цикл «России первая любовь» (1965—1977), в 1980 году появляется его яркое эссе «Жена поэта» — о Наталье Николаевне. А в июньском номере журнала «Новый мир» Доризо опубликовал трагедию в стихах «Третья дуэль».

«Третья дуэль» — это возмездие, самой природой свершенное над убийцей поэта: дочь Дантеса, отторгнутая судьбой от России, от всего русского, осталась русской в душе, отвернулась от отца — убийцы Пушкина.

«Как грешница, украдкой по ночам» она спешит к томику стихов Пушкина «на тайные свиданья», ее очам предстает «морозных русских зим очарованье», «лес с багряною листвою», она слышит

...вдруг до боли, до рыданья
Тяжелозвонкое скананье
По потрясенной мостовой...

И настает час, когда она как бы встает к барьеру чести, вызвав отца на новый поединок, на третью дуэль.

...В одном из старых, без малого двадцатилетней давности, стихов Н. Доризо есть такие строки:

Я сочинил когда-то песню,
И песня ветретила со мной,

Точными, пророческими оказались эти строчки. Идут годы, меняются ритмы, мелодии, а многие песни Николая Доризо не стареют.

Леонид ХАНБЕКОВ

среди книг

ЧУТКИЙ И МУДРЫЙ ДАР

Удивительное свойство настоящего поэта — жизнь в стихах. Вот уже и человека нет, и поколения выросли без него, а его голос вдруг возникает и волнует так, словно строки написаны именно для нового поколения:

Желанным судьбам развее
не прекрасно
Пропеть: «Постой!»
Кругом весь мир горит
листвою красной
И золотой.

За трудною и радостной
борьбою —
Мгновенный плач...
И я, смеясь, держу
перед собою
Багряный плащ.

Поэт Михаил Морозов. Выдающийся ученый-шекспировед Михаил Михайлович Морозов. Шаловливый мальчик Мика Морозов, ос-

тавшийся запечатленным на портрете Валентина Серова. На лице мальчика видно многое, что потом осуществилось: поэтическое удивление перед миром и глубокий, внимательный взгляд. Художник заметил то, что нельзя не заметить, и кисть его повиновалась характеру модели.

Морозов не стремился к поэтическому успеху, его профессией было шекспироведение, стихи же писались как бы для себя. Но, может, так и пишутся настоящие стихи? В стихах Морозова родился мир красочный и восторженный, где романтическое начало деликатно, мастерски сочетается с реалистическим видением мира.

Он пишет:

Оглянись: природа понятна,
Каждый предмет — душист.
Рыжие лисенята
Дубовый нюхают лист.

И он же пишет:

М. М. Морозов. Стихи разных лет. М. «Советский писатель», 1983. 88 с.

Струился звон
по дремлющей долине...

Образы природы яркие, осязаемые, видны. Но над всеми этими образами высоко витает душа поэта, ищущего гармонии в мире чувств и переживаний. Ироничный и резкий аналитический ум, привыкший повелевать фактами и подчиняться им, причудливо преобразуется в поэтической душе:

Я хочу написать о том,
О чем никогда не писал.

На первый взгляд может показаться, что поэт слишком много на себя берет, что пишет он, в сущности, о том же, о чем писали до него, ибо нет и быть не может новых тем в поэзии человечества — есть лишь новые времена и новые голоса. Михаил Морозов своей лирикой убеждает читателя в невозможном: никогда не писали, что «над лунным снегом танцует заяц голубой», никогда не писали, что «шумит в лицо и в уши лесом пахнущий покой». И много другого никогда не писали до Михаила Морозова, потому что голос каждого поэта неповторим.

Мне кажется, что Морозов не придавал своим стихам того значения, которое они обретают сейчас: он был младшим современником Александра Блока, Сергея

Есенина, Анны Ахматовой, ровесником Бориса Пастернака и Николая Заболоцкого. Любя и понимая их поэзию, он не желал сравниваться. Порой в его стихах слышны отголоски то Блока, то Пастернака. Но морозовская интонация бережно и одновременно смело умеет склонить себя перед авторитетом и остаться собой.

Современному читателю поэзия Михаила Морозова расскажет о многом: о жизни сердца, ищущего гармонии с умом, о слиянии мира человека и природы, о временах молодости и зрелости, которые были по-своему прекрасны и которые поэт умел так точно выразить в деталях:

Мерцает лампа. На столе
Бисквиты, сахар и малина.
Грустит в прозрачном
хрустале
Поникнувшая георгина.

— Ах, — скажет иной читатель, — в этих строках претензия и излишняя краснота.

— Нет, — возразит ему другой, — в них время, когда такие слова воспринимались, как красота, и, пройдя испытание жестоким веком, вернули себе доброе имя.

Книга поэта Михаила Морозова — чуткий и мудрый дар из прошлого читателю сегодняшнего дня.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Форсирование Днепра.

БИТВА ЗА ДН

Бой на окраине Киева.

Здесь будет переправа.

Е П Р

С. П. ИВАНОВ
генерал армии,
Герой Советского Союза,
профессор,
бывший начальник штаба
Воронежского
(1-го Украинского)
фронта

Еще не полностью распрямилась Курская дуга, еще войны пяти фронтов пробивались вперед и отражали удары врага под Ахтыркой, а на наш командный пункт прибыл генерал А. И. Антонов.

— Знаю, что времени у вас мало, что обстановка крайне напряженная, но все же прошу Военный совет уделить мне сорок пять минут времени, — сказал первый заместитель начальника Генерального штаба.

Это было в стиле Алексея Иннокентьевича — просить, а не приказывать, к тому же быть предельно точным и пунктуальным во всем, что он делал.

Антонов сказал, что прибыл по личному указанию И. В. Сталина, чтобы поставить перед командованиями фронтов Юго-Западного направления перспективные задачи. Первое требование Ставки — никакой паузы после завершения операции по овладению Харьковом. Второе — Ставка располагает надежными сведениями, что враг хочет отсидеться за Днепром, чтобы собраться с силами. Третье — открытие второго фронта в этом году опять не состоялось, действия же англо-американцев в Сицилии не отвлекли с советско-германского фронта ни одной дивизии. Четвертое, главное, — задача войск фронта форсировать Днепр с ходу и как можно быстрее взять Киев. Сообщив все это несколько суховатым голосом, Алексей Иннокентьевич сделал паузу и после этого продолжал доверительным тоном:

— Товарищи, выскажите откровенно ваше мнение. Верховный просил внимательно рассмотреть все предложения, облегчающие решение этой архитрудной задачи.

Только что приехавший из войск Г. К. Жуков посмотрел на Антонова испытующе и сказал:

— Я уже докладывал Сталину, что нужны резервы, и немалые. Танковые, артиллерийские и авиационные части и соединения должны систематически восполнять свои боевые потери в людях и технике. Кроме того, они должны накопить достойный задачи резерв.

Н. Ф. Ватутин в своем неторопливом стиле добавил:

— Следует разрешить на освобожденных территориях немедленный призыв всего мужского населения, способного носить оружие, обеспечив достаточное, вернее, усиленное питание новобранцев, чтобы они быстро восстановили силы. Надо также всемерно поддерживать энтузиазм войск. Они утомлены непрерыв-

ными боями. Мы форсировали Воронеж, Сосну, Сейм, Тим, Хорол, Оскол, Корочу, Северский Донец и многие другие водные преграды, но это были сравнительно мелководные реки. Теперь предстоит преодолеть могучую реку. Давайте не скупиться на награды: людей, которые переплывут Днепр и закрепятся на правом берегу, надо достойно поощрять, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза.

Мое предложение как начальника штаба фронта сводилось к тому, чтобы предоставить больше инициативы фронтовому командованию, не связывать нас указаниями, где именно форсировать Днепр, когда это делать, какие силы использовать. Просил я также помочь в организации разведки, особенно агентурной.

Забегая вперед, скажу, что все наши пожелания были учтены Ставкой. Фронт получил пополнение, в том числе 3-ю танковую армию П. С. Рыбалко, а 9 сентября пришла директива, предлагавшая за успешное форсирование крупных рек и за закрепление плацдармов на их берегах представлять к высшим правительственным наградам, а за преодоление таких рек, как Днепр ниже Смоленска или равных ему, — к присвоению звания Героя Советского Союза.

Итак, еще в ходе Курской битвы командования фронтов Центрального и Юго-Западного направлений получили конкретные указания Ставки — без паузы развешивать наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря. Предстояло выйти к Днепру, преодолев многочисленные реки бассейна, захватить плацдармы на правом берегу Днепра, овладеть Киевом, Кировоградом, Запорожьем, Мелитополем, закрепить за собой оперативные и стратегические плацдармы. И что особенно важно — врага надо было не выталкивать, а разгромить! Так формулировалась грандиозная задача завершения летне-осенней кампании 1943 года.

А что творилось в это время в стане врага? Гитлер и его клевре-ты вынуждены были принимать решения, о которых они и не думали, начиная преступную агрессию. 27 августа Гитлер прибыл в Винницу, чтобы конкретнее ознакомиться с обстановкой, но она оказалась столь неблагоприятной, что фюрер, надавав заведомо невыполнимых обещаний, тут же вернулся назад. Дело в том, что даже всегда заносчивый и самоуверенный Манштейн заявил ему:

— Я не ожидал от русских таких организаторских способностей. Мы встретили дракона, у которого на месте одной отрубленной головы вырастают две новые.

8 сентября Гитлер приехал в штаб группы армий «Юг» в Запорожье. Это было его последнее посещение Восточного фронта. В Запорожье съехались командующие войсками Южного крыла. Словопрений было много. Все собравшиеся просили подкреплений. Гитлер вновь давал обещания и не разрешал отхода. Манштейн добивался предоставления свободы рук для осуществления широкого маневра на отход. Но Гитлер не без оснований полагал, что советская сторона сумеет использовать такой «планомерный» отход, чтобы разбить войска вермахта в открытом поле, как только они снимутся с долговременной обороны. Фюрер разрешил лишь отвод войск с Кубанского плацдарма и отдал чудовищную директиву о тотальном разрушении Донбасса. В конце концов, по существу, впервые с начала войны был отдан приказ о повсеместном переходе вермахта к обороне на всем громадном советско-германском фронте. Приказывалось также завершить сооружение Восточного вала — линии долговременной обороны стратегического масштаба от Нарвы через Псков, Невель, Витебск, Оршу, реку Сож и далее по Днепру. Роль опоры всего Восточного вала отводилась Днепру. Здесь враг замыслил навсегда остановить продвижение советских войск.

Расчеты гитлеровцев были небеспочвенны. Днепр представлял действительно серьезнейшую естественную преграду для войск: скорость его течения доходит до двух метров в секунду, ширина — до трех с половиной километров, а глубина — до двенадцати метров. Высокий обрывистый правый берег господствует на большом протяжении над левым, низким. Враг не только укреплял правый берег Днепра, но и создавал предместные узлы сопротивления на левом берегу. Все это должно было исключить возможность форсирования реки. Как свидетельствует генерал Кнобельсдорф: «Днепр планировался как линия сопротивления еще после падения Сталинграда... весной 1943 г.; его большая ширина, низкий восточный берег и высокий крутой западный, казалось, должны были стать непреодолимым барьером для русских». Стабилизацией линии фронта на Днепре немецкое командование надеялось не только спасти от разгрома войска правого крыла своего фронта, но и удержать за собой богатые южные районы. «От удержания линии Днепра, — подчеркивает весьма известный на Западе историк В. Герлицц, — зависела судьба всего южного фронта, более того, всех юго-восточных районов».

Советским войскам на Юго-западном направлении по-прежнему противостояла мощная группировка врага, в которой насчитывалось 1240 тысяч солдат и офицеров, 12 600 орудий и минометов, около 2100 танков и штурмовых орудий и до 2 тысяч боевых самолетов. Советские войска имели здесь 2633 тысячи человек, свыше 51 200 орудий и минометов, более 2400 танков и самоходно-артиллерийских установок, 2850 боевых самолетов. Соотношение сил, как видим, было в пользу Советской Армии.

Борьба за Днепр представляла собой сложный комплекс операций пяти фронтов, координация их действий была нелегкой зада-

Киевляне возвращаются в город.

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин.

В первый день освобождения Киева писатели М. Бажан и Ю. Яновский беседуют с жителями.

Фото О. Кнорринга, Я. Рюмкина и А. Шайхета.

чей. Ее возложили на А. М. Василевского и Г. К. Жукова. Георгий Константинович немало времени проводил на КП нашего фронта. Нередко он заходил в наш штаб. Однажды, как только возобновились боевые действия после небольшой паузы, последовавшей за освобождением Харькова, первый заместитель наркома обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего спросил меня:

— Как думаешь организовать взаимодействие с соседями?

Я ответил, что связь с начальниками штабов соседних фронтов налажена, будем обмениваться информацией и, как положено, согласовывать действия по задачам, направлениям, рубежам и, конечно, по времени.

— Правильно, — сказал Жуков. — А ты, дорогой Семен Павлович, будешь за все это отвечать головой перед Ставкой.

— Почему я? — невольно вырвалось у меня.

— По двум причинам. Потому, что ваш с Ватутиным фронт находится, по существу, в центре оперативно-стратегического построения всех войск на юге, и потому, что ты самый молодой из начальников штабов фронтов, а поэтому энергии и силенок у тебя должно быть больше, чем у других!

Итак, 26 августа, через три дня после освобождения Харькова, войска нашего правого соседа — Центрального фронта — под командованием генерала К. К. Рокоссовского перешли в наступление. Однако они натолкнулись на крупную группировку противника и за четыре дня сумели потеснить ее лишь на 20—25 километров. Зато южнее Севска 60-я армия генерала И. Д. Черняховского и поддерживавший ее танковый корпус к концу августа продвинулись на 60 километров и вскоре вступили в северные районы Украины. Еще несколько дней — и армия Черняховского ворвалась в Конотоп. Это был узел дорог, база снабжения войск не только Кюге, но и Манштейна. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно, но это не помогло. 15 сентября был освобожден близкий всем русским и украинцам гоголевский Нежин. Пал последний опорный пункт на пути к Днепру.

Помню, в один из первых дней наступления на рассвете Н. Ф. Ватутин, раскрасневшийся после физзарядки, которую он делал в любой обстановке и весьма энергично, сказал:

— Как не позавидовать Константину Константиновичу — везет ему, а у нас дела идут туго. — Он взял оперативную карту с последними данными обстановки и стал измерять, какой путь прошли на-

ши войска. Получилось, что мы прошли немногим менее, чем Рокоссовский, если принять во внимание, что наши войска двигались из довольно глубокой ахтырской вмятины.

Успешные действия Центрального фронта создали благоприятные условия и для нашего фронта. Левым крылом и центром мы продвинулись на 25—30 километров, и вскоре войска 38-й армии освободили Сумы.

9—10 сентября дивизии нашего фронта уже подходили к рекам Хорол и Псел. От Днепра нас отделяло чуть больше двухсот километров. Боясь окружения, немецкое командование стало отводить свои войска к Днепру. При этом они взрывали и сжигали мосты, густо минировали дороги и переправы. А вот на левом крыле нашего фронта и юго-западнее Харькова дела шли медленнее. Не считаясь с огромными потерями, враг стремился спасти от флангового удара свою донбасскую группировку, которая в это время несла одно поражение за другим от войск Малиновского и Толбухина. Гитлер требовал во что бы то ни стало вернуть Харьков. Для этого врагу надо было удержать важный железнодорожный узел Люботин. Однако наступавшие части 53-й армии генерала И. М. Манагарова прорвали оборону противника, охватили фланги врага и нависли над его коммуникациями. Под угрозой разгрома гитлеровцы поспешно отошли на юго-запад, и 29 августа Люботин пал.

Отступая под ударами войск Степного фронта, враг оказывал упорное сопротивление, создавая оборонительные рубежи по берегам рек Мерефа, Мжа, Орель, Ворскла, превращая города Валки, Красноград, Полтаву и другие в сильные оборонительные узлы. Но советские войска неуклонно шли к Днепру.

Десятки тысяч мужчин и юношей освобожденных областей Украины, не ожидая приказа о мобилизации, добровольно вступали в Красную Армию, чтобы с оружием в руках громить врага. Это позволило значительно пополнить войска фронтов. Жены, матери, сестры призывников, благословляя новобранцев, говорили: «Нехай повоюють, щоб швидше нимця з України прогнали». Усилили помощь войскам партизаны Черниговщины и Полтавщины. Они срывали перевозки противника по железным и шоссейным дорогам, уничтожали живую силу и технику, спасали советских людей и народное имущество от уничтожения и разграбления фашистскими разбойниками, вместе с Красной Армией освобождали города и села Левобережной Украины.

Ветераны Великой Отечественной войны, получившие звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра и освобождение Киева: генерал-лейтенант М. К. Пилипенко, полковник Б. А. Колесник, генерал-лейтенант П. С. Билаонов, подполковник Н. Н. Павлов, старший сержант М. З. Щербаченко, младший лейтенант М. Н. Внуков, рядовой А. П. Стахорский, полковник И. А. Воробьев, полковник П. А. Власенко * Кременчуг. Памятник «Вечно живым» * Днепропетровск. Утром с мамой.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Киев. Мемориальный комплекс «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Скульптурная группа: форсирование Днепра. Скульптор Ф. М. Согоян * Новый Рusanовский массив * К могиле Неизвестного солдата... * Никополь. Фонтаны возле Дома культуры Никопольского южнотрубного завода * Вечный огонь.

Положение вермахта становилось все хуже. В условиях успешного наступления пяти советских фронтов у гитлеровцев оставалась одна надежда — отсидеться за Днепром.

Темп наступления армий Центрального, Воронежского, Степного фронтов нарастал с каждым днем. Они неудержимо приближались к Днепру. Войска Центрального фронта форсировали Десну, 16 сентября освободили Новгород-Северский, а 21 сентября выбили немцев из Чернигова и вышли к Днепру.

Войска Воронежского фронта продвигались по 25—30 километров в сутки. Впереди — танкисты генерала П. С. Рыбалко. Они вышли к Днепру первыми среди войск нашего фронта.

Еще в ходе наступления мы энергично готовились к форсированию великой реки. Штаб фронта заранее наметил для каждой армии районы, наиболее удобные для форсирования. Было приказано организовать сбор подручных переправочных средств, всесторонне готовить войска к этой ответственной операции, принять все меры к быстрейшему передвижению понтонных и других инженерных средств, которые отстали от армий. Кстати говоря, отставание понтонных подразделений сыграло неожиданно для нас и положительную роль, так как разведка противника, не обнаружив в наших маршевых колоннах, идущих к реке, табельных переправочных средств, сделала вывод, что мы не собираемся форсировать Днепр с ходу.

Штурм Днепра начался одновременно на многих участках, от Лоева до Запорожья. Преодолевая Днепр, все рода войск тесно взаимодействовали друг с другом. Исключительную изобретательность и самоотверженность проявляли солдаты и офицеры инженерных частей. Артиллеристы своим огнем подавляли оборону противника и поддерживали переправлявшиеся войска. Авиация надежно прикрывала их с воздуха.

По приказу Н. Ф. Ватутина и Г. К. Жукова мне довелось курировать действия танкистов Рыбалко. Преодолеть реку им предстояло у широкой излучины близ селений Великий и Малый Букрин. Я побывал здесь с командармом и членом Военного совета генералом С. И. Мельниковым — нам предстояло выбрать створ форсирования. Мы пристально смотрели в бинокли на высокие, почти отвесные кручи противоположного берега, местами густо поросшие развесистыми и мощными деревьями.

Командарм вызвал командира роты автоматчиков лейтенанта Н. И. Синашкина и местного жителя из партизанского отряда имени Чапаева.

— Ну, лейтенант, — сказал генерал Рыбалко, — выбирай четырех парней, достойных и способных первыми переплыть Днепр.

Тот назвал В. Н. Иванова, Н. Е. Петухова, В. А. Сысолятина и И. Д. Семенова. Все четверо — комсомольцы. Одному из них, Петухову, недавно исполнилось восемнадцать лет, остальным на год-два больше. Гвардейцы-добровольцы вместе с проводником сели в лодку. Партизан умело и быстро работал веслами. Ему помогал Сысолятин, остальные наготове держали автоматы, чтобы в любую минуту открыть огонь. Вскоре показалась темная полоса правого берега — ширина реки достигала здесь километра. Лодка царапнула дно.

Киев. Заучит музыка военных лет * На площади Славы * Черкасс. Памятник погибшим летчикам.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

— Пригай, — тихо сказал партизан. — Тут мелко.

Четверо автоматчиков осторожно двинулись вверх по оврагу, заросшему густым кустарником. Незаметно приблизившись к позициям врага, смельчаки открыли огонь и завязали бой, отвлекая на себя внимание. Тем временем вся рота без потерь переправилась на правый берег. Вслед за автоматчиками преодолела реку и сотня партизан, возглавляемая И. К. Приманом. Совместной атакой они выбили гитлеровцев из Григоровки. А через Днепр переправлялись все новые и новые подразделения! Опомнившись, фашисты стали неистово контратаковать бойцов передового отряда, но они, прочно вцепившись в клочок берега, стояли насмерть. Отважная четверка, первой форсировавшая Днепр, была удостоена званий Героя Советского Союза.

Одновременно правее гвардейцев Рыбалко форсировали Днепр воины 40-й армии К. С. Москаленко. Беспредельное мужество здесь проявил заместитель командира 1950-го истребительного противотанкового полка капитан В. С. Петров. Этот полк одним из первых преодолевал Днепр. Противник открыл ураганный огонь. Невзирая на это, в ночь на 23 сентября Петров переправил на самодельных плотках людей, орудия и боеприпасы. В последующие дни фашисты не раз пытались сбросить артиллеристов в реку. У орудий осталось по одному-два человека. Петров не только руководил боем, но и лично подбил четыре танка и два шестиствольных миномета. Когда у одного из орудий пал последний артиллерист, Петров с ординарцем бросились к пушке и продолжали вести огонь по нападавшим врагам. Тяжело, в обе руки был ранен офицер, но продолжал сражаться до подхода подкреплений. Врачи спасли ему жизнь, но герой лишился рук. И все же В. С. Петров остался в армии, вернулся в свой полк и, командуя им, дошел до Одера, став дважды Героем Советского Союза.

К 30 сентября букринский плацдарм войск достиг одиннадцати километров по фронту и шести — в глубину. На нем сосредоточивались все новые части 40-й, 27-й и 3-й гвардейской танковой армий. Но переброска техники была крайне затруднена. Тогда ценой немалых потерь благодаря сметке и самоотверженности воинов и многочисленных добровольцев из местных жителей был построен свайный мост длиной 700 метров, по которому пошли танки и артиллерия.

Жаркие бои разгорелись и в воздухе. Фашистские самолеты непрерывно бомбили переправы и войска на плацдарме. Хотя прицельному бомбометанию мешали дымовые завесы, поставленные химическими войсками в долине Днепра, немало работы оставалось и советским летчикам, которые проявляли чудеса героизма, отражая атаки врага с воздуха, нанося бомбовые удары по вражеским позициям. С благодарностью отзывались наземные войска о работе авиации. Командир паромов лейтенант И. Дмитриев писал летчикам генерала Красовского: «Сотни раз я переплывал Днепр, и всякий раз меня прикрывали истребители. Однажды на середине реки над нами нависла целая стая бомбардировщиков врага. И в это время в воздухе появились всего четыре советских истребителя, но своей дерзкой атакой они рассеяли фашистских стервятников».

В то время, как на центральном участке нашего фронта велись ожесточенные бои за букринский плацдарм, соединения 38-й армии генерала Н. Е. Чибисова, действовавшие севернее Киева, приступили к форсированию Днепра в районе Лютежа. Предпринятая в ночь на 26 сентября попытка переправиться на правый берег не удалась. Следующей ночью группа из двадцати пяти человек, руководимая коммунистом старшим сержантом П. П. Нефедовым, успешно форсировала реку. Зацепившись за обрывистый берег, воины отразили все атаки врага. Так было положено начало созданию лютежского плацдарма, сыгравшего впоследствии решающую

роль в освобождении Киева. За стойкость, мужество и героизм П. П. Нефедову было присвоено звание Героя Советского Союза, все бойцы его группы награждены орденами.

Активно помогали воинам и местные жители. Особенно отличилась колхозница из села Сваромье шестидесятилетняя Горпина Павловна Трегуб. Гитлеровцы отобрали у нее все, но она чудом сберегла лодку. Ни артиллерийский, ни пулеметный огонь не остановили отважную колхозницу — она перевезла на плацдарм не одну сотню солдат и офицеров.

На помощь 38-й армии, отстававшей лютежский плацдарм, спешили танкисты генерала А. Г. Кравченко. Переправившись на плацдарм, танкисты совместно с пехотинцами и артиллеристами расширили его до пятнадцати километров по фронту и до десяти — в глубину.

Войска И. С. Конева преодолели Днепр южнее нашего фронта. Первыми были здесь гвардейцы 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова — ее передовые отряды, сломив ожесточенное сопротивление врага, высадились на правый берег. За успешное форсирование Днепра только в 25-м гвардейском стрелковом корпусе звания Героя Советского Союза были удостоены семьдесят четыре воина.

Вышедшие к Днепру войска правого крыла Юго-Западного фронта форсировали реку севернее Запорожья. Первыми здесь стали соединения 6-й армии генерала И. Т. Шлемина.

Итак, в результате слаженного взаимодействия четырех фронтов наши войска, выйдя к Днепру на 700-километровом протяжении от Лоева до Запорожья, захватили двадцать три плацдарма. Развернулась ожесточенная борьба за их расширение. Стратегическое значение в дальнейшем приобрели плацдармы в районе Киева и юго-западнее Кременчуга.

После того, как были захвачены и укреплены плацдармы в полосе нашего фронта, на повестку дня стал вопрос об освобождении Киева. Взять столицу Украины, раскинувшуюся на высоком и крутом берегу Днепра, ударом в лоб было невозможно. После нелегких размышлений командующий фронтом решил разгромить киевскую группировку врага двумя ударами: главным — с букринского плацдарма, в обход Киева с юго-запада, и вспомогательным — с лютежского плацдарма, в обход города с северо-запада. К пятому дню операции предполагалось освободить столицу Украины, перерезать шоссе Киев — Житомир и закрыть врагу отход на запад.

Этот план был доложен в Ставку и Генштаб, где получил полное одобрение.

Гитлер и Манштейн хорошо понимали последствия потери Киева. Это создавало угрозу всему южному крылу германского фронта и открывало Красной Армии пути в западные и юго-западные районы Украины, а затем в Карпаты и Польшу. Поэтому фашисты изо всех сил наращивали оборону киевского укрепленного района.

11 октября мы начали наступление. Против нас оборонялось десять вражеских дивизий. Невзирая на мощные удары нашей ар-

тиллерии и авиации в букринской излуине, враг яростно сопротивлялся. Гитлеровцы ввели в бой все свои резервы и даже начали переброску сил из полосы обороны против Степного фронта.

Нам становилось все яснее, что в районе к югу от Киева мы не добьемся успеха.

После того, как наступление с букринского плацдарма пришлось прекратить, Киевская операция вступила в новую фазу, ставшую одним из поучительнейших эпизодов Великой Отечественной войны с точки зрения работы штаба фронта, его разведывательного и оперативного отделов. Мы сумели добыть, проанализировать и обобщить огромное количество данных о сосредоточении врага, глубине и прочности его обороны, намерениях ликвидировать наш плацдарм.

23 октября Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин заслушал по телефону доклад Н. Ф. Ватутина об обстановке на фронте. Я при этом тоже присутствовал. Сообщая о ходе сражения на плацдармах, Николай Федорович сказал о бесперспективности удара на Киев с юга и о тех благоприятных условиях, которые сложились на северном, лютежском плацдарме. И. В. Сталин согласился с доводами Ватутина и приказал прислать соображения командования фронта по данному вопросу.

Прежде чем созрело решение, мы обсудили и проработали несколько вариантов сосредоточения дополнительной группировки в районе Лютежа. При этом передислокация войск с букринской излуины была наиболее сложной, ибо перебрасывать силы приходилось вдоль фронта, с двойным форсированием Днепра и Десны. С другой стороны, единственная наша танковая армия — основная сила для боевого маневра — находилась на букринском плацдарме. Понимая, какая тяжелая ответственность ложится на наш штаб при планировании этой переброски и организации мер по ее маскировке, А. И. Антонов прямо спросил меня, справимся ли мы с этим. И я с полной откровенностью ответил, что справиться трудно: полной гарантии, что Манштейн не раскроет наши карты, я не могу дать. «Если бог пошлет нелетную погоду», — в шутку закончил я свой ответ, — справимся на «хорошо», а если нет, то риск очень серьезный».

Помню, мы собрались на КП у деревни Требухово, куда был приглашен П. С. Рыбалко. И он вдруг со своей всегдашней иронией спросил:

— Ну, что, приказываете форсировать Днепр обратно с правого на левый? Это легче: левый положий.

— Действительно так, — чуть улынувшись, сказал Ватутин. — Но ведь потом-то под Лютежем будешь еще раз переправляться с левого на правый, а он крутой.

Г. К. Жуков, не поощрявший в деловых разговорах шутон, сказал, обращаясь ко мне:

— Семен Павлович, готовься сразу же после совещания ехать на Букрин — будешь вместе с Рыбалко головой отвечать за переброску его армии и всех других соединений в Лютеж.

Неожиданно П. С. Рыбалко нахмурился и сказал:

— Коль будем перебрасывать мои танки, перебрасывайте и пехоту Москаленко — за это время с ним и Епишевым мы на плацдарме пуд соли съели. Вместе, я уверен, возьмем Киев!

Г. К. Жуков неодобрительно посмотрел на Рыбалко и сказал:

— Указания в армии идут свер-

ху вниз, а не наоборот. Забывать об этом не следует. Перебросим с Букрина те силы, которые нужны под Лютежем, а пехоту найдем поближе.

В такой момент перечить Георгию Константиновичу было небезопасно, но польза дела не терпит робости, и я вмешался в разговор.

— У меня есть по этому поводу предложение. Если нельзя рокировать 40-ю армию, надо рокировать ее командование, — стремясь сохранить полусутоличный характер беседы, сказал я.

— Дельно, — согласился Жуков.

По поводу моего предложения добавлю несколько слов. Мы с К. С. Москаленко до этого вместе служили в 38-й армии в самые тяжелые дни весны и лета 1942 года, руна об руку сражались под Сталинградом. Полководческий почерк Кирилла Семеновича мне был хорошо известен, а 38-ю мы оба считали своей родной армией. Скажу еще, что Москаленко, ставший на Днепре генерал-полковником и Героем Советского Союза, возглавлял 38-ю армию вплоть до Дня Победы.

Сразу же после этого совещания мы с Рыбалко выехали в район букринской дуги. Не в первый уже раз я проделывал этот путь, а теперь его предстояло преодолеть войскам.

Современному читателю трудно даже представить, какой объем работы по подготовке маршрутов и организации комплекса дезинформационных мер провел штаб. Ведь тогда не было компьютеров, основным подспорьем при расчетах была в лучшем случае логарифмическая линейка. Приведу один пример. Чтобы скрыть от противника уход с букринского плацдарма танковой армии и артиллерии усиления, 40-я, 27-я и 47-я армии расположили в своих полосах обороны большое количество маневров танков и орудий. Радиосвязь 3-й танковой армии работала в прежнем районе. Насколько мастерски все это было сделано, свидетельствует то, что вражеская авиация и артиллерия до самого момента перехода наших войск в наступление с лютежского плацдарма наносила удары по скоплениям маскировочных объектов. Таким образом, задача переброски сил с одного плацдарма на другой была выполнена. Так что наш удар из-под Лютежа оказался для врага полной неожиданностью.

Плацдарм под Лютежем был небольшим: двадцать километров по линии Днепра и четырнадцать — в глубину. Почти все имевшиеся орудия мы сосредоточили на участке прорыва 38-й армии, командование которой принял К. С. Москаленко.

Сотни самолетов 2-й воздушной армии С. А. Красовского должны были в первый день операции нанести четыре удара по узлам сопротивления, живой силе и артиллерии противника. Воздушное прикрытие ударной группировки войск фронта возлагалось на 5-й истребительный авиационный корпус генерала Д. П. Галущенко.

В подготовке к сражению за Киев участвовала вся страна. Особенно напряженную работу по политическому обеспечению операции принял на свои плечи новый член Военного совета 38-й армии генерал А. А. Епишев. Непосредственно перед Киевской операцией в партию вступило двадцать пять тысяч человек. Всего же к началу наступления в 1-м Украинском фронте (так стал называться наш Воронежский фронт) насчитывалось 135 тысяч коммунистов.

1 ноября перешли в наступление с букринского плацдарма 40-я и 27-я армии. Многократно и настойчиво атакуя противника, они приковали к себе крупные силы врага, и самое главное — убедили его в том, что наши планы не изменились, и мы будем штурмовать Киев с юга.

А вечером 2 ноября командующий фронтом отдал приказ о на-

чале наступления главной ударной группировки севернее Киева. Атака была назначена на 8 часов 40 минут 3 ноября. Военный совет фронта обратился к войскам: «Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашего Отечества. Здесь много веков назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в руках отстаивали от врагов свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и матери, наши деды и прадеды... За нашу Советскую Родину, за нашу свободу и счастливую жизнь, за Украину, за Киев, вперед на разгром врага!»

3 ноября последовал мощный удар с севера! В этот день 38-я и 60-я армии прорвали первую оборонительную позицию врага на глубину до 5—12 километров. 4 ноября сражение за Киев достигло предельного накала, так как Манштейн бросил свои последние резервы в район Пуши-Водицы. Однако стремительный удар 5-го гвардейского танкового корпуса опрокинул вражескую бронированную лавину. И вот утром 5 ноября обозначился резкий перелом в нашу пользу. Под угрозой окружения враг начал отходить в Юго-западном направлении. Решительным маневром 38-я и 3-я гвардейская танковая армии совместно с 1-й Чехословацкой отдельной бригадой, преодолев сопротивление немецких заслонов в предместьях города, к вечеру ворвались в центральные кварталы Киева.

В 0 часов 30 минут 6 ноября над столицей Украины взвилось Красное знамя, водруженное войсками 180-й стрелковой дивизии генерала Ф. П. Шмелева!

В последующие дни, развивая наступление на Коростень, Житомир и Фастов, войска фронта продвинулись на сто пятьдесят километров и образовали Киевский стратегический плацдарм. Попытки Манштейна во второй половине ноября — начале декабря ликвидировать этот плацдарм и вернуть Киев были сорваны.

В это же время войска остальных трех Украинских фронтов вели упорные сражения на Кировоградском, Криворожском направлениях — и в низовьях Днепра.

В ходе битвы за Днепр советские войска нанесли сокрушительное поражение основным силам группы армий «Юг» и части сил группы армий «Центр», освободили более 38 000 населенных пунктов, в том числе 160 городов. С захватом стратегических плацдармов, о которых говорилось выше, создались условия для наступления в Белоруссии, полного освобождения Правобережной Украины и нанесения ударов на Западном и Юго-западном направлениях.

В этой исторической битве вновь проявился беспримерный героизм советских воинов, 2438 из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Многие части и соединения стали гвардейскими или получили почетные наименования тех городов, которые избавили от фашистского ига.

...Недавно я снова побывал в Киеве. Я стоял на днепровских кручах и с гордой уверенностью думал: пока течет Днепр-Славутич, — а его воды будут стремиться к морю многие и многие века, — не померкнет и не изгладится из памяти человеческой слава героев великой битвы за великую реку!

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Э. Эттингера

«Вам

«Вам веришь...» Эти слова часто встречаются в письмах зрителей, адресованных актеру Владимиру Борисову. Письма находят артиста по двум адресам: в столице, где живет его мать, и в Куйбышеве, где живет он сам, коренной москвич, около десяти лет работая в Куйбышевском академическом драматическом театре имени А. М. Горького.

За что же так тепло благодарят Борисова люди, большинство из которых по причине иного местожительства не видели его на сцене? Почему распаивают сердца незнакомому человеку? Ответ, думаю, уже дан: потому что в е р я т. Каждому взгляду, жесту, каждой улыбке, слову, произнесенному с кино- и телеэкранов, повсеместно увеличивающих число признательных зрителей...

Секрет покоряющего обаяния Владимира Борисова, сыгравшего в фильмах «Вечный зов», «Пугачев», «На исходе лета», «Хлеб, золото и наган» (перечисляю здесь далеко не все работы актера), нелегко раскрыть двумя словами. Тут можно говорить и о внешних данных, о пластичности и музыкальности актера, короче, его «киногенности», которая и сама по себе немало значит. Но, думаю, тут прежде всего нужно говорить о той сложной жизни духа, которой наделяет свои персонажи Борисов, умудряясь, даже при всей кратковременности своего появления на экране, приковать к себе внимание внутренней сосредоточенностью героя в сочетании с открытостью характера, незапойливой раскованностью, лиризмом и светлой поэтичностью.

В съемочную группу «Вечного зова» в 1974 году пригласили выпускника театрального училища познакомиться на роль Семена Савельева; Володе же в училище доставались в основном роли деловых людей, остросоциальных героев. Лирики и романтики не было и в помине по причине, как он считает, его почти двухметрового роста, а от приглашений на главные роли в фильмах «Всадник без головы» и «Легенда об Уленшпигеле» он вынужден был отказываться: строгие педагоги Щепкинского не приветствовали съемок своих учеников во время обучения театральному искусству.

...Дождаясь своей очереди, с замиранием сердца провожая взглядами нескольких Семенов Савельевых — а в пробах участвовали популярные актеры, — последний Семка... заснул. Очнувшись, понял, что до конца съемочного времени осталось всего двадцать минут. Вбежал в павильон, где уставшие и забывшие о нем люди собирались идти по домам... Только на четыре минуты попал Володя в поле зрения бесстрастной кинокамеры; не помнил, что и как делал, какие слова произносил... В павильоне погас свет. Все!.. Но на роль Семена Савелье-

ва был утвержден «новичок» Владимир Борисов. Задолго до того, как ему поверили зрители, в начинающего актера поверили создатели «Вечного зова», и надо ли теперь говорить о том, что они не ошиблись! Девять лет, длились съемки кинокартины. Володя жил жизнью этого красивого деревенского паренька, героически погибшего на войне. Девять лет Володя рос, мужал вместе с Семеном. И несмотря на такую разительную несхожесть их человеческих судеб, есть много общего в характерах двух этих людей — добрых и мягких, отзывчивых на чужую боль, непримиримых к несправедливости и черствости.

Таким же оказался и спортсмен Юрий Веденеев в фильме «На исходе лета» (эта работа Свердловской киностудии не раз демонстрировалась по телевизору), где Борисов показал душевную неизбалованность в общем-то балованного парня. Что-то есть в этом на первый взгляд «непутевом» такое, что заставляет подождать с окончательным приговором. И мы почему-то верим в этого чуть разболтанного, чуть развязного парня. И мало-помалу выясняется, что душа его чиста и добра, что Юрка может выдержать серьезное испытание на человечность.

Почти всех киногероев Борисова роднит до поры скрытая нравственная сила, положительная, общающая радость жизни.

«Жаль только, — говорит актер, — что в кино мне так пока и не удалось как следует, в полной мере проявить эту заложенную в героях силу... Мне кажется, что были только контуры характеров, только намеки на их сложность. Но я благодарен кинематографу за встречи с образами моих современников. В театре это случается совсем редко, драматурги мало радуют актеров...»

В театре Владимиру Борисову повезло в другом. С первых же шагов на куйбышевской сцене он вступил в мир классики — русской, советской и зарубежной. Около тридцати ролей сыграл актер, среди них Хлестаков в «Ревизоре», Глумов в «Бешеных деньгах», Суслов в «Дачниках»... Кстати, роль Суслова в пьесе Горького — одна из последних в репертуаре Борисова. Кинозритель вряд ли узнал бы полюбившегося актера, настолько беспощадно обнажает он страшный лик обывателя, не забывая, однако, что Суслов — человек, и человек несчастный, сознающий и всю мерзость окружающего и свое бессилие тоже... Борисов вообще очень любит Горького, мечтает сыграть Егора Булычова. А пока сыграл молодого Горького в спектакле «Станный человек», показав широкий и мощный характер героя, неравнодушный и легкоранимый...

Вспоминая путь актера, прой-

ВЕРИШЬ...»

денный в театре, хочется вернуться к роли Тимофея Непряхина в «Золотой карете» Л. Леонова, за которую Борисов, вместе с режиссером и актерами, занятыми в главных ролях, удостоен Государственной премии РСФСР. Роль Тимоши, потерявшего на войне зрение, не такая уж и большая; в исполнении молодого артиста она стала символом величия русской души, олицетворением беспредельного мужества. Неулыбчив, но ласков к людям гармонист Тимоша, бывший талантливый астроном. И сосредоточен на одном, главном для него сейчас — своими страданиями не причинить боль любимой девушке, близким людям; не дать почувствовать своих мук, наоборот, убедить, что жизнь прекрасна! Незрячие глаза Тимоши, горевшего в танке, надежно запрятаны под темные очки, но свет, идущий от всего существа его, настолько яркое, что не оставляет ни тени сомнения насчет дальнейшей судьбы Непряхина: он сможет быть счастливым, сможет стать необходимым людям, ибо без этого не мыслит своего счастья.

«Поистине радостно сказать себе самому: учитель, какого ученика ты воспитал!» — сказал Михаил Иванович Царев о Владимире Борисове, выдвинутом на соискание Государственной премии. М. И. Царев был руководителем курса, на котором учился Володя.

А главный режиссер куйбышевского театра народный артист СССР Петр Львович Монастырский, когда речь зашла об одном из ведущих актеров театра Владимире Борисове, заметил:

— Он уникально интересный актер, обладающий замечательной способностью к правдивому внутреннему существованию на сцене. Это дает возможность режиссеру работать с ним над любым материалом!

Монастырский действительно с самого начала много работал с выпускником Щепкинского училища. А тот был не из тех, кому роли даются легко. Так, например, долго репетировал Гамлета, Борисов так и не вышел в этой роли на сцену.

— Вот сейчас бы я, наверное, смог сыграть Гамлета, — объясняет актер, — сейчас я бы понял его лучше, нашел для себя его правду, его истину. А в то время я был еще совсем «зеленый», не видел в себе достаточно сил, умения... Не хотел спешить.

Он продолжает «не спешить» и в других ролях. Любит долго работать над ролью, искать и преодолевать сложности. «Любая роль должна идти в глубину, через преодоление самого себя, только тогда можно добиться полной внутренней свободы, раскованности на сцене».

Каждая репетиция, каждый выход актера на сцену сродни «ло-

зоискательству», старинному способу нахождения земных богатств. Человек, обладающий особым внутренним чутьем, «лозоходец», держит в руках тонкий виноградный прут — лозу и медленно, будто влекомый лозой, но в не меньшей степени и собственной догадкой, шагает по земле, рано или поздно добираясь до заветной цели. Чудо!

Так и это чудо нахождения, попадания в искомую суть образа — чудо, долгожданное и вместе с тем неожиданное, — захватило Борисова, щедро наделенного от природы тем особенным внутренним чутьем... Захватило навсегда.

Говоря «навсегда», я не имею в виду, что так было всегда, с самого рождения, что Володя с юных лет чувствовал неодолимую тягу к театру и т. п. Правда, в пять лет он впервые попал на спектакль «Чайка» и даже заболел, ошеломленный увиденным. Правда, он всегда прекрасно пел и декламировал, участвовал в самодеятельности. Но правда и то, что, рано оставшись вдвоем с матерью, без отца, в четырнадцать лет пошел работать слесарем, был чертежником, лаборантом, грузчиком, два года служил в войсках связи, работал старшим техником в конструкторском бюро. И уж было решил поступать в МАИ, но как-то встретился с бывшими однокашниками, учившимися «на актеров», послушался их совета и после первого же тура был принят в Щепкинское училище. Когда заканчивал учебу, ему исполнилось двадцать шесть лет. Были моменты, казалось ему, что слишком поздно пришел в театр, в искусство, что мало успеет... Но, боясь мало успеть, он все равно не хотел и не хочет спешить. Думаю, уже не нужно объяснять почему.

«Он всего добивался сам, никогда не просил чьей-либо помощи», — рассказывает о Володе его мать, которая так редко видит своего сына. Конечно, если бы Володя принимал все приглашения на съемки в фильмах, они бы виделись намного чаще. Но для Борисова главным в его жизни остается театр.

«Мне дорог наш театр. Дорог и своими актерами и режиссерским стилем. И особой творческой атмосферой: каждый раз я ухожу со сцены с чувством, что сделан еще один шаг в постижении психологии героя, его нравственной и социальной значимости... Словом, в моем театре я смог найти все, что нужно актеру». Нашел здесь Владимир Борисов и любящего, преданного зрителя, который ходит именно «на Борисова», на спектакли с его участием, на творческие вечера, где актер великолепно исполняет русские народные песни. Остается только сказать, что любовь эта взаимна.

Плавучие коробейники

Наталья БУМАГИНА,
фото автора

«Путешествуя по Оби, мы несколько раз встречали теплоход, на борту которого было написано: «Плавмагазин». Кого обслуживают эти магазины? Чем торгуют? Расскажите, пожалуйста.

Семья Минченковых».

Как нам сообщили в Москве, в Главурсе Минречфлота РСФСР, сейчас на реках России работают 97 плавмагазинов. За навигацию они обслуживают 125 тысяч судов. Подробнее познакомиться с их деятельностью нам посоветовали в Обь-Иртышском объединенном пароходстве. Наш корреспондент отправилась в далекое путешествие. О виденном и слышанном она писала нам в своих письмах, посланных с оказией.

Письмо первое

Долетела до Омска благополучно, но до плавмагазина еще не добралась. Пишу с борта танкера «Ленанефть-2050». Плыдем по Иртышу, уповая на скорую встречу с «плавающей лавкой».

Танкер, огромный, белоснежный, держит путь в Тазовскую губу. Удивляет отсутствие бензино-керосинового духа. Все дело, как объяснили мне, в идеальной герметизации танков, в которых горючее для газодобытчиков Запоярья.

С разрешения капитана В. Н. Беляева я прошла в рубку. Неумолчно работает радиотелефон. Движение на большой реке — словно на оживленной городской улице. Каких судов здесь только нет! Обгоняем здоровенный лесовоз — тысячи бревен смотрят на меня своими торцами. А вот навстречу толкач подталкивает две баржи, груженные чем-то, издали напоминающим гигантские черные соты. Мы поравнялись: то, что смахивало на соты, оказалось пирамидой труб, в каждую из которых я могла бы войти, слегка наклонившись.

Сухогрузы, танкеры, юркие буксиры, степенные толкачи... Да, огромный нефтегазоносный район Тюменской области требует все больше и больше грузов. Основная транспортная артерия — Обь с Иртышом. Навигация коротка. Поэтому на реке тесно от спешащих судов. Смотри в оба! Еще мели, перекааты. Иртыш делает немислимые петли, и перед каждым поворотом наше судно сообщает о себе, что вот, я такой-то, иду сверху, приближаюсь к повороту, встречные, будьте осторожны.

Незабываемы ночные часы на корабле. В рубку врывается упругий ветер, настоящий на медоносных травах прииртышских степей. Луна, сначала красная и огромная, вылезает из-за горизонта, потом, постепенно поднимаясь, становится серебряной. По сторонам таинственными силуэтами проплывают спящие селения. Красиво! Но у судоводителей ночью самые напряженные часы. Недалеко к штурвалу становится капитан. И хоть река «обставлена» знаками, нужно самому хорошо знать ее, уметь подстроиться под нее. Владимир Николаевич, бывший военный моряк, прошел через все корабельные специальности. И потому понимает своих молодых подчиненных — с ними и строг и отечески добр. Он говорит:

— Когда я за штурвалом, всегда думаю о ребятах, что сейчас отдыхают в кубриках.

А утром вдруг резко зазвучал сигнал тревоги: «Человек за бортом!» В одно мгновение был спущен на воду мотобот, парни прыгнули в него и подобрали из воды... яркий спасательный жилет. Тревога учебная.

— В длительном плавании все может случиться. Вот и тренируются ребята, сейчас отрабатываем срочную доставку «больного» на берег. Заодно разомнемся на суше.

Да, приятно ступить на мягкую травку после железной палубы. В деревушке тихо, что особенно заметно после монотонного гула двигателей. Пахнет травой, свежераспиленным деревом.

Письмо второе

Я давно уже испытывала терпение капитана вопросами о плавмагазине:

— Где же он? Когда повстречаемся? И как все-таки происходит купля-продажа? Покупатели, что, подходят к магазину на шлюпках, и продавцы опускают на веревке пакеты с товаром?

Владимир Николаевич смеялся.

— Подождите, скоро увидите.

И вот я в магазине! Вернее, на магазине, ведь я уже нахожусь на борту теплохода, именуемого «Плавмагазин». Перемена моего «местожительства» произошла так.

Провизия на всю команду.

Магазин шел нам навстречу и — о, чудо сервиса! — после коротких переговоров по радиотелефону «купец» сделал изящный разворот, и мы сошлись «щека к щеке», борт к борту. Подан трап, и по нему с нашего танкера, звонко топая, спешат покупатели. Возглавляет ватагу не дядька-черномор, а тетя-повариха. Она при покупках главное лицо. У нее есть «заборная книжка», куда вписывается, где, каких и сколько отпущено продуктов для котлового питания. Шестивие, а вернее, нашестивие покупателей замыкает ваш корреспондент. На теплоходе целых два магазина: продовольственный и промтоварный. Холодильные и морозильные камеры хранят мясо и птицу, масло и га-

строномические продукты, овощи. Бакалейная секция не забыла запастись на берегу даже такими мелочами, как лавровый лист и перец. Ударило в нос дивным запахом свежее испеченного хлеба: на плавмагазинах пекут отличный хлеб.

Под руководством поварихи ребята быстро складывают в чистые мешки аппетитные буханки, заполняют сетки другой снедью, взваливают их на себя и относят на танкер. Затем налегке возвращаются и, уже как частные лица, подходят к прилавку со сладостями, соками. Подшучивая друг над другом, покупают себе вкусного товара на несколько дней. Спиртных напитков здесь не держат. А потом все спускаются ниже по

трапу и из съестного отдела попадают в промтоварный. Не торопясь обходят прилавки. Здесь, конечно, не ГУМ и не ЦУМ, но ассортимент товаров довольно широкий — от зубной пасты до зимнего пальто.

И вся эта купля-продажа вершилась на ходу! Суда шли вприценку, как сямские близнецы, и разошлись, когда ушел последний покупатель. А я осталась в плавмагазине.

Письмо третье

Вместе с моими новыми друзьями, торговцами, следуя курсом на Тобольск. Нет, экипаж нисколько не смущен, что занимается самым прозаичным торгово-коммерческим делом. Плавающие корабейники явно гордятся своей работой, и, право же, у них есть на это все основания. Они очень нужны речникам, которым дорог каждый час пути. Где же им пополнять свои припасы? Если в береговых магазинах, то потеря времени, по подсчетам, будет равна суточному простою шести судов. Нет, суда обязаны безостановочно двигаться. Ничто не должно задерживать их в пути. И вот на помощь приходят магазин-суда.

...А тем временем впереди на высоченном берегу уже заблестели золотые купола старинного Тобольска.

Город расположен в несколько ярусов. Там говорят: «Пойду наверх» или «Тебе ничего не нужно внизу?». Лестницы, переходы, взвозы разнообразят ландшафт. Много хорошо сохранившихся деревянных домов. И среди них — волшебная шкатулка, дом, в котором разместился драматический театр. Это один из первых театров в России: он основан в 1705 году. Театр хоть и деревянный, но не «горит» — здесь всегда билеты проданы. Но сейчас никого из труппы нет в городе. Каждое лето по традиции артисты отправляются по Иртышу и Оби в гастрольные поездки. В отдаленные уголки Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов: к нефтяникам, газодобытчикам, оленеводам.

Письмо четвертое

Пишу из Сургута. С Иртыша перекочевала на Обь. На этот раз по железной дороге Тюмень — Сургут. Она проложена комсомольцами по хлябям и топям васюганских болот. А пассажир мчит себе в купе и наслаждается благами цивилизации. О болотах напоминают только комары, залетающие в открытые окна.

Так вот о Сургуте. «На свежего человека, еще незнакомого с сибирским захолустьем, он производит впечатление убогой, всеми забытой, затерявшейся в лесу деревушки. На небольшой, очищенной от леса, песчаной площадке разбросаны несколько десятков деревянных домишек, большую часть старых, почерневших от времени...»

Это строки из путеводителя по Западной Сибири под редакцией Семенова-Тян-Шанского, изданного в 1907 году. Позвольте еще процитировать путеводитель. Право, он того заслуживает.

«С трех сторон, как стеной, го-

род окружен вековым хвойным лесом, и лишь одна сторона свободна от него, внизу, далеко под горой, катит свои мутные холодные волны угрюмая красавица Обь... Единственное средство сообщения сургутянина с остальным миром — его широкая богатая река... Весной и осенью всякое сообщение Сургута с внешним миром временно прекращается. И тогда-то особенно он принимает до крайности гнетущий вид чего-то жалкого, убогого...»

Из упомянутого остались, пожалуй, только песок и, конечно, красавица Обь. Сейчас Сургут — процветающий центр нефтедобывающего района. Город-стройка. Многоэтажные, красивые дома — готовые и еще под кранами. Сургутский домостроительный комбинат, судя по всему, без дела не простаивает. Лес? Отдельные участки его сохранились в виде парков, но вообще-то мне показало, что строители кое-где переусердствовали, вырубив лишку. А потом жалеть будут.

«Население Сургута не прибывает, а скорее уменьшается...» Не удержалась, опять привела строки из старого путеводителя, уж очень они контрастны с сегодняшним днем. Если в 1975 году здесь жили 60 тысяч человек, то в 1981-м — уже 137 тысяч, а сейчас — более 170 тысяч человек. Молодой работающий народ едет сюда из разных концов Союза. Привлекают и самостоятельная работа, хорошо оплачиваемая, и возможность получить жилье. Захолустную сонливость давно сдуло; атмосфера молодого, динамичного города сразу захватывает каждого приезжего.

Письмо пятое

Пишу с борта сургутского плавмагазина. Он близнец тобольскому. Построены оба в ГДР, как и почти все наши «плавающие лавки». И команде и продавцам живется здесь хорошо, удобно — комфортабельные каюты, душевые, уютная кают-компания с телевизором. Несмотря на похужесть плавмагазинов, на этом, сургутском, мне довелось увидеть действие незабываемое.

...Вечерело. Зажглись бортовые огни, но продавщицы не собирались ко сну и мне отсоветовали: «Не проспи самое интересное!»

А потом нашу лавку брали на абордаж с двух сторон. Слева и справа швартовались танкеры, лесовозы, сухогрузы; перебрасывались трапы, и, грохоча по железной палубе, валила толпа покупателей. Живописная была картина: спаренные суда ярко освещены, в темной воде отражается россыпь огней. А в чреве корабля кипело торжище. К утру продавцы Неля Гагарина и Люба Ткаченко валились с ног, лица их побледнели. Увы, тут ничего не поделаешь: убои идут в любое время суток. Могу сказать без преувеличения: работа в плавмагазине — хлеб нелегкий, но работа нужная, как хлеб.

* * *

И еще нам сказали в Главурсе, что, по самым скромным подсчетам, рекам России не хватает 55 плавучих магазинов, особенно таким гигантам, как Обь, Енисей, Лена.

ПОДЪЕМНИК ДЛЯ СЕЛА

Подъемный кран в сельском хозяйстве — вещь очень нужная, но, к сожалению, дефицитная да и дорогая.

Прекрасный выход нашли ученые Волгоградского сельскохозяйственного института. Они разработали и создали грузоподъемное устройство, которое легко и быстро можно смонтировать на обычных тракторах и автомобилях. И чем мощнее трактор, тем более сильный кран на него устанавливается. Новое детище Волгоградских ученых позволит механизировать многочисленные трудоемкие работы на селе.

На снимке: подъемное устройство укреплено на тракторе.

ПИЛОТ НЕ НУЖЕН

Пролететь очень низко над жерлом действующего вулкана, провести научные наблюдения и вернуться. Такая задача сопряжена с большим риском для жизни людей. А ведь пилот не всегда необходим, решили студенты Московского авиационного института, иногда даже лучше, если его нет на борту в полете над вулканом.

Уже много лет в этом прославленном вузе разрабатывают и изготавливают беспилотные самолеты, вертолеты. Управляют ими с земли по радио, причем пульт может находиться за 300—400 километров.

Вертолет стартует с небольшой площадки с полезным грузом до ста килограммов и выполняет самые различные задания. За 40 минут он обрабатывает пятьдесят гектаров пашни средствами биологической защиты. А геологи, строители линий электропередачи, снабдив телекамерой, могут отправить его для обследования обширных территорий, где нет оборудованных аэродромов.

На снимке: беспилотный радиоуправляемый вертолет.

РАСТИ, КРИСТАЛЛ

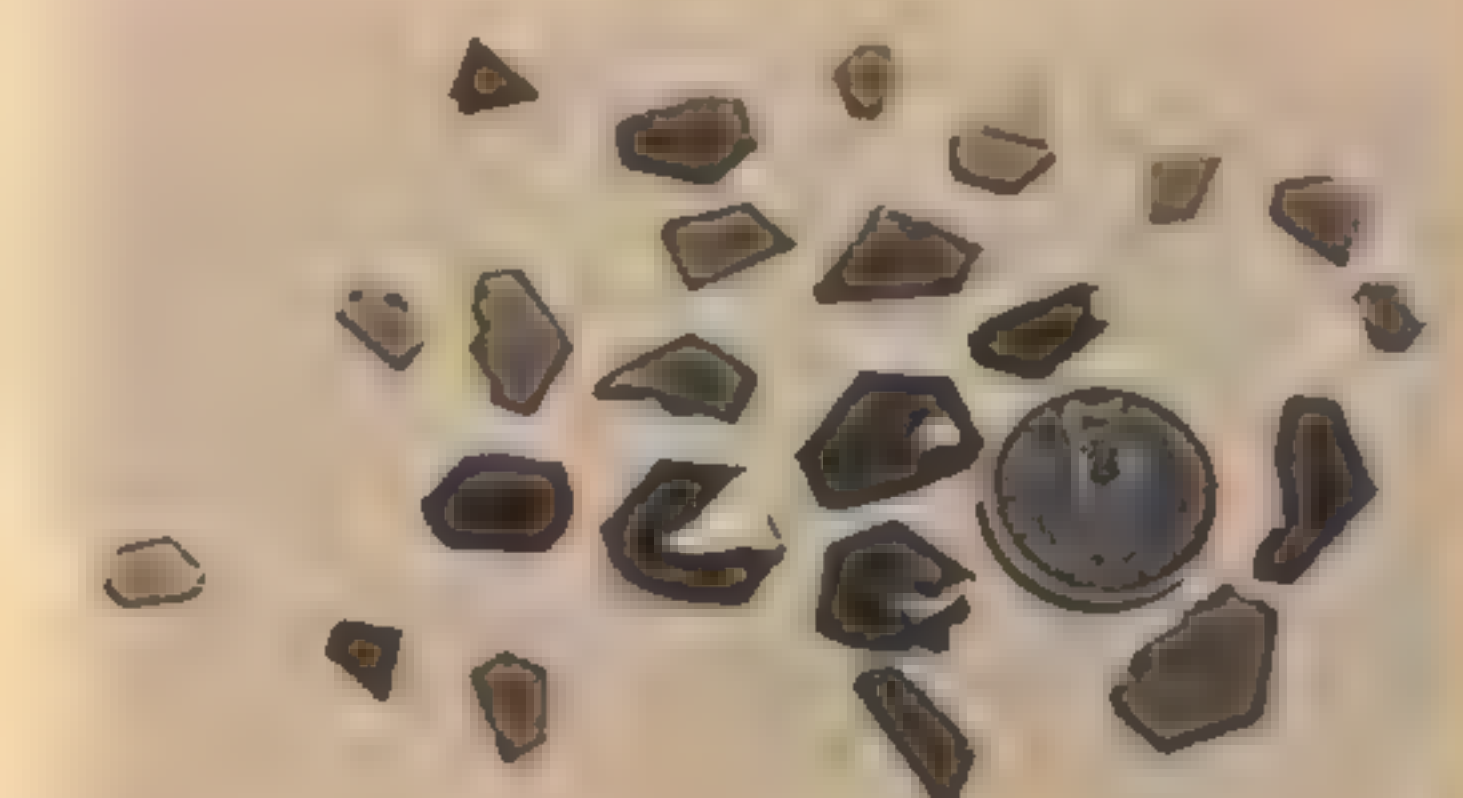
Кристалл — основа современных полупроводниковых приборов. Чтобы собрать полупроводник, кристалл помещают в ускоритель и вбивают в его поверхность примеси проводников. Этот метод — он был открыт в ленинградском Физико-техническом институте АН СССР — называется ионным легированием. Затем кристалл отжигают, чтобы восстановить

нарушенную структуру в участках, подвергнутых ионной бомбардировке, иначе полупроводника не получится. Открытие такого метода — локального лазерного отжига — также приоритет советских физиков, конкретнее — Казанского физико-технического института.

Оба эти метода произвели революцию в производстве полупроводников, направив их развитие по пути миниатюризации и облегчения веса приборов в десятки раз, что очень важно, например, для космонавтики. Так что кристаллы сейчас пользуются особым вниманием физиков. Тут нужно сказать, что искусственное их выращивание — дело очень тонкое, точное, требующее особой — скажем так — чистоты. Этим занимаются и ученые Дагестанского государственного университета имени В. И. Ленина. Разумеется, не просто растят, а разрабатывают научные основы технологии выращивания кристаллов карбида кремния. И после легирования ищут способы заставить их работать в заданных условиях, при различных температурах, от очень высоких до сверхнизких, и не изменять при этом «привитых» им свойств. Дагестанскими физиками уже получены три авторских свидетельства на технологию выращивания кристаллов, на основе которых изготавливают терморезисторы, светодиоды, тензорезисторы для различных полупроводниковых приборов.

На снимке: малы кристаллы, да дороги: на каждом из них можно собрать целую микросхему.

Фото Р. Дика (ТАСС)

ОПОЗНАННЫЙ ЛЕТАЮЩИЙ ОБЪЕКТ

Австрийский электромеханик Хайнц Жордан изобрел... летающую тарелку. По внешнему виду это большое кольцо из пластмассы. Тарелка взлетает с земли вертикально вверх, зависает неподвижно в воздухе, летит в любом направлении. Управляется она по радио, а действует так: кольцо в полете вращается, в центре его находится двигатель внутреннего сгорания с воздушным винтом и два руля — вертикальный и горизонтальный. Вес тарелки — 3,5 килограмма, диаметр — около метра. Этот летательный аппарат пока только забавная и интересная игрушка, хотя его конструкция представляет собой маленькое инженерное открытие. Изобретатель мечтает создать настоящий пилотируемый турбоплан. То-то будет радости поклонникам НЛО.

На снимке: «тарелка» в полете.

Укрывают

Сторонники взгляда на «заурядность» погребенных в ЦД архивов прибегают еще и к таким, с позволения сказать, аргументам. Достаточной документацией, дескать, располагают архив министерства иностранных дел в Бонне, федеральный архив в Кобленце и в особенности институт современной западногерманской истории в Мюнхене. Однако докторант Лунц (помните его неудачную попытку обратиться к руководителям ЦД) на опыте собственной исследовательской практики точно установил: если нужны документальные материалы о партийной карьере нациста, о его служебном пути, о его кровавых делах во славу фюрера, приходится уповать только на целендорфские бункера.

Спору нет, в мюнхенском институте накоплено немало важных документов поры нацистского владычества, но...

Когда, заглянув в здание на малолюдной улице, я поинтересовался документами о связях нацистских бонз и сионистских эмиссаров, мне ответили, что по таким «чрезмерно локальным» проблемам здесь специальных картотек не заводят, а заниматься «зыужизанием» разбросанных по разным отделам документов сотрудникам института не под силу.

Вернемся к перспективам ЦД. О «страшных тайнах» его архивов высокопоставленный чиновник ФРГ сказал израильскому журналисту с нескрываемым оттенком иронии. Так и быть, он готов, мол, принести жертву и принять архивы — только бы «прекратились разговоры». Нечего сказать, многообещающая позиция!

Зато уж без всякой иронии пресс-бюро министерства иностранных дел лапидарно, как сказано в «Цитти», ответило на вопрос газеты о будущем ЦД: «В настоящее время (речь идет о 1982 году. — Ц. С.) имеются трудности с американцами». И газета недвусмысленно добавила: «Эта тема является у нас запретной».

Между тем Ульф Вюрфеллер пишет, правда, менее лапидарно о трудностях, создаваемых властями ФРГ: «Является фактом то, что американцы уже несколько лет хотели бы передать центр документации под покровительство западногерманских властей. Это дело откровенно затягивается участниками переговоров со стороны боннского правительства. Но можно исходить из того, что этот акт будет осуществлен в 2000 году, когда в архиве будут находиться материалы только об уже умерших национал-социалистах».

Вот где собака зарыта! Вот что устраивает и Бонн и Вашингтон! Вот к чему клонят и нынешние и потенциальные «покровители» поистине взрывоопасных для них архивов! Они ждут двухтысячного года. Потому-то не торопятся и те и другие. Потому-то откровенно затягивается передача Вашингтоном архивов ЦД Бонну.

Боннские власти боятся раскрытия новых имен процветающих и благоденствующих в ФРГ промышленников и коммерсантов, вроде штандартенфюрера миллионера Курта Бехера, или видных правительственных чиновников, вроде бывшего эссовца Адольфа Михазлиса, руководителя «восточного блока» в федеральном ведомстве печати и информации. Вашингтонские власти опасаются раскрытия убежищ многих гестаповцев и эссовцев, услужливо переправленных за океан той же «крысиной тропой», что и Клаус Барбье. Многим из них повезло, правда, больше, чем ему: подобно Рауффу, одному из конструкторов и наставников по практическому применению «газен-вагенов» — душегубок на колесах, подобно Менгеле, «врачу»-убийце из Освенцима, они стали незаменимыми советниками и инструкторами диктаторских режимов Чили, Сальвадора, Гондураса, Парагвая и выдаче правосудию «не подлежат». И, конечно же, некоторая часть клаусов барбье занята выполнением не совсем благовидных,

но зато прекрасно оплачиваемых поручений ЦРУ.

Как видите, Бонн и Вашингтон играют в одну игру.

А вдруг все-таки боннские власти решатся очертя голову завладеть «раскаленным железом» несколько ранее? Но и на это нет особых надежд у прогрессивных юристов, историков, публицистов — у всех, кто время от времени рискует затронуть запретную тему, кто искренне стремится не оставить безнаказанным ни одно нацистское преступление. Причем пессимистичны на этот счет высказывания не только в ФРГ, не только там, откуда сейчас нельзя посылать запросы в ЦД. И в западноберлинской газете тоже можно прочесть: «Возникает чувство страха перед тем временем, когда архив полностью будет передан в руки ФРГ. Будет ли тогда вообще доступ к архиву? Или нужно будет за этим из Западного Берлина лететь в Пало-Альто (США), где находятся снятые на микрофильмы документы из архивов НСДАП, которые кое для кого являются доступными?»

Именно кое для кого. И не только вполне доступными, но и весьма полезными. Полезными для расширения агентуры империалистических разведок, для укрепления черных позиций неонацизма.

СОУЧАСТНИКИ, СООБЩНИКИ, ПОДСТРЕКАТЕЛИ

Утаивание архивных документов, обличающих нацистских преступников, приводит к чрезвычайно губительным для народов мира последствиям. Попытаюсь определить роковую сумму таких последствий схематично в виде тезисов; мне кажется, такая нарочито «сухая» формулировка поможет читателю отчетливее ощутить политическую, социальную и нравственную опасность всего творящегося в американском центре документации почти уже четыре десятка лет подряд.

Захоронение под спудом документальных материалов о «жизни и деятельности» фашистских убийц и палачей, во-первых, избавляет их от справедливой кары, а уж одно это глубоко безнравственно и бесчеловечно.

Такое утаивание разоблачительных документов содействует, во-вторых, осуществлению гнусных планов современных вдохновителей и функционеров неонацизма.

Поскольку доступ к засекреченным гитлеровским архивам открыт только признанным ЦРУ «избранникам», секретные службы империализма, в-третьих, имеют неограниченную возможность из удобной им среды неразоблаченных нацистских преступников вербовать наемных агентов.

Все это, в-четвертых, весьма на руку руководителям антидемократических, милитаристских, расистских режимов, ибо намного затрудняет честным людям мира возможность открывать новые доказательства преемственности между палаческими деяниями разгромленной гитлеровской партии и злодеяниями ныне орудующих клик Стресснера, Пиночета, диктаторских режимов ЮАР, Сальвадора и им подобных.

Поощряемое ЦРУ укрывательство нацистских архивов приводит, в-пятых, к тому, что остаются неизвестными имена многих героических жертв фашизма и совершенные ими подвиги.

Наконец, сокрытие нацистских архивов еще

и еще раз воочию доказывает грубое нарушение Соединенными Штатами провозглашенной ими в 1943 году вместе с Советским Союзом и Великобританией Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Офицеры и солдаты третьего рейха и члены нацистской партии, участвовавшие в зверствах, убийствах и казнях, подлежат суду и наказанию по законам той страны, где совершалось преступление, — вот о чем без обиняков говорится в Декларации.

Как известно, сразу же после войны западные страны стали беззастенчиво нарушать главные принципы Декларации. «Западные оккупационные власти, — вынуждена признать лондонская «Санди таймс», — отдавали приоритет своим особым задачам, отодвигая на второй план цели правосудия; пленные немцы располагали богатой информацией и опытом, которым хотели воспользоваться западные союзники... Наиболее ценным качеством офицеров СС стал их опыт шпионажа против Советского Союза и коммунистических партий Европы».

Опросу офицеров СС о гитлеровских методах ведения войны и разведки был придан характер систематической долговременной операции. Американцы высокопарно называли ее «историческим исследованием». Пересъемка на микроплентку содержимого нацистских архивов — это новый этап пресловутых «исторических исследований», новое средство оставшихся от гитлеровского рейха ошметков так называемого «антикоммунистического потенциала». Не столь уж мизерны эти нацистские ошметки, если «Вашингтон пост» пришлось признать, что в США было вывезено (именно вывезено, а не бежало!) не менее 5000 военных преступников. Такая цифра вызывает саркастическую усмешку у всех, кто в ФРГ занимается изучением истории нацизма.

«Если бы по «крысиной тропе» за океан было переброшено всего пять тысяч нацистов, американцы сочли бы возню с Центром документации бесполезной, не оправдывающей затрат». Это я услышал от молодого западногерманского историка после того, как авторам книги «Кровавые следы», обратившимся в ЦД с просьбой предоставить им возможность изучить материалы о Курте Бехере, всерьез предложили испросить на это разрешение у самого штандартенфюрера. Историк уже напал на след одного из гитлеровских гауляйтеров, сумевшего трансформироваться в научного работника в области психологии. Друзья историка наверняка знали, что в ЦД хранится объемистая папка с личным делом гауляйтера, но... «Мне надо кормить троих детей. У нас с женой никаких сбережений нет. А вдруг мистеру Саймону не понравится моя настойчивость и он пожалуется в Бонн. А там мне живо пришьют закон о «запрете на профессию!»

Таким образом, руководители ЦД, выполняя задание вашингтонских хозяев, повинны еще и в том, что парализуют, приостанавливают деятельность прогрессивных исследователей.

Вероятно, это перечисление далеко не исчерпывает все губительные для общества, для мира последствия реакционной, враждебной прогрессу политики и практики вашингтонских хозяев ЦД, а также боннских властей, всячески оттягивающих передачу нацистских архивов в их руки.

РЛ

Когда эти строки готовились к печати, лондонский «Обсервер» напомнил, что подавляющая часть нацистских преступников избежала наказания, найдя убежище в Центральной Америке. Журнал подчеркнул, что в большинстве случаев это было возможно «только с помощью или при потворстве официальных властей западных держав».

А парижская «Монд дипломатик» утверждает: «Западные союзники дали уйти от суда девяноста пяти процентам эсэсовцев». Другие зарубежные издания также много пишут сейчас о фактическом амнистировании властями западных держав и использовании на службе бывших сотрудников СД и гестапо.

И мне подумалось: а сколько из этих преступников фигурируют «во всей красе» в девяноста тысячах личных дел сотрудников СД и семидесяти тысячах дел гестаповских палачей, документов, скрытых в подвалах ЦД.

Стоит напомнить, что в понятие уголовно наказуемого укрывательства входит и **сокрытие следов преступления**. Укрыватели — **прямые соучастники преступления**, непосредственные **пособники** и **сообщники** тех, кто совершил его. Так оценивают роль укрывателей, кстати, и законодательство США и законодательство ФРГ.

Вот почему я, советский писатель, с полным правом называю избежавших наказания нацистских преступников и содействующих им своими укрывательскими деяниями американских чиновников соучастниками, сообщниками. Меру наказания для них закон предусматривает, правда, разную, но преданию суду они подлежат на равных основаниях. И если уж пользоваться юридической терминологией, то добавлю: американские укрыватели нацистских преступников действуют **умышленно, с заранее обдуманной намеренностью** — это, несомненно, утяжеляет их ответственность перед обществом и законом. Они, подчеркиваю, действуют по подсказке и инструкциям чинов Вашингтонской администрации, выступающих в данном случае в весьма незавидной с точки зрения морали и закона роли **подстрекателей**.

Итак, на территории американского сектора Западного Берлина глубоко под землей в потайных бункерах целендорфских приозерных вилл захоронены **документальные доказательства преступлений не только немецких палачей, но и их заокеанских укрывателей**.

И если вникнуть в стратегию сегодняшней идеологической агрессии США против стран социализма, в существо демагогических постулатов, какими прикрывается «крестовый поход» против СССР, то нетрудно убедиться, что деятельность ЦД — частица рейгановских планов тотального наращивания идеологических диверсий против СССР и других социалистических стран.

Мне почему-то кажется, что в администрации США имеется хороший знаток «Майн кампф», гитлеровской «библии». Не хочется засорять эти страницы циничными строками, подчеркнутыми в экземпляре «Майн кампф», украшающем письменный стол упомянутого Вашингтонского знатока. Приведу только откровение Гитлера, созвучное сегодня политическому курсу правительства Рейгана: «Если уж врать, то врать беззащитниво; крупной лжи поверят скорей, чем мелкой... Люди иногда и сами лгут в мелочах, но весьма большой лжи они стыдятся. Поэтому им не придет в голову, что их так нагло обманывают».

Сравните, читатель, эти отвратительные сен-

тенции с сообщениями о провокационных делах Вашингтона, с методами его «крестового похода». Сравните и сделайте выводы.

ПРАВДУ ПОХОРОНИТЬ НЕЛЬЗЯ

...Уезжая из Западного Берлина, я решил взглянуть на целендорфские виллы ЦД с берега озера Шляхтензее.

Идиллический вид. Несведущему человеку и в голову не придет, что под светлыми прибрежными зданиями в подземных склепах похоронены вопиющие доказательства бесчисленных нацистских преступлений.

Мой спутник, молодой советский журналист, внимательно взглядевшись в панораму возвышающихся над зеленью черепичных крыш Целендорфа, заметил:

— Немного напоминает вид с левого берега Изара на старую часть Мюнхена, не правда ли?

Я не ответил. Ничего, равным счетом ничего не запомнил я в Мюнхене — ни реки Изар, ни одной из старинных достопримечательностей баварской столицы, ни одного колоритного здания. Совсем смутно припоминаю Пропилеи, галереи скульптуры и живописи, дворец Нимфенбург. Не сохранился в памяти и замечательный Олимпийский стадион, где я провел так много часов в дни XX Олимпийских игр. Не запомнился даже новый жилой квартал близ стадиона, хотя в одном из домов жили мы, представители прессы. А ведь я много ходил и ездил по Мюнхену, видел немало памятников архитектуры, участвовал в интересных встречах.

Нет, память не изменила мне. Просто все мюнхенские впечатления властно вытеснило из памяти трехчасовое пребывание в Дахау, пригороде Мюнхена. И в те минуты на берегу Шляхтензее, когда мой спутник заговорил о Мюнхене, я до малейшей подробности вспомнил, нет, ощутил все, что слышал, видел и прочувствовал в Дахау. Это страшное название заставляет учащенно биться сердца людей не только моего поколения.

22 марта 1933 года нацисты соорудили здесь свой первый концентрационный лагерь для зверской расправы с немецкими антифашистами, прежде всего — коммунистами. Затем лагерь значительно расширили, чтобы заточить в его блоках десятки тысяч евреев и других «неарийцев». В годы второй мировой войны вновь расширенный лагерь заполнили узники разных национальностей из многих оккупированных стран. Если верить документам лагерной канцелярии, к маю 1945 года через ад Дахау прошло более 206 000 жертв. В это число не вошли узники блока № 5, где лагерные палачи в жестокости превзошли самих себя. Там в «лаборатории» доктора Рашке и профессора Шиллинга над заключенными проводились людоедские «медицинские» эксперименты в условиях низкого давления и низких температур, там биохимическим путем прививали «неарийцам» смертельную форму малярии. Не учтены лагерной канцелярией и узники, обреченные на гибель в газовой камере. В Дахау не успели выполнить приказ о вводе в действие собственной газовой камеры и поэтому обреченных депортировали в другие, более «усовершенствованные» лагеря.

И вот на площади превращенного в памятный мемориал концлагеря Дахау 2 сентября 1972 года под полуденным солнцем собрался международный антифашистский митинг участников Олимпийских игр.

Визу глаза норвежской женщины из Тронхейма — здесь, в застенках Дахау, она потеряла старшего брата.

И такой митинг пытались, представьте, сорвать! Пытались грубо, беззастенчиво, остервенело. Для этого в одну банду сгрудились и молодые западногерманские неонацисты, и агенты молодежных сионистских организаций, и юные выкорымыши оуновских недобитков. Оуновец из мюнхенской организации последователей бандита Бандеры и специально прибывший из Кельна разъяренный сионист совместно пытались сорвать с флагштока олимпийские флаги социалистических стран. Хриплыми антикоммунистическими выкриками поддуживал двух «дружков» озлобленный молодой человек из пронацистского «национального сою-

за баварской молодежи». Их, совершенно чужих и чуждых друг другу, в те минуты объединяла поганая цель: загрязнить международную атмосферу митинга, погасить в сознании его участников тревожные воспоминания о чудовищном прошлом Дахау, помешать единению олимпийцев со многими честными людьми из Мюнхена и других городов ФРГ.

Не вышло!

Горячо и взволнованно прошел митинг. Антивоенные речи, искренние и гневные, были выслушаны в молчании, оно в такие минуты дороже самых громких рукоплесканий. Поняв, что бессильны сорвать митинг, провокаторы ретировались.

Закончился митинг. Но молодежь не расходилась. Без всяких приглашений и объявления, повинувшись единому душевному порыву, все направились на поляну за оградой. На плане концлагеря этот клочок земли отмечен как «стрельбище СС». Поляна, окруженная редким леском, обогрена кровью шести тысяч расстрелянных эсэсовцами советских военнопленных.

Минута скорбного молчания. Парни и девушки — немцы, чехи, словаки, поляки, югославы, французы, датчане, греки — высоко над головой подняли проклинающие войну плакаты и вопрошающе смотрели на наших олимпийцев: они хотели услышать слова советского сверстника. И Валерий Попенченко, выдающийся спортсмен и олимпийский чемпион, произнес короткую речь. Клятву верности миру.

И тут же над колоннами вспыхнула пламенная песня Вано Мурадели «Бухенвальдский набат». Рассказывая об этом в сиюминутном, переданном в Москву из Мюнхена по телефону газетном очерке, я и тогда не мог сказать, на каком языке услышал начало мужественной песни. Но проникновенные слова этой песни набатно звучали уже по крайней мере на шести-семи языках. Пели все. Роняли слезы тоже все. Песня о бессмертии бухенвальдских узников дошла до сердца каждого, кто в те незабываемые минуты стоял на земле Дахау.

И читателю, уверен, понятно, почему много лет спустя, глядя на ухоженные виллы американского учреждения в Западном Берлине, я думал об антифашистском митинге в Дахау, о Бухенвальде, где был убит Эрнст Тельман, об увиденном в январе сорок пятого на освобожденной польской земле, в Майданеке, о том, сколько зловещих тайн этих и других фашистских фабрик смерти можно было бы раскрыть, если бы не вашингтоно-боннское «попечительство» над целендорфскими бункерсами.

...Полвека назад пламенный, бесстрашный революционер Юлиус Фучик назвал сфабрикованный нацистами позорный лейпцигский процесс 1933 года школой провокации. Школой узаконивания преследований и притеснений. Школой, обучающей тому, как в буржуазном государстве можно избавиться от опасности, порождаемой правдой. Подобным школам всегда нужны практические пособия. Роль таких пособий уготована тысячам метров микропленки, методично и скрупулезно запечатлевшей на потребу американской разведки каждый (исключений тут не делают!) документ из захороненных в ЦД архивов руководства фашистской партии.

Юлиус Фучик предвидел, что, «кроме коричневых книг гитлеровского террора, могут возникнуть книги такого же содержания и в иных обложках — бело-голубых, полосатых, со звездочками или еще каких расцветок, типичных для мира капитализма». Такие книги появлялись, появляются — они нужны врагам мира. Но ни одной из них не удастся оправдать сорокалетней (и еще, как мог понять читатель, далекую от завершения) консервацию учреждениями США десятков миллионов изобличающих преступников документов, консервацию, предпринятую с фарисейской целью избавиться от ответственности, порождаемой правдой.

Правду похоронить нельзя. Ни в самых усовершенствованных бункерах Целендорфа, ни в хранилищах микропленки, специально оборудованных в американском городке Пало-Альто.

Обстоятельства смерти господина Н

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В дверь Тираюта постучали. Сняв пистолет с предохранителя, один из его охранников отпер многочисленные замки. Вошел маленький человечек, приторно улыбаясь и поблескивая хитрыми глазками. Роста в нем было не больше ста пятидесяти сантиметров. Здесь его хорошо знали. Телохранитель спрятал пистолет и лениво позвал Тираюта. Увидев Тираюта, пришедший замер в приветствии. Тирают, пропустив гостя вперед, на мгновение прикрыл дверь и быстро шепнул телохранителю:

— Где-то во дворе ошивается Прасет. Приведи его сюда.

Тирают поспешил за гостем. Они прошли в дальнюю комнату.

— Что привез? — спросил Тирают.

— Груз с последнего каравана Лао Су. Полиции досталось только его тело и самая малость порошка.

Тирают вытащил из сейфа, стоявшего прямо на полу, толстую пачку денег.

— Половина долларами, половина батями, — объяснил он.

Маленький человечек, не пересчитывая деньги, хладнокровно сунул их в карман потрепанных штанов.

— Груз оставь у меня, — продолжал Тирают, — потом перевезем дальше.

Тирают был осторожен. Только он один будет знать, кому теперь идет груз. Это гарантия от выстрела в спину, если его партнеры по героиноному бизнесу решат, что смогут обойтись без посредников.

Человек, доставивший груз, вышел. Тирают с неудовольствием посмотрел на грязные следы на полу. Он не уважал мео — несмотря на большие деньги, зарабатываемые на опиумном меке, они так и не стали приличными людьми. В прихожей его дожидался Прасет. Тирают помахал у него перед носом пластиковым мешочком с героином и увидел, как у парня загорелись глаза и затряслись руки.

— Видел человека, который только что был у меня? — спросил Тирают.

Прасет кивнул.

— Уберешь его, — сказал Тирают, глядя прямо в глаза Прасета, — прощу.

И в его руках опять появился мешочек с белым порошком. Прасет протянул руку, и телохранитель Тираюта дал ему нож с длинным и острым лезвием.

...В свое время, когда Тирают работал на американцев, он побывал в труднодоступных деревнях на севере Таиланда, где обитали горные племена. Они вырубают и сжигают леса, освобождая участки земли для посевов риса и кукурузы, разводят домашний скот, птицу. Когда земля истощается, племя снимается с места и уходит дальше в лес, который неумолимо выжигается. В каждой деревне есть вождь и шаман: племена верят в духов. Мео предпочитают жить на высоте тысяча — тысяча пятьсот метров над уровнем моря, в долинах, окруженных горами. Крыши домов спускаются до земли для защиты от ветра. Внутри дома, у восточной его стены, воздвигается алтарь; по поверьям мео, следует поклоняться пяти духам, охраняющим жилище. Единственное, что нравилось Тираюту в деревнях мео, — это полигамия. Мео предпочи-

тают иметь несколько жен — с экономической точки зрения, дабы они рожали много детей. Самой выгодной женой считается вдова с детьми — в семье сразу прибавлялось рабочих рук. Тем более, что и работают в основном женщины. Мужчины большей частью заняты курением опиума. От этого занятия они отвлекаются два раза в год после сбора урожая, чтобы продать скупщику опиум-сырец. Получив двести долларов за килограмм сырца, который принесет торговцам наркотиками миллионы долларов, они, довольные сделкой, погружаются в спячку. Попытки убедить племена заменить мак клубникой или кофе наталкивались на упорное сопротивление. Владельцу кофейной плантации надо ждать минимум три года, прежде чем он начнет получать прибыль, а человек одного из «опиумных королей» обьежжает на муле деревни «золотого треугольника» и без разговоров выкладывает две сотни за килограмм сырца.

Тирают побывал и в деревнях каренов, которые живут на самой границе с Бирмой, и акхов, украшающих свои шляпы куриными перьями и шерстью гиббонов. При входе в деревню акхов стоят священные ворота, которые охраняются двумя добрыми духами, они не пускают злых духов в деревню. Неподалеку от ворот возвышается фигура женщины, вырезанная из дерева. Она тоже защищает деревню от злых духов. Дома строят из бамбука. На полу сооружают очаг, в хижине всегда полно дыма, нечем дышать.

Из всех племен, с которыми ему приходилось иметь дело, Тирают предпочитал яо. Они аккуратнее и чище, чем соседи: время от времени они моются в отличие от других племен, которые не моются никогда. Например, акхи боятся, что от мытья в них вселится дух воды. Яо называют себя «главными», они единственные имеют письменность, заимствованную у китайцев. Тирают привозил из деревень яо красиво расшитую одежду; каждую девочку в племени обучают вышиванию. Чтобы расшить одежду узорами «серебряный цветок», «бровь тигра» или «медведь мео», требуются месяцы.

Эти обширные этнографические знания Тирают приобрел, кочуя по деревням и скупая наркотики. В условленный день за ним прислали самолет компании «Эйр Америка». Тирают грузил тюки с опиумом в самолет, получал свою долю и шел дальше. Он сильно рисковал. Натолкнись он на других сборщиков, на отряды Кхун Са или Лао Су, живым бы не ушел. Он спал, не выпуская автомата из рук. Тирают здорово обиделся тогда на американцев — он рисковал своей шкурой, а получал гроши по сравнению с другими.

Когда американцы распустили «Красных буйволов» и Тирают лишился приличного жалования, он решил, что с американцами ему больше не по пути. В героинном ремесле он уже был не новичок, и новые хозяева нашлись быстро.

Тираюту приходилось туго. Ставки в героинной игре были фантастическими, и соперничающие между собой банды безжалостно убивали друг друга. Кхун Са как-то сжег три деревни и вытоптал поля: он заподозрил местных жителей в помощи другой банде. Тирают был свидетелем того, как личная армия Кхун Са окружила и огнем из минометов, базук и

автоматического оружия почти полностью уничтожила отряд тайландских солдат, которые накануне захватили подпольную лабораторию по переработке опиума.

В джунглях были затеряны целые поселки, где жили люди, пришедшие сюда ради героина. Среди пальм крытые соломой хижины на тиковых сваях. Мужчины в полувойенной форме цвета хаки. По утрам, когда солнце еще не слишком печет, проводятся боевые учения. Колонны, поднимая пыль, браво маршируют по единственной в поселке улице, тренируются в стрельбе, благо оружия и боеприпасов хоть отбавляй.

Рядом с этими профессионалами горные племена выглядели жалко. Неграмотные, темные крестьяне попадали в кабалу к торговцам наркотиками, которые охотно давали им задаток под будущий урожай, а потом шантажировали. Горные народности по-прежнему образуют этническую периферийную группу, отношения с основным населением страны напряженные, они чужеродное тело, и «опиумные короли» держат их в страхе и полной зависимости.

Один раз Тирают побывал в цитадели крупнейшего «опиумного короля» Кхун Са, чье настоящее имя — Чан Шифу. Конечно, ему не удалось увидеть виллу самого «короля» с баскетбольной площадкой и футбольным полем, обширными подвалами, где хранились запасы пищи и импортного виски, с плавательным бассейном, системой кондиционирования воздуха и видеоаппаратурой, но он убедился в его могуществе. Под ружьем у Кхун Са было три тысячи человек, вооружение — американские автоматические винтовки «М-16», минометы, базуки. В распоряжении его банды — приемопередающие устройства «уоки-токи», подпольные химические лаборатории, тайники для хранения опиумного сырья и готовой продукции и даже вертолеты, для которых в горах оборудованы взлетные площадки. Мощные радиостанции позволяли держать постоянную связь с опиумными караванами. Иногда торговцы наркотиками пользовались для транспортировки сырца вертолетами тайландской полиции — у Кхун Са были большие связи в северных провинциях Чианграй и Чиангмай. «Десять лет назад вы могли предстать перед тайландскими таможенниками со слонем, нагруженным наркотиками, и вас бы пропустили. Сейчас, по всей вероятности, обратили бы внимание на слона» — эти слова Тирают слышал от одного из приближенных Кхун Са.

До недавнего времени Кхун Са ощущал себя неограниченным властителем «золотого треугольника». Ему принадлежал дом в Бангкоке, где он частенько бывал. Для кого-то из членов парламента он построил в Бан Хин Таэже прекрасную виллу. Эту деревню он превратил в свою вотчину. Его агенты повсюду закупали необходимые для обработки опиума-сырца уксусный ангидрид, ацетон и аммиак. Когда Малайзия запретила транзит уксусного ангидрида, цена на него подскочила в двадцать раз, и две героинные лаборатории пришлось временно закрыть.

В юности Тирают работал в такой подпольной лаборатории вместе со своим старшим братом, которого вскоре убили в очередной перестрелке. Героин они расфасовывали в полиэтиленовые мешочки и ставили торговую марку «Дабл Ю-Глоуб», «Ред лайон», «Гуд лак

У. Роосвалт. Род. 1941. ТАЛЛИНСКАЯ РЕГАТА.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

В. Пантасенко. Род. 1952. БУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ.

Всесоюзная художественная выставка «Физическая культура и спорт в изобразительном искусстве».

ту ю». На каждом пакетике было напечатано предостережение: «Это настоящий качественный продукт. Остерегайтесь подделок». То были первые английские слова, которые выучил Тирают. Единственное, кем он не пожелал быть,—героиновым курьером. Его не соблазнили даже их высокие заработки. Несмотря на коррупцию полиции и таможенной службы, Тирают твердо усвоил: больше шансов выжить в горах, хотя там и звучат постоянно выстрелы и бандиты уничтожают друг друга, руководствуясь простым правилом «убивать все, что движется», чем попав в руки правосудия. Если схватят с героинном, не помогут ни природная ловкость, ни умение владеть оружием. Закон о наркотиках, принятый в Таиланде, был прост: за попытку вывезти двадцать граммов наркотика — каторга, за сто граммов героина № 4 (степень очистки — свыше девяноста пяти процентов, на сленге торговцев именуется «белым порошком» в отличие от героина № 3, хуже очищенного, который называется «коричневым сахаром») — смертная казнь.

Тирают часто видел, как в сезон сбора урожая перед закатом в путь пускаются длинные караваны. На лошадях и мулах навьючены тюки, караваны сопровождает вооруженная охрана. Они доставляют опиум к южным оконечностям гор. Транспорты с наркотиками идут по тайным тропам в джунглях, пересекают реки, ущелья, заросли бамбука и заканчивают свой путь в одной из северных провинций, откуда героин небольшими порциями переправляется в Бангкок — там единственный в стране международный аэропорт. Чаще всего героиновые курьеры именно таким путем пытаются покинуть Таиланд. Каждый раз они нуждаются в новых документах, ведь если в паспорте подряд стоят три визы, выданные странами Юго-Восточной Азии, это почти автоматически означает, что таможенный досмотр будет самым тщательным.

Тирают хорошо знал, что сопровождавшие караван погонщики боятся не полиции, а конкурентов, героиновые же курьеры — самих торговцев, продавших им наркотик: если курьеров ловили, то доносчик получал в качестве вознаграждения до семидесяти процентов рыночной стоимости конфискованного товара. Чаще всего курьеров выдавали сами торговцы. При этом они ничем не рисковали — в Таиланде наказывают только того, у кого наркотик нашли.

...Дверь в комнату, где на мягком диване уютно расположился Тирают, приоткрылась, и вошел телохранитель. Он нес в руках телефонный аппарат со снятой трубкой. Тирают некоторое время слушал, что ему говорили, потом повесил трубку и кивком отослал телохранителя. Тирают довольно улыбнулся. В столичной полиции работало немало его бывших дружков из «Красных буйволов». Он просил их найти Олдмонта. Тирают немедленно узнал о поручении посольства США отыскать светло-серый «форд» Олдмонта. Тирают хотел рассчитаться с Олдмонтом за те неприятные минуты, которые пришлось пережить. К тому же будет просто приятно убить хотя бы одного из американцев, которые его всегда унижали. Теперь друзья сообщили, что машина Олдмонта обнаружена, за ней следят, и, как только американец приведет их в свое убежище, Тираюта проинформируют.

Прасет настиг свою жертву в переулке, который посещали только мужчины: здесь соседствовали сразу четыре «массажных заведения» самого низкого пошиба, принадлежащих одному хозяину. В ожидании клиентов девочки торчали на улице; поскольку тщеславный владелец именовал свои заведения «Плейбой-клуб», то «массажистки» были украшены заячьими хвостиками и ушами.

Прасету пришлось ждать недолго. Расплатившись, пожилой мео выскользнул в совершенно уже темный переулок. Прасет с силой всадил нож ему в шею — так, как учил его Танат, телохранитель Тираюта. Быстро обыскал карманы убитого, толстую пачку денег сунул поглубже в карман, чтобы отдать Тираюту в целости и сохранности. Он знал, что Тирают не прощает обмана. Как бы ни был велик соблазн, сейчас Прасет больше всего хотел доказать Тираюту свою верность.

Отец внушал Прасету: в этом мире надо крепче держаться за сильных людей, с ними не пропадешь. В детстве Прасету пришлось сильно голодать, в провинции Чиангмай можно было заработать только на наркотиках. Когда ему исполнилось пятнадцать, отец отвел его к Тираюту и поклялся, что мальчишка выполнит любое его поручение. Год Прасет разносил мелкие порции наркотика постоянным клиентам Тираюта. Потом вместе с ним перебрался в Бангкок. Вошел в доверие. Тирают приучил его к героину, теперь он держал парня на коротком поводке.

Уже в Бангкоке Прасет узнал о смерти отца. Тот взялся быть проводником у нескольких американцев, которые хотели пробраться в Лаос. Прасет видел их. Американцы сидели на открытой веранде бара и откровенно хохотали, наблюдая за нелепой, по их мнению, процедурой: буддийские священники прибили благословить только что отстроенный дом. Глава тайландских монахов приехал в шафранового цвета «мерседесе». Помимо прочего, монахи должны были определить место, где будет установлен домик духов, наличие которого так же необходимо, как фундамент. Маленькая, как кукольный домик, но имеющая большое значение, подобно домашнему алтарю, эта изысканно украшенная церковь в миниатюре должна выражать веру в верховное божество. В поставленный ради процветания дома и его обитателей домик духов нужно ежедневно приносить еду, цветы и благоволия. Иначе может случиться несчастье. Прасет не мог понять, что смешного нашли эти американцы в том, что монахи благославляют новые постройки. Это было таким обычным делом для Таиланда. Один раз Прасет даже видел, как монахов пригласили в бар с девочками. По этому случаю девочки оделись, а порнографические фотографии, украшавшие стены, завесили. Скрестив ноги, монахи уселись на пол и, прикрыв глаза, стали нараспев читать молитву. Бар таким образом получил божье благословение.

Старший из американцев, как рассказал отец Прасету, когда они виделись в последний раз, был подполковником «зеленых беретов». Второй был прежде морским летчиком и славился своим умением владеть оружием, за что получил прозвище «доктор Смерть». Прасет с замиранием сердца повторял эти слова: «Доктор Смерть». Как бы он хотел стать таким человеком!

Тирают потом сказал ему, что американцы напоролись на патруль лаосских пограничников и его отец был убит в перестрелке.

О'Брайен получил шифровку из Лэнгли и подумал, что проявил непростительное легкомыслие: Олдмонта надо было давно начать искать, сразу, как только он получил письмо от Уилсона. В конце концов в этом азиатском городе белый человек не иголка, нашли бы.

Резиденту стало не по себе. Вот точно так же из-за недостаточной подготовки провалили операцию «Лазарус», да еще загубили двух его агентов в Накхонпханоме, в северо-восточном Таиланде. Операцию готовили совместно ЦРУ и разведывательное управление министерства обороны США, на снаряжение группы ушло сорок тысяч долларов, с ее подготовкой они возились несколько месяцев, а все кончилось самым плачевным образом: лаосские пограничники обстреляли группу, и она поспешно ретировалась. Хорошо, хоть обошлось без потерь, только ранило тайландца-проводника, и начальник группы, чтобы не возиться, пристрелил его. Но, отступая, они вышли в эфир и, забыв об условленном коде, прямым текстом пытались связаться с хорошо законспирированными агентами О'Брайена, которые жили в Накхонпханоме под видом супружеской пары, — их передатчик использовался для связи с диверсантами, заброшенными в страны Индокитая. В результате к ним явилась тайландская полиция и конфисковала нелегально хранившуюся радиоаппаратуру.

О'Брайен хотел вызвать Хенкинса, но вспомнил, что тот ждет сообщения из полиции, которая взялась «вести» автомобиль Олдмонта. Придется еще кому-нибудь съездить в «Амбасадор», привести ребят в порядок. Их там четверо. Двое, по словам Дуайта, не отказывают себе в лишней рюмке. Им надо дать

время протрезвиться. О'Брайен открыл свой сейф, достал пакет, заблаговременно переполненный из Лэнгли, вынул новые документы для всей четверки, деньги. Билеты он уже приказал купить через подставных лиц.

О'Брайен в последний раз внимательно просмотрел паспорта, сверил фотографии. Отличные ребята из того подразделения, которое создали после неудачной попытки выкрасть американских заложников из Тегерана. Все умеют, прошли прекрасную подготовку в одном из армейских лагерей в Штатах, вместе с тем ни один из них не является гражданином США, их приезд в Америку не зафиксирован иммиграционной службой — это вполне понятная предосторожность на случай провала. Как известно, рано или поздно проваливаются все агенты, главное — вовремя предусмотреть такую возможность и обезопасить себя.

Нужно продолжать смелые операции, которые составили славу ЦРУ, размышлял О'Брайен. Новый руководитель внес свежую струю в деятельность директората операций, а то они там все завяли, испугались разоблачений, скандалов, прессы. Пусть кричат, дело-то делается. Недаром же говорят, что работники ЦРУ не теряют времени зря. Пока один из них чокается с президентом какой-нибудь страны, второй встречается с его помощником, который планирует государственный переворот. Конечно, у ЦРУ были взлеты и падения. Но разве можно забывать такие удачи, как военный переворот в Гватемале, свержение Мосаддыка в Иране и правительства Альенде в Чили?

О'Брайен еще только начинал работать в ЦРУ (выдержав соответствующие испытания, чтобы войти в состав «узкой группы мужчин и женщин, искусство которых будет способствовать решению мировых проблем», как говорилось в рекламном проспекте отдела кадров ЦРУ), когда его послали в Африку. Первая заграничная командировка совпала с убийством Патриса Лумумбы. Сверху, как уже много позже узнал О'Брайен, от самого президента Эйзенхауэра, пришел приказ убрать Лумумбу. В Конго прилетел «Джо-парижанин» — Сидней Готлиб из директората технической службы. Он привез с собой редкий яд; его действие было сходно с симптомами смертельной болезни, встречающейся в Центральной Африке. Резиденту Готлибу предложил положить яд в пищу Лумумбы или добавить в его зубную пасту. В резидентуре, правда, предполагали застрелить премьер-министра Конго из снайперской винтовки с телескопическим прицелом и глушителем. Ни яд, ни винтовка не понадобились, Лумумбу убили чужими руками.

Убедившись, что его никто не преследует, Олдмонт долго сидел в машине. Ему было невыносимо душно, пот градом катился по лицу, заныло сердце. Припарковавшись, он автоматически выключил зажигание, и кондиционер затих. Кто стрелял в него? Случайность — стрелял уголовник, бандит — конечно, исключать нельзя, но если учесть, что все это произошло после звонка Хоуксу, которому Олдмонт сказал, что сейчас приедет в гостиницу, сомнения практически отпадают: люди ЦРУ пытаются устранить его. «Нейтрализовать», как говорили раньше.

Убрать его им нужно во что бы то ни стало до начала операции. Они же понимают, что Олдмонт не станет грозить впустую и, раз обещал, предаст гласности секретные документы ЦРУ... Это первая операция после президентского распоряжения по разведке, развязавшего ЦРУ руки, и Белый дом окажется в неудобном положении. Лэнгли не может поставить под удар своих хозяев. «Из этого закономерно следует,— подумал Олдмонт,— что мне уже недолго осталось ходить по земле». Мысль не вызвала в нем страха. Он с удивлением прислушался к себе. Нет, он не боится смерти. Но если его убьют, кое-какие дела останутся незавершенными, чего он допустить не может. Он привык возвращать долги. Олдмонт поехал домой.

Не успел его «форд» остановиться около дома, как полицейский патруль сообщил на центральный пост адрес странного американца.

Телефонный звонок разбудил Тираюта. Он задремал на диване, но вскочил бодро. Удовлетворенно выслушал и записал адрес, попросил:

— Американцам позвоните через час.

На машине туда минут двадцать, прикинул Тирают, они успеют убраться до приезда Хенкинса. Пусть американцы возятся с трупом.

Они поехали втроем. Еще один телохранитель, Танат, не успел вернуться. Когда пришел Прасет с деньгами, взятыми у мео, Тирают сам убил парня. Труп Прасета засунули в багажник, и Танат поехал выбросить его в один из многочисленных каналов, примыкающих к Чао-Прая.

Это был небольшой двухэтажный дом с толстыми каменными стенами, хранящими прохладу. Вокруг дома отец нынешнего владельца разбил сад, который разросся и надежно отгораживал его обитателей от суеты и шума большого города, каким стал Бангкок.

Олдмонт занимал единственную комнату на втором этаже, из-за крутых скатов крыши комната в разрезе имела вид пятиугольника. На первом этаже была большая гостиная и две спальни, из прихожей можно было пройти на кухню и в гостиную. Небольшая лестница, которая вела на второй этаж, терялась в темноватом углу прихожей.

Вернувшись домой, Олдмонт увидел, что хозяева куда-то уехали. Детей у них не было, и на старости лет они много путешествовали. Ни один из них не докучал Олдмонта расспросами, но в одиночестве он чувствовал себя спокойнее. Он поднялся к себе. Олдмонт считал, что пока находится в безопасности. Он долго крутился по городу и слежки не заметил.

В тайнике, который он устроил под шкафом, Олдмонт держал оригиналы документов, тех самых, что испортили немало нервов сотрудникам директората операций ЦРУ. Предусмотрительно сделанные фотокопии лежали в его сейфе в одном из американских банков. Олдмонт оставил там завещательное распоряжение: в случае смерти или бесследного исчезновения передать содержимое сейфа его адвокату для опубликования в печати.

Он сложил бумаги в портфель, который решил взять с собой на беседу с О'Брайеном. Он знает этого широкоплечего, необыкновенно жадного и корыстного ирландца. Они встречались здесь, в Бангкоке, до этого в Австра-

лии. С профессиональной точки зрения, Олдмонт в этом ни секунды не сомневался, О'Брайен был абсолютным нулем. Каким образом ему удалось сделать карьеру и стать резидентом в ключевой для американцев стране, для Олдмонта оставалось загадкой. Похоже, резидент преуспел в героическом бизнесе ЦРУ и заработал для управления не одну сотню миллионов долларов. Вот роль торговца была по нему. Его напористости и деловой предприимчивости хватило бы на троих. Что ж, тем легче будет договариваться.

О'Брайен-то вряд ли представляет, какие козыри на руках у Олдмонта, хотя его наверняка предупредили из Лэнгли: бывшего сотрудника АНБ, располагающего компрометирующими документами о деятельности Центрального разведывательного управления, надо убрать. Олдмонт продемонстрирует ему содержимое своего портфеля и, во-первых, потребует блокировать проведение операции, во-вторых, О'Брайен отдаст ему Дуайта Хенкинса. Этому человеку Нэд Олдмонт вернет должок за Линна. О'Брайен не станет спорить — скандал, если он разразится, лишит его выгодного места.

Что-то отвлекло Олдмонта от размышлений. Он насторожился. В доме были чужие. Сквозь открытую дверь он услышал мягкие, крадущиеся шаги на первом этаже.

О'Брайен сидел за столом в строгом темном костюме и белой рубашке — он вернулся с приема — и просматривал газеты. Полиция опять обнаружила в районе «золотого треугольника» подпольную лабораторию по переработке опиума-сырца. Двести полицейских атаковали ее с трех сторон. Когда до укрытой под пальмами хижины осталось метров сто, на полицейских обрушился шквал огня. После пятнадцатиминутной перестрелки два десятка человек, которые были в хижине, бесследно исчезли, унося с собой запасы опиума и переработанного героина. В хижине полицейские обнаружили автоматы и базуки.

Газетное сообщение расстроило О'Брайена. В районе, где была уничтожена лаборатория, действовали даже не люди Кхун Са, который, честно говоря, был для ЦРУ не слишком приятным партнером, а те, кто целиком и полностью зависел от управления и работал на него.

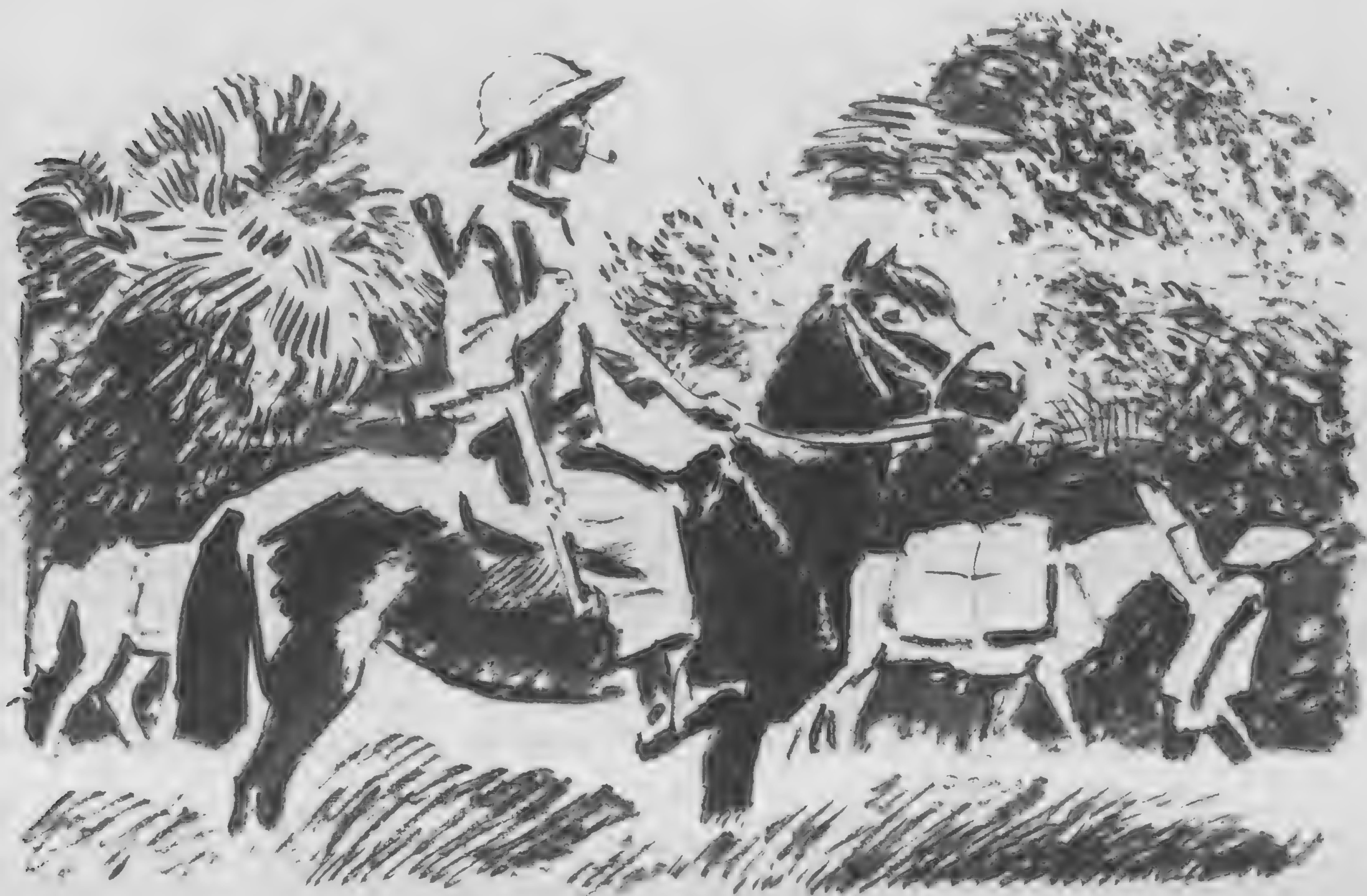
В 1949 году после разгрома Чан Кайши некоторые подразделения его армии укрылись

в «золотом треугольнике». Бывшая 5-я гоминьдановская армия под командованием «генерала» Тун Шивэня насчитывала две тысячи человек, бывшая 3-я армия — полторы тысячи. Существовало еще так называемое «1-е независимое подразделение», субсидируемое параллельно Тайванем и ЦРУ. Как выразился один журналист, это были потерянные солдаты проигранной войны. Использовали их для шпионажа против КНР, для засылки на территорию Китая разведывательно-диверсионных групп. В конце 60-х годов, когда О'Брайен был еще рядовым сотрудником бангкокской резидентуры, он побывал на секретных базах ЦРУ, носивших кодовые наименования «118» и «118-а». Оттуда разведывательные группы забрасывались в Китай, их формировали из гоминьдановцев и яо. Задача — фотографировать военные объекты, подслушивать телеграфные переговоры, убить того или иного китайского чиновника. Когда группы выполняли задание, их подбирали самолеты компании «Эйр Америка». Собранный ими материал передавался с базы «118-а» на базу Агентства национальной безопасности в Удоне, оттуда — в филиал «АНБ — Дальний Восток», расположенный на Окинаве, одно из подразделений которого занималось дешифровкой китайских кодов. Дешифровка поручалась служащим АНБ, прошедшим двухгодичную подготовку в армейской школе иностранных языков в Монтерее.

В разведывательную деятельность бывших гоминьдановцев О'Брайен не вмешивался. В его обязанности входило проследить, чтобы караваны с собранным опиумом они отправляли регулярно.

Ныне этот канал получения наркотиков приобрел особое значение. Правительство взялось за Кхун Са и других «опиумных королей», гонконгские синдикаты, со своей стороны, усиленно очищали «золотой треугольник» от конкурентов. Пополнить иссякающий поток грузов должны самые старые и проверенные друзья ЦРУ.

О'Брайен сильно переживал из-за того, что не сумел вовремя предупредить и Кхун Са о готовящейся атаке на его цитадель в деревне Бан Хин Тазк. Самого О'Брайена в момент подготовки операции вызвали в Вашингтон, а Дуайт Хенкинс не сумел правильно построить отношения с советником посольства, представляющим в Бангкоке американское управление по борьбе с наркотиками. Планы операции на сей раз держали в строгом секрете из-за опа-

сения, что чиновники полиции и местной администрации, которым Кхун Са платил немалую мзду, сорвут их осуществление. И, несмотря на это, тысячи сотрудников пограничной полиции и солдат несколько раз были отброшены огнем из безоткатных орудий. Деревню удалось захватить лишь после того, как наступающие войска были поддержаны огнем с вертолетов и самолетов тайландской армии.

О деталях предыдущей операции Кхун Са заранее поставили в известность. Когда два отряда десантников в гражданской одежде, вооруженные китайскими автоматами, въехали на двух «джипах» в Бан Хин Тазк, их уже ждали. Элемента внезапности, на который рассчитывали руководители операции, не было. Предполагалось, что десантники сумеют выкрасть или на худой конец убить «опиумного короля». Вместо этого они попали в засаду, потеряв десять человек.

Теперь правительственные войска сквитались с «королем». Но хотя Кхун Са потерял восемьдесят человек убитыми, он увел свою армию дальше в горы, предварительно разрушив подпольные лаборатории. Войскам досталось десять тонн оружия в качестве трофеев: гранатометы, реактивные снаряды, артиллерийские орудия. Полиция не смогла отыскать в деревне ни одного грамма опиума или героина, не оставили бандиты и химикалии, необходимые для производства героина. Все, что удалось найти, — шестьдесят тысяч пластиковых мешочков с хорошо известной каждому наркоману этикеткой «Дабл Ю-Глоуб».

В новом районе Кхун Са сразу открыл лаборатории и обещал Томпсону быть аккуратным в поставках, но уход с насиженного места не прошел для него даром.

О'Брайен велел отыскать Хенкинса и попросить его немедленно приехать в посольство. Из полиции подозрительно долго не было никаких известий об Олдмонте. Он куда-то исчез или полиция хитрит?

Дауйт Хенкинс перевез четырех агентов на квартиру, которую снимала резидентура. Все было обставлено достаточно аккуратно: из гостиницы они уезжали поодиночке, каждый просил вызвать такси до аэропорта. Человек Хенкинса забирал их из аэропорта — там в туалете они переодевались, клали свои чемоданчики в сумки, которые получили в сложенном виде, словом, выходили из здания аэропорта совсем другими людьми. Четверо американцев с их документами улетели в тот день в разные концы земного шара. Вообще говоря, техническим обеспечением операций занимались «фонарщики», но их всегда не хватало. К тому же Хенкинс знал всех четверых: в свое время они тоже были «зелеными беретами». Они вместе неплохо поработали в Юго-Восточной Азии, убирая тех, на кого падало подозрение в симпатиях к Вьетконгу. Хенкинсу вскоре надоела эта грязная работа, и, окончив спецшколу, он перешел в кадры ЦРУ. Эти четверо так и остались в составе секретных групп управления, выполняющих тайные операции во всех районах земного шара.

Тоуба и Оуэна он был рад увидеть. Оба вели себя прилично, время, отведенное для отдыха в Бангкоке, использовали с толком. Особенно Оуэн, который упорно штудировал книги Ферберна, в свое время Хенкинс тоже отдал им дань. Первая называлась «Научная самооборона» и в спецшколе рекомендовалась всем будущим оперативникам в качестве незаменимого пособия по уникальным методам рукопашного боя. В сокращенном виде эта книга издавалась еще до войны под названием «Стань сильным!», на ней воспитывалось первое поколение сотрудников, управления стратегических служб Донована. Ценность книги состояла в двухстах фотографиях: лаконичными, но ясными комментариями: приемы обезоруживания противника, удары палкой, полицейской дубинкой, ногой, удушение голыми руками, способы самообороны от нескольких нападающих. Но еще больше Хенкинсу понравилась, что Оуэн изучает и так называемое «Руководство по открытым источникам», которое в спецшколе называли «нашей Библией» и считали более удачным, чем учебник ЦРУ «Что, где». Книга подробно объясня-

ла, как добывать информацию из любых источников: от запросов в федеральные и местные учреждения и частные компании до методов работы с адресными и телефонными книгами; особый раздел составляли инструкции для тех, кто имеет дело с осведомителями. Хенкинс понял, что Оуэну надоело выполнять чужие приказы, захотелось поработать головой — чувство, которое сам он испытал еще десять лет назад.

Вот о двух других членах группы он не мог сказать ничего хорошего. Они были профессионалами, но война во Вьетнаме не прошла для них бесследно. Они сильно пили и, как подозревал Хенкинс, потребляли наркотики в огромных количествах.

Было и еще одно различие между выходцами из Австралии Тоубом и Оуэном, с одной стороны, и Джемом и Тони, которых вербовщики извлекли из ЮАР — с другой. Хенкинс, безусловно, симпатизировал стопроцентным англосаксам Тоубу и Оуэну и пренебрежительно относился к потомкам буров, в чьих жилах — как знать — могла оказаться примесь африканской крови. Тони, курсанту военного училища, помогли бежать из Претории после того, как он спяну пристрелил из автомата трех негров. Преступление, по юаровским понятиям, не очень страшное, но карьера будущего офицера была испорчена. Сотрудничество с ЦРУ показалось неплохим шансом начать новую жизнь. Джем был убежденным фашистом, членом ультраправой организации «Африканерское движение сопротивления», для него политика Претории была слишком либеральной. Свои политические взгляды он унаследовал от отца, который в юности поклонялся Гитлеру.

Хенкинс с детства привык, что между хорошими и плохими людьми, между ковбоями и индейцами всегда идет борьба и всегда кого-то приходится убивать. Он хорошо помнил тот день, когда в первый раз разрядил пистолет в живого человека. Это было во Вьетнаме. Они ликвидировали людей, связанных с партизанами. Хенкинс выстрелил в голову человека, сидевшего на земле со связанными за спиной руками, и удивился, до чего простым оказалось это дело. Потом Хенкинс в составе группы специальных операций обучал тайландские отряды, которые вместе с «зелеными беретами» участвовали в карательных экспедициях на вьетнамской территории. Вот эта-то опасная и неблагодарная работа быстро приелась Хенкинсу, да и потери были велики.

Тоуб, Оуэн, Тони и Джем успешно прошли программу школы «зеленых беретов». В глазах Хенкинса это их неплохо характеризовало. Более половины кандидатов, изъявивших желание пройти нелегкий курс обучения, требующий большой выносливости, не в состоянии его осилить или по окончании курса признаются недостаточно квалифицированными, чтобы быть зачисленными в специальные силы. Все четверо прошли испытания. Они помогли выследить в Боливии Че Гевару. Самый большой послужный список был у Тони, который провёл в Юго-Восточной Азии восемь лет. «Существует два способа лишить человека жизни, — говаривал в подпитии Тони. — Либо он перестает дышать, либо сердце перестает качать кровь. Все остальное сводится к практическому применению этих принципов. Убивать — это чисто механический акт. Раз есть приказ, это нужно делать — вроде того, как нужно чистить зубы».

Такая бравада была глубоко неприятна Хенкинсу. Сам он всегда находил идеологическое оправдание собственным поступкам, ведь он чувствовал себя благородным ковбоем, убивающим жестокого индейца: оставь того в живых — натворит бед. Будь его воля, Хенкинс отстранил бы Тони и Джема от операции. Но состав группы утверждался Лэнгли, на его плечи же легли малоприятные функции рядового «фонарщика». Поэтому, получив приказание О'Брайена приехать в посольство, он с удовольствием покинул конспиративную квартиру. Уходя, он заглянул в комнату, где обосновались агенты. Они сидели вокруг большого овального стола и чистили оружие. Лица показались Хенкинсу бледными. Вероятно, из-за люминесцентного освещения.

Окончание следует.

Януш ПШИМАНОВСКИЙ

ПОЛУНДРА!

Раскаленное солнце
Набрякшие наши бушлаты
Так уютно —
Пар над суконной клубился спиной.
Здесь, в кубанской степи,
С Волги, с Терека, с Вислы солдаты
Повстречались с коричневой,
Шедшей от Рейна ордой.
Мы по толям ползли,
Задыхаясь от хрипа и стога.
Бил во тьму миномет,
Огрызаясь на вспышки ракет.
И вонзались осколки
В широкую грудь небосклона,
И сочился на землю
Кровавого цвета рассвет.
Кони ржали от страха,
Впряженные в нашу работу.
Сколько их положил здесь
Корежащий землю фугас!
Между прочим, тогда
Полосатую нашу пехоту
Та конина спасала
От смерти голодной не раз.
Ни пригорочка нет,
Чтобы голову спрятать от пули.
Хат саманных развалины,
Пепел кружится да прах.
По одной на троих
Парни молча сигарки свернули,
Да потуже. Поскольку
За совесть стоять — не за страх.
Бесполезно по толям
Орудья тащить за собою,
Через плавни кубанские
Танк никакой не пройдет.
А приказ есть приказ:
Черный Ерик любую ценою
У фашистов отбить.
Значит, снова: «Полундра! Вперед!»
Я одиннадцать раз
С этим криком ходил в рукопашный.
Я работал штыком
И лопатой саперной кромсал
Тех, кто встал, чтобы смять
Этот ярый, безумно отважный
Полосатой пехоты
Внезапно взметнувшийся шквал.
В Черноерковской
Годы все раны давно затянули.
Все другое кругом —
И дорога, и сад, и канал.
И как будто не здесь
Рядом с нами от снайперской пули
Степа Волков, наш боцман,
Наш славный братишка упал.
Я к земле припаду,
Побратим его с берега Вислы.
Я былинку сорву,
Поцелую у всех на виду.
Будет в горле комок,
Будут путаться чувства и мысли,
И особенных слов
Я, конечно, опять не найду.
Столько сини вокруг,
Так сверкает земля позолотой.
Но привидится мне —
Только гарь, только пепел кругом.
И четвертой своей
Боевой истребительной ротой
Мы поднялись уже
И с «полундрой» в атаку идем.
Мы в атаку идем.
Мы не ждем ни бессмертья, ни славы.
Мы поднялись за Ерик,
За Днепр и за Вислу свою.
Как же радостно мне,
Что очкарик-поляк из Варшавы
В те суровые дни
Топал именно в этом строю.

Перевел с польского
Игорь ЛЯПИН.

Глубины

Михаил
БЕЛЯЕВ

Однополчанину, погибшему
при выполнении боевого за-
дания.

Кипенье боевое самолетов
И над землей.
И на земле.
Вокруг!
И слышит говор скоростей
полетов
Твоя могила пламенная, друг.
Был тот огонь,
Что воздух сделал медью!
Чтоб не исчез в огне аэродром,
Ты у цистерн,
Грозивших брызнуть смертью,
Сломил огонь
И сам ушел с огнем.

И только знают
Волглые глубины
Земли приморской,
Как ты жарок в них,
И только стали пламенной
турбины
Спасенных эскадрилий боевых.

Их слышишь,
Устремленный к их полетам,
И обелиск,
Как белое крыло,
Что ты простер
Из-под земли к высотам,
И потому твоим
Друзьям светло.

Пришел к тебе,
К земной твоей опоре.
Ты врос в нее,
И я с тобой сильней.
Судьбой своей
Ты пламя переспорил,
И пламя стало вечностью твоей.

ВЕЛИЧИЕ

Стою на подлодке
И вижу глубины,
Что тело ее обожгли,
А в ней,
Как созвездие,
Наши мужчины.
В подлодку
В глубинах вросли!

И вздохом единым,
И слухом единым

Проходят
Под грохот штормов
Глубинным маршрутом,
Нырять под льдины,
Вдали от родных берегов.

И к дому стремится
Подлодка,
Как в детство,
Из тех океанских темнин,
Где ходит,
Как точит свое совершенство
На мускульной силе
Глубин.

И, открываясь
Высокому свету
До тайной
Своей наготы,
Оставит она
Боевую одежду —
Свинцовую толщу воды.

С подлодки до капли
Глубины сольются.
Величью нету границ:
Мужчины ее
Под ветрами сменяются
И слушают
Пение птиц.

БАЛЛАДА О По-2

Авиаконструктору
Н. Н. Поликарпову.

О полетах мечтал конструктор,
Были мысли его ясны,
В чертежах повторил он будто
Бег и Ливенки и Сосны.

Словно духом живым машинным
Обернулись для мест родных
Древний говор речек былинных,
Родниковые песни их.

Так избрал самолет усилия
И конструкторской мысли
страсть —
Мчится, с крыльев взлетают
крылья,
Всю Россию уча летать.

Он готов для любой работы!
В поликарповских чертежах
Был такой замах на полеты,
Как на вечную жизнь замах.

Словно вырос в крестьянской
хате:

Свой для неба
И свой для трав,
В нем и сеятеля характер
И бойца молодецкий нрав.

Как же быть ему не крестьянским,
Ширь полей не держать в очах,
Если в нем продолжались сказки
О хранителях-богатырях?!

Нашей русской налитый силой
И размаху ее родня,
На любые дела ходил он,
Сквозь любой заворот огня.

Поизведаны испытанья,
Не искал на войне он брод,
И его на одном дыханье
Мог вести над землей пилот.

У него такие таланты —
Марсианским миром видны!
И ракет громовые старты
Дарят свет ему с вышины.

АИСТ

У аиста гнездо на колесе,
Вскрик аистиный,
Словно скрип колесный.
Той верен аист
Взлетной полосе,
Где с первых дней
Ширококрылы весны.

Встречаюсь с ним
У солнечных дерев,
Там свет и виноград
Одно и то же,
Стоит, собою небо подперев,
На замершую молнию
Похожий.
Уходит день.
Но что же молчуном
Он высится,
Таинственно беспечен,
Багряным вечерующим лучом
До перышка последнего
Подсвечен?

И вдруг!
(Устала, кажется, нога.)
Очнулся аист.
Что ему стоянье?

И поглядел на дальние луга
И — крылья в выс! —
Измерил расстояние.

Торжественно
В обратный мчит полет
(И презирает суету он птичью!)
И, словно мысль созревшую, несет
В гнездо, на колесо свое,
Добычу.

Под листвою пунцовой груши
На земле остывают плоды,
Мир созревших веселий разрушен
До пожарищной той черноты.

Создавалось! Ветвилось!
И сколько
Спелым соком ударило брызг!
Сколько листьев — горящих
осколков
Разлетелось! Ты бьешь в меня,
жизнь,

То веселою песней, то этим
Разлетевшимся свистом листвы.
Что в душе замиравшей начертим,
Для какой быстроходной молвы?

Ох, какие повалов проходы!
Ох, как желт листопада припляс!
Почему в разоренье природы
Беззащитнее чувства у нас?

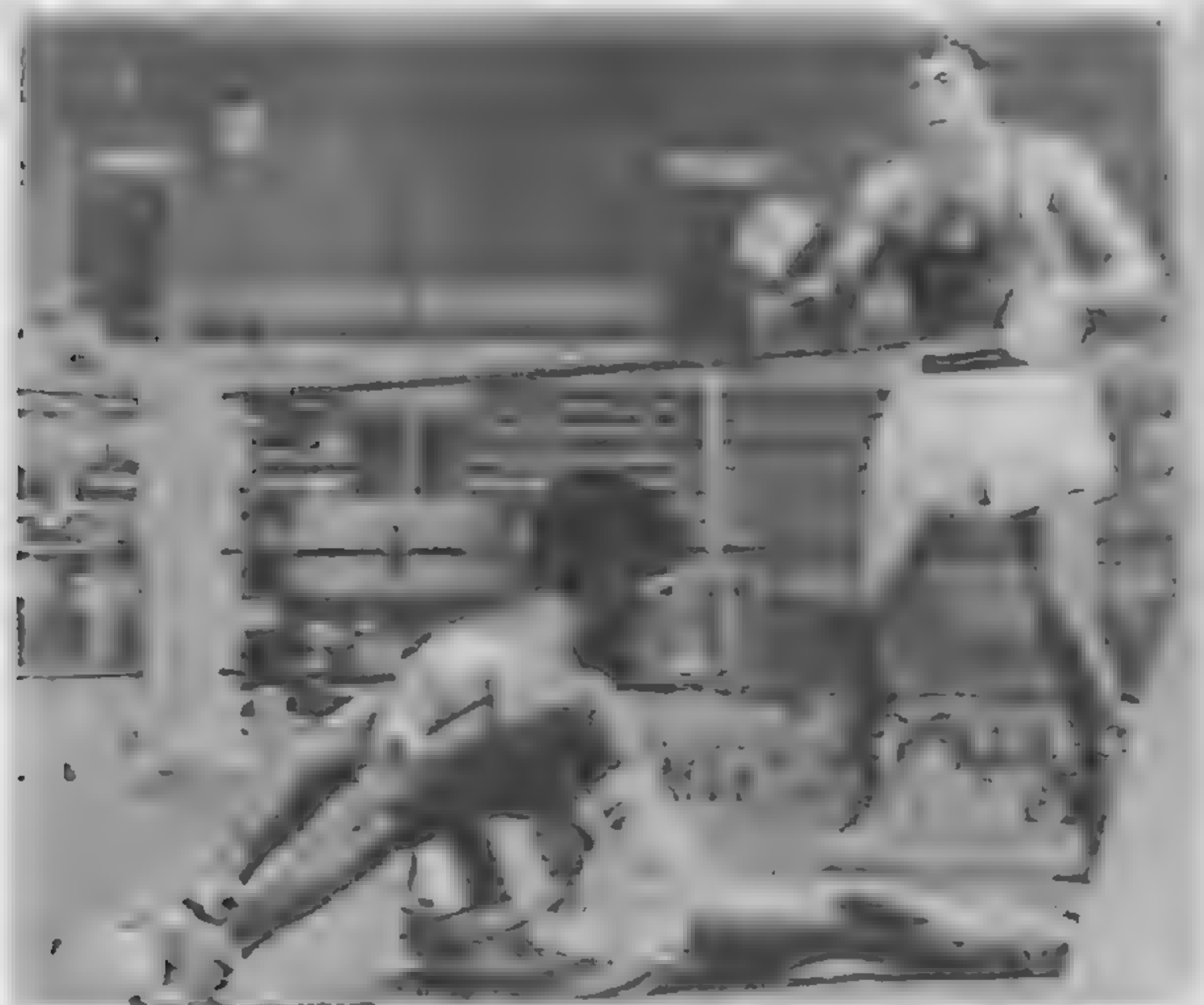
Что-то рвешь безогляднее
в клочья,
Что-то видишь пронзительней
в дождь,
И зовешь отшумевшее громче,
И быстрее к молодому идешь.

Веселый крик.
Высокая крапива.
И, обжигаясь, лезет детвора.
Там речка с пескарями под
обрывом,

И высыпала
К ней она
С утра.

Зачем тут лезть,
Где черт рога ломает?!
Наседкой вспугнутой
Кудахчет тишь.
Крапива в рост.
Кто из детей не знает
Крапивный жар?
Залезешь и сгоришь!
Но кто себя проверить
не решится?

Но кто смирит
Перед крапивой бег?
И только загорают гуще лица,
И крепче ноги,
И звучнее смех.

В Риме, на олимпийской арене «Палаццо делло спорт», разыгран Кубок мира по боксу. Три советских боксера В. Лаптев, В. Качановский и А. Ягубкин стали его обладателями.

В. Лаптев нокаутирует венесуэльского боксера Урбину.

А. Ягубкин на пьедестале почета с врученными ему Золотыми перчатками.

Телефото АП—ТАСС

БОЛЬШОЙ ТЕАТР УЗБЕКИСТАНА

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Два года назад артисты из Ташкента с большим успехом гастролировали в Москве.

В нынешние дни театр оперы и балета имени А. Навои показал в столице новые интересные работы, подтверждавшие бесспорную творческую зрелость коллектива.

«Фауст» Гуно, как и балет «Поэма двух сердец» А. Меликова, обогатил репертуар театра самобытного, способного решать сложные художественные задачи. Ведь, казалось бы, давно исчерпаны возможности новых интерпретаций «Фауста». Но театр предложил свою — довольно необычную редакцию знаменитой оперы, где режиссер-постановщик Ф. Сафаров переносит центр тяжести на образ Мефистофеля, переместив любовные переживания Маргариты и Фауста на второй план. Это подчеркнуло нравственный подтекст гетевской трагедии. Размышление о человеке, осмысление человеческих связей и отношений в мире, разлагающая власть зла — эти вечные истины лежат в основе узбекского спектакля, стремящегося «пробыться» к философской глубине и мощи гетевского «Фауста».

Борьба зла и добра — драматический конфликт между Мефистофелем и Фаустом — является уже в первой части спектакля. Следуя замыслу Гете, театр делает Мефистофеля не банальным оперным «злодеем», а олицетворением такого зла, которое именно и «правит бал». Люди для Мефистофеля — лишь марионетки в затеянной им беспощадной игре.

Все это потребовало от исполнителей нетрадиционного подхода к решению спектакля. И превосходный сценический ансамбль легко, непринужденно справился с предложенной режиссером задачей.

Спектакль интересно смотрится, а не только «слушается». На фоне глубокого черного неба, усеянного мириадами звезд, возникает фигура Мефистофеля. Алый всплеск его плаща — словно пламя. В злобещей пластике и гриме, в тревожных сполохах света Мефистофель дан как существо потустороннего мира. Фантастичностью отмечено оформление всего спектакля — и великолепная «Вальпургиева ночь», и сцена в саду, и темница. Лучшей показалась сцена перед сводчатыми воротами церкви, где припадает к ногам святых измученная, отчаявшаяся Маргарита. Безжалостные реплики Мефистофеля — его образ то возникает, то исчезает на фоне церковных стен — не позволяют ей войти в храм, а мрачные голоса адских духов еще более заставляют страдать Маргариту...

С большой глубиной передают В. Григорьева и В. Гринченко драматизм, эмоциональный накал этой сцены. Более же всего поражает В. Гринченко. Редкая мизансцена обходится без участия артиста, гибкого, ловкого, как акробат, чуждого «торжественной монументальности» певца-баса. Пластическая выразительность народного артиста СССР В. Гринченко восхищает зрителя! Актер неутомимо показывает различные облики зла: оно у него выражается то мягко и вкрадчиво, то коварно, то открыто злобно. И всегда, под любой личиной он опасен своей беспринципностью, увертливостью, безнаказанностью.

Разумеется, актер такого масштаба должен быть поддержан — и он поддержан! — всем составом исполнителей. Ярче же, интереснее всех — В. Григорьева. Легкий, чистый голос и артистическое обаяние заставляют вниматель-

нее присмотреться к молодой певице, сумевшей так достоверно раскрыть душу, внутреннее состояние героини...

Высокая вокальная культура солистов и хора, образная сцениграфия, отвечающая общему замыслу, интерпретация музыки, данная дирижером народной артисткой СССР Д. Абдурахмановой, позволили спектаклю «Фауст» в новой редакции стать событием. Это не просто смелый эксперимент. Художественная значимость спектакля несомненна.

Прекрасный музыкант, Д. Абдурахманова одухотворенно продирижировала и второй спектакль, привезенный театром. Балет «Поэма двух сердец» на музыку А. Меликова, созданный по известному произведению видного узбекского писателя Ш. Рашидова «Книга двух сердец», передает красоту и драматизм поэтической легенды.

Театр искусно нашел сценически образный эквивалент литературному первоисточнику. В хореографической притче о бессмертии любви, которой не страшна даже смерть — притче то нежной и пленительной, то грозной, драматически насыщенной, — известный балетмейстер И. Чернышов создал спектакль, наполненный большим гуманным содержанием. Любовь прекрасной танцовщицы Комде и музыканта Модана противопоставлена себялюбивому, несущему зло, эгоистическому чувству Карашаха. И в спектакле торжествует любовь, хотя Комде и Модан погибают...

Игорь Чернышов — балетмейстер, склонный в своих работах к философскому раздумью. В то же время он часто использует лексику остросовременную. Сказать заранее, каким обернется его очередной спектакль, вряд ли кто может. И после глубокого трагизма его «Казни Степана Разина» (в театре «Эстония») трудно было предположить, что в палитре балетмейстера найдутся такие светлые, пастельные краски, которыми «написан» узбекский спектакль, исполненный чистой поэзии и поэтичностью талантливым солистам балета созданы такие интересные характеры. Пленяет редкая чистота и музыкальность пластики Р. Каримовой, мужественность танца Х. Бозорова, актерская одаренность Ш. Турсунова, тонко передающего сложный и нелегкий характер Карашаха... Да и все артисты танцуют с увлечением, чувствуя сзетлую тональность спектакля, которую художник С. Ахвердиева подчеркивает нежностью живописного языка, выразительностью костюмов.

Во время прошлых гастролей москвичи видели спектакли «Дон Кихот» Л. Минкуса и «Анна Каренина» Р. Щедрина. О них много писала пресса. Скажу лишь, что в 1982 году прекрасная балерина Б. Кариева за создание образа Анны Карениной удостоена Государственной премии СССР. Что касается «Дон Кихота», то его можно заново смотреть и смотреть: он богат актерскими удачами. В первую очередь это В. Ключко-Базиль, танцовщик легкий, искрометный. Радуюсь вдохновению, с которым артист танцует, зал поминутно взрывается аплодисментами. С таким же темпераментом Г. Хамраева танцевала сразу четыре партии в спектакле: Мерседес, уличную танцовщицу, цыганский танец и болеро...

Узбекский театр — с интервалом в два года — снова доказал свое высокое мастерство, свою способность к решению самых серьезных задач.

В. Гринченко в роли Мефистофеля.

«Поэма двух сердец».

Мерседес — Гули Хамраева.

ЧИТАТЕЛЬ ЗАИНТЕРЕСОВАН: ПРЕДЛАГАЕТ, КРИТИКУЕТ

Дорогие читатели! Напоминаем, что в № 33 «Огонька» была опубликована анкета, в которой редакция обратилась с вопросом, каким быть журналу в 1984 году. Мы получаем много заинтересованных, неравнодушных откликов. Некоторые из них были напечатаны в № 40. Благодарим всех читателей, принявших участие в нашем заочном «круглом столе», за предложения, советы, критические замечания, темы для командировок.

Сегодня мы публикуем некоторые из писем. Ждем новых предложений.

Конечно, в трудовых коллективах не всегда и не все ладно, как в сказке. Вскрывать нравственные недостатки в рабочих коллективах помогают такие материалы, как «Рабочее время — работа» О. Петриченко, «Незаработанный рубль» Г. Куликовской и другие.

Больше пишите о делах семейных. Уверен, что письмо Л. Алексеевой «Материнская обида» вызвало много откликов. Поэтому давайте возможность нам, читателям, на страницах журнала полнее высказаться наболевшее.

В. ЧУПЫРКИН, учитель

Шумерля.

Мне бы хотелось знать, как организована служба быта на предприятиях. Поставьте вопрос ребром — каждому предприятию своя сфера бытовых услуг. Чтобы можно было быстро заказать продукты, сдать в ремонт обувь, одежду в чистку, а это значит сэкономить

время, которого нам всем так не хватает.

Н. ЗАЙЦЕВ, ветеран труда

Уссурийск.

С опозданием приходит в Таллин «Огонек». Пока дожدهмся, когда придет очередной номер с международным обозрением, уже все известно по радио, телевидению, газетам. Видимо, коллективу журнала надо искать свой подход к освещению оперативных событий.

Прежде меня, работника промышленности, интересовали выступления на производственные темы. Сейчас читать эти выступления неинтересно — они затянута и тоже повторяют газетную проблематику.

Чаще пишите о том, что интересует молодежь. Пригласите на свои страницы музыковедов и искусствоведов, пусть они расскажут о современной музыке, о дискотеках.

И. МАКЕЕВ

Таллин.

Пишу не только от своего имени, но и от имени моих друзей, студентов юридического и медицинского институтов. Нам кажется, что ваш журнал суховат, потому что вы редко касаетесь молодежных и житейских тем. Взять хотя бы молодежную одежду. Ни разу ничего в «Огоньке» об этом не прочитала. А ведь покупать журнал стала после того, как мне попался номер с красивыми фотографиями женского платья. Вы, конечно, помните слова А. Чехова, что в человеке все должно быть прекрасно... Почему бы раз в месяц не рассказывать о новинках домов моделей, не только московского, но и рижского, харьковского, ташкентского.

Мы будущие хозяйки. Хотелось, чтобы в журнале появился раздел для дома, для семьи. Полезно познакомиться с рекомендациями знающих людей, как обставить квартиру новоселу, как удобнее расположить мебель. Красивый интерьер и уют в доме всегда повышают настроение. Да мало ли житейских тем, которые интересуют женщину! Нам нужны деловые, практические советы — и как заготовить зелень на зиму и какую прическу сделать к Новому году.

Л. КУЗЬМИНА

Москва.

У нас на работе подписчики «Огонька» объединяются в группы и подписываются в складчину. Я среди них. В «Огоньке» у меня

есть свое пристрастие — поэзия, новые поэтические имена. Разные, значат, молодые. Очень хочется чаще видеть на ваших страницах стихи молодых неизвестных поэтов, которым журнал дает путевку в жизнь.

Л. П. КУВЫКИНА,
инженер-технолог

Нарва.

В рубрике «Все начинается с семьи», на мой взгляд, надо больше писать о взаимоотношениях родителей и детей, о личном примере родителей, особенно поднять роль отца в воспитании детей. Что греха таить, не всегда выросшие дети, твердо стоящие на ногах, помогают престарелым родителям, знаю случаи, когда и забывают о них. Почему? Ведь эти трагедии тоже начинаются с семьи.

Проследите в своих материалах взаимосвязь трудового коллектива и семьи, линию семья — детский сад — школа. Особое место, на мой взгляд, в воспитании гражданских чувств и нравственных качеств надо отвести учителю младших классов. Меня интересуют даже такие «узкие» темы, как одевать детей, можно ли носить украшения школьницам, можно ли иметь им личные деньги. Думаю, что эти вопросы интересны многим читателям.

М. П. ЗАПЕВАЛОВ,
лектор общества «Знание»

Донецкая обл.,
г. Славянск.

Основана в 1763 году

Четвертая Градская — так издавна называют эту больницу москвичи.

Московской городской клинической ордена Трудового Красного Знамени больнице № 4 исполняется 220 лет.

Об этом свидетельствует и надпись на фронте самого старинного с колоннами здания: «Основана в 1763 году». Начало было скромным: деревянные постройки, двадцать пять кроватей и четыре человека медицинского персонала. Два врача и два фельдшера. Больница — ее называли Павловской — существовала на скромные государственные субсидии и частные пожертвования. Она была первой в Москве, где оказывали бесплатную медицинскую помощь городскому люду.

Шли годы... Деревянные бараки сменились каменными зданиями. Медленно росло число коек, как и штаты обслуживающего персонала, постепенно расширялся объем медицинской помощи. Больница прочно завоевала авторитет

среди малоимущего населения города.

Первым главным врачом здесь был известный московский врач-практик Леклер. Затем больницу возглавляли профессор Московского университета анатом и хирург Эразмус, физиолог и патолог Вейч, известный врач-филантроп Ф. П. Гааз. Старый ансамбль больницы, сохранившийся и действующий поныне, был возведен под непосредственным наблюдением архитектора М. Ф. Казакова в 1802—1807 годах.

Сегодня бывшая Павловская больница — это многопрофильное лечебное учреждение на 1300 коек. На ее базе действуют кафедры 2-го Московского медицинского института: терапии, хирургии, травматологии и ортопедии, акушерства и гинекологии, детских инфекций, анестезиологии и реанимации.

Большую помощь в работе те-

рапевтических отделений, и в первую очередь кардиологических, оказывает коллектив кафедры пропедевтики внутренних болезней педиатрического факультета 2-го Московского медицинского института под руководством известного кардиолога профессора Алексея Викторовича Виноградова. Сотрудники кафедры обеспечивают все фоно- и эхокардиографические, велоэргометрические, осциллографические и радионизотопные исследования.

О перспективах развития рассказывают главный врач больни-

цы А. В. Шматов и его заместитель Р. А. Лютикова. Вскоре будет построен новый терапевтический корпус, где разместятся отделения функциональной диагностики, лечебной физкультуры и физиотерапии с водолечебницей, оснащенные новейшей аппаратурой.

Старая больница обретает вторую жизнь.

В. АНИСИМОВ,
профессор 2-го Московского
медицинского института
имени Н. И. Пирогова

Идет обход.

Фото А. Козьмина

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

«НЕЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ»

Так назывался репортаж Галины Кулиновской (см. «Огонек» № 34 за 1983 год), в котором на примере хлопчатобумажного комбината «5-й Октябрь» Струнинского производственного объединения рассматривались причины, вызывающие простои и тормозящие рост производительности труда. Материал был обсужден на заседании бюро Александровского горкома КПСС Владимирской области.

«Критические замечания, изложенные в указанной статье, признаны правильными», — сообщает в своем письме в редакцию секретарь ГК КПСС В. Беляев. — За допущенные недостатки в руководстве коллестивом комбината «5-й Октябрь», недостаточный уровень политико-воспитательной работы бюро ГК КПСС объявило строгий выговор генеральному директору Струнинского хлопчатобумажного объединения коммунисту Б. С. Емельянову, выговор объявлен секретарю парткома комбината Л. П. Школьник. Бюро ГК КПСС приняло к сведению, что партийный комитет, руководство объединения, общественные организации провели определенную работу по устранению недостатков, отмеченных в указанной статье. Приказом Генерального директора Струнинского объединения определены меры по их устранению. На руководителей подразделений, ослабивших контроль за использованием рабочего времени, допустивших неправильное использование фонда заработной платы, наложены административные взыскания. Партиком комбината привлечен к партийной ответственности за упущения в работе по организации и оплате труда, воспитательной работе в коллективах подразделений начальник отдела труда и заработной платы коммуниста Л. С. Гусева, начальника прядильного производства коммуниста В. П. Сухова.

Горком КПСС взял под особый контроль ход выполнения разработанных на комбинате «5-й Октябрь» мероприятий».

Редакция получила также ответ из города Струнино от руководителей комбината. Генеральный директор Струнинского хлопчатобумажного объединения Б. Емельянов, секретарь парткома комбината

та «5-й Октябрь» Л. Школьник, председатель профкома комбината «5-й Октябрь» Г. Максимова подтверждают, что «в организации труда имели место факты необоснованного сохранения заработной платы. Нарушался принцип оплаты по конечному результату, имеют место факты низкой трудовой дисциплины, простои технологического оборудования, низкой производительности труда».

Публикация журнала обсуждена на рабочих собраниях. Предложения рабочих и служащих, поступившие в ходе обсуждения, обобщены и учтены при разработке мероприятий по устранению недостатков, отмеченных журналом «Огонек». Предусмотрены установка нового технологического оборудования, модернизация действующего, механизация тяжелых и трудоемких процессов, будет продолжено внедрение и совершенствование бригадной формы организации и стимулирование труда, повышение культуры и эстетики производства. Это будет способствовать сокращению потерь рабочего времени и простоев оборудования, увеличению производительности труда.

Партийный комитет утвердил мероприятия по усилению организационной, партийной, идеологической работы в свете требований ноябрьского (1982 г.), июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС и недавно принятых постановлений ЦК КПСС».

И все же в пространных письмах, присланных в редакцию, нет конкретного ответа на ряд вопросов, поднятых в материале. Не говорится, какая помощь и оказана ли чесальному цеху, оказавшемуся в прорыве, молодому специалисту О. Зарубиной, назначенной начальником этого цеха. А ведь именно здесь отстающее звено прядильного производства, именно здесь особенно плохо работает служба по ремонту оборудования, что приводит к простоям. Наконец, неясно, что предпринимается для укрепления трудовой дисциплины, в частности, в ремонтно-механической службе прядильного производства, где имели место факты либерального отношения к прогульщикам и пьяницам.

«В ОДНИ РУКИ?..»

Под таким названием в журнале «Огонек» (№ 3, 1983 год) была опубликована статья С. Калининичева, посвященная проблемам развития плодовоощного хозяйства и более полного удовлетворения потребностей населения в овощах и фруктах высокого качества.

Редакция получила письмо, подписанное заместителем министра плодовоощного хозяйства Н. М. Зайченко. Он пишет:

«Статья «В одни руки?..» внимательно рассмотрена в Министерстве плодовоощного хозяйства СССР. По мнению Министерства, в статье, в основном, правильно отмечены проблемы развития плодовоощного хозяйства и более полного удовлетворения потребностей населения в качественной плодовоощной продукции...»

Министерством, министерствами союзных республик и их органами управления плодовоощным хозяйством на местах проводится целый ряд комплексных мероприятий по расширению ассортимента продукции, улучшению организации заготовок, хранения, транспортировки и продажи, развитию ма-

териально-технической базы отрасли.

В статье правильно уделено большое внимание целому ряду вопросов, связанных с ценообразованием. В основном эти проблемы вызваны существующим на сегодняшний день превышением закупочных цен над розничными, а также некоторыми недостатками в установленном порядке ценообразования на плодовоощную продукцию».

Далее заместитель министра сообщает:

«Решение поднятых в статье вопросов связано с изменением уровня розничных цен на плодовоощную продукцию, а также внесением определенных изменений в порядок установления цен на эту продукцию, уточнением ряда положений при расчетах за нее. Такие предложения Министерством внесены в компетентные органы.

Их решение будет способствовать более полной уязке экономических интересов колхозов и совхозов, с одной стороны, и торгующих, заготовительных и перерабатывающих предприятий — с другой».

Рисунок В. Карпова.

Новосибирск.

ГОСТИНЦЫ И ПОДАРКИ

Лев ГАВРИЛОВ

Рисунки Э. Десятник

ТАРЕЛКА ЩЕЙ

Ты ждал в подарок что-то из вещей,
А я тебе принес тарелку щей.
Как будто всем похлебка хороша,
Да жаль, остыла, как твоя душа.

ВЕНОК ИЗ ЛАВРОВОГО ЛИСТА

Во всем ты ищешь выгоду, педант.
Венок тебе лавровый за талант!
Пусть он пока украсит твой метраж,
Потом на рынке выгодно продашь.

ПОДАРКИ НОВОСЕЛА

Купил супруге полушало, Себе собаку приволок,
Поскольку после «коммуналок» Без лая дня прожить не мог.

БРЮЧНЫЙ РЕМЕНЬ

Ты сетуешь:
«Отбилась сын от рук».
И я купил тебе ремень для брюк,
Но помни, если сыну двадцать пять,
То следует родителю засыпать.

Все пишешь, пишешь...
В письмах злая ложь,
Но ты их все в инстанции пошлешь.
И что дарить такому подлецу?
Ему одна неграмотность к лицу.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

До нового, 1984 года осталось несколько недель. Можно подвести некоторые итоги сделанного, наметить планы на будущее. Но, составляя планы, мы хотим посоветоваться с вами, дорогие читатели «Огонька».

Нас интересует: какие материалы вам особенно запомнились в этом году? Что привлекло ваше внимание? Какие статьи, очерки или репортажи вам не понравились? Какие темы, на ваш взгляд, «Огонек» разрабатывал хорошо, а какие — недостаточно?

Проблемы экономики, и масштабные и повседневные, связанные с ростом производительности труда, интенсификацией производства, укреплением порядка, дисциплины, рассказы о доблести идущих впереди — один из важнейших разделов плана журнала. Время ставит перед нами новые задачи.

Подскажите интересные, острые темы, волнующие тружеников города и деревни, рабочих, колхозников и руководителей производства — в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве.

Как и прежде, мы будем уделять много внимания международной жизни, борьбе за мир, против гонки вооружений. Какие проблемы особенно волнуют вас? Что нравится и не нравится в выступлениях журнала на международные темы?

Редакция значительно расширит разделы публикаций на морально-этические темы. На темы семьи и школы. Чаще будут выступления по проблемам социально-бытового характера. Сфера быта всегда была близка читателям журнала. Отныне мы будем отводить ей значительно больше места. Интересно ваше мнение: какие проблемы следует рассмотреть в первую очередь? Какие поднять новые вопросы? Какие резервы в производстве товаров народного потребления, в совершенствовании торговли и бытового обслуживания не используются? Что мешает росту производства товаров для народа?

Полностью ли устраивают вас публикации по вопросам науки и техники? С кем из обозревателей по внутренним и международным проблемам вы хотели бы встретиться на страницах журнала?

Редакция намерена ввести в практику своей работы интервью по вопросам, заданным читателями. Редакция будет благодарна, если вы сообщите: с кем из общественных деятелей, хозяйственных руководителей, ученых, композиторов, художников, писателей, актеров вы хотели бы встретиться на страницах журнала, о чем с ними побеседовать?

Журналисты «Огонька» с удовольствием примут от вас задания, связанные с поездкой в тот или иной район страны, — рубрика так и будет называться «Командирован читателем».

Мы всегда рады письмам наших читателей.

Ваш «Огонек»

КРОССВОРД

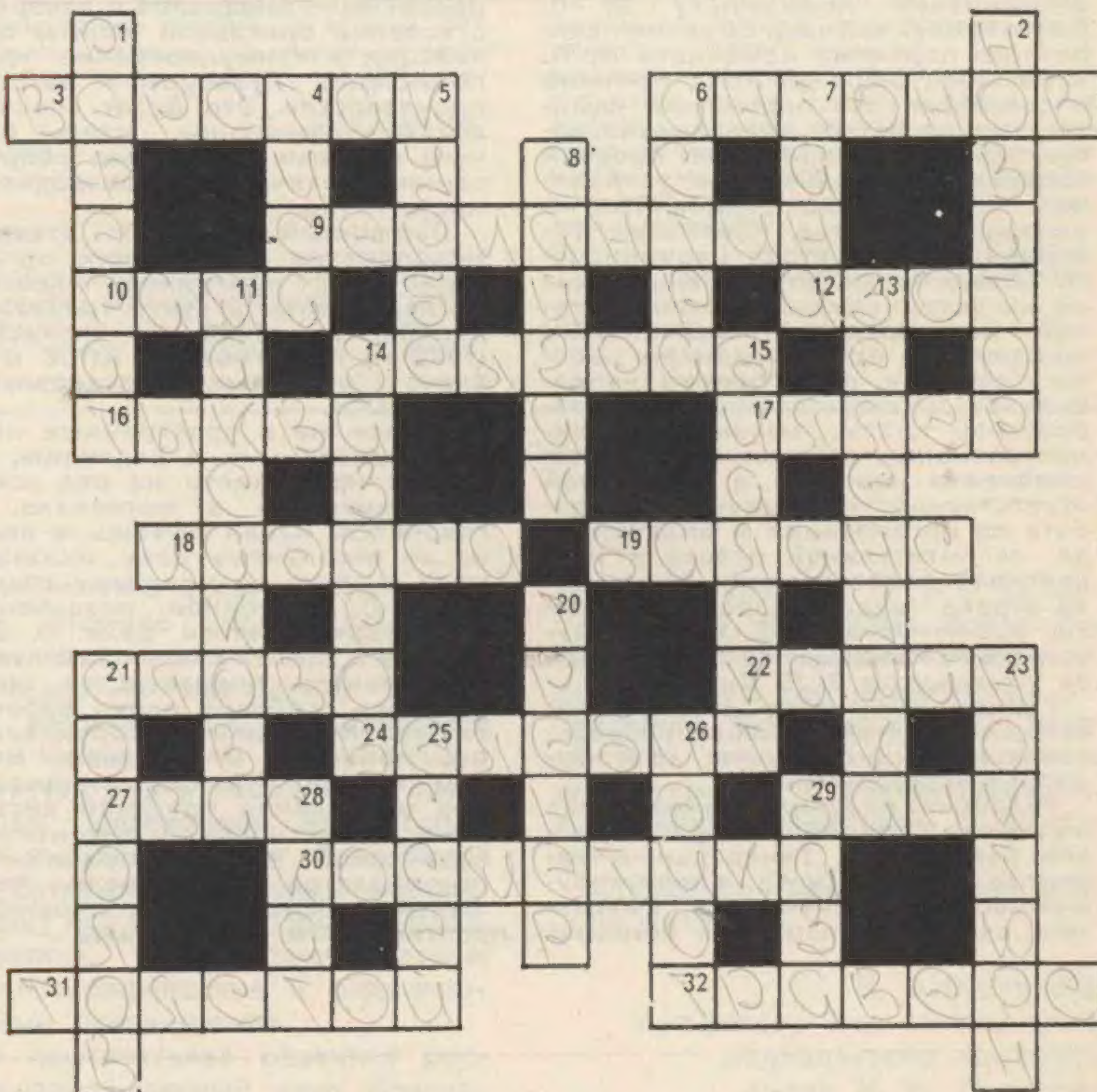
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Стол для слесарных, столярных работ. 6. Авиаконструктор, лауреат Ленинской премии. 9. Длинная узкая лента из цветной бумаги. 10. Несущая часть машины, установив. 12. Химический элемент, газ. 14. Столица государства на юге Европы. 16. Огородная, бахчевая культура. 17. Река в ФРГ. 18. Народный поэт Дагестана. 19. Равновесие. 21. Одна из основных единиц языка. 22. Город в Иране. 24. Горный хребет в Югославии. 27. Напиток. 29. Кредитное учреждение. 30. Средства для ухода за внешностью человека. 31. Великий русский писатель. 32. Направление, перпендикулярное курсу судна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Краткое изложение содержания научного труда. 2. Передовой работник, совершенствующий организацию труда, технику. 4. Приток Дуная. 5. Французский живописец, активный участник Парижской коммуны. 6. Цветок. 7. Озеро в Эфиопии. 8. Степное парнокопытное животное. 11. Певца, народная артистка СССР. 13. Рыба отряда окунеобразных. 14. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 15. Местное наречие, говор. 20. Преподаватель физкультуры, специалист в определенном виде спорта. 24. Герой рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека». 23. Небольшая лирическая инструментальная пьеса. 25. Озеро в Сибири. 26. Роман Ф. М. Достоевского. 28. Комплект колесных пар для вагона, локомотива. 29. Место хранения товаров, материалов, склад.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Почтамт. 6. «Колобок». 8. Котельников. 10. Рица. 11. Негатив. 14. Рагу. 15. Центнер. 16. Рутений. 17. Буханка. 18. Ножовка. 20. Неверов. 22. Плед. 23. «Ариадна». 26. Кипр. 27. Кручковский. 30. Анапест. 31. Уилпата.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Каталог. 2. Деканат. 3. Ватт. 4. Глюк. 5. Прогноз. 7. Кулигин. 8. Красноводск. 9. Верстовский. 11. Нарбада. 12. Алланха. 13. Веранда. 19. Жалейка. 21. Реприза. 24. Иркутск. 25. Давлури. 28. Улей. 29. Киль.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Село Новые Петrivцы под Киевом. Отсюда командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин руководил осенью 1943 года боями за освобождение Киева. Сегодня на месте бывшего КП фронта высится памятник освободителям столицы Украины. * Снимки военной поры. (См. в номере материал «Битва за Днепр»).

Фото Н. Козловского, Я. Рюмкина, И. Шагина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В летний день в детском городке «Сказка» (гор. Николаев).

Фото Б. Рыбакова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-80; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.10.83. Подписано к печати 25.10.83. А 00736. Формат 70 × 108³/₄. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2683. Заказ № 1428.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ -

Накинуть петлю он спешит
На наши предложения,
Чтоб не решить,
а задушить
Вопрос разоружения.

Дм. Дёмин

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663